

СИБИРЬ

5 • 2023

30 ЛЕТ
БАЙКАЛЬСКОМУ ЛИМНОЛОГИЧЕСКОМУ
МУЗЕЮ ИНЦ СО РАН

Подводный мир Байкала

СИБИРЬ

400/5 5.2023

Литературно-художественный
журнал писателей Восточной Сибири
Учредитель — Иркутское региональное отделение
Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России»
Журнал выходит при финансовой помощи
Министерства культуры Иркутской области
Основан в 1930 году. Выходит 6 раз в год

Содержание

Иркутская хрестоматия

90 лет со дня рождения

Семен Устинов. Намоленные временем. Из книги «Вести от синих гор» 3

Поэзия

Владимир Скиф. «В порту Байкал Распутин бытовал...» 7

Юрий Баранов. Моей души крылатое движенье 36

Василий Забелло. Под звездой Богородицы 83

Нина Ягодинцева. «Тоске не выискать обнови...» 103

Леонид Изосов. «У костра среди вечной ночи...» 119

Александр Клиндухов. «Сейчас совсем иное измеренье...» 180

Проза

Андрей Пучков. Удачный выстрел. Рассказ 18

Валерий Хайрюзов. Любка. Рассказ 44

Игорь Корниенко. Пластмассовая война. Рассказ 93

Галина Туюкина. Плюс-минус час. Рассказ 109

Литературные хроники

Владимир Ходий. Литературная хроника Прибайкалья 1937–1991 годы. Часть 1 124

Литературная критика

Александр Лаптев. Про всякого дурака своя песня.
(отклик на повесть Н. Вяткина «Музыка воробьёв») 168

Валентина Иванова. Осторожно, детская литература! <i>Рецензия на книги Е.М. Хохрякова</i>	173
Светлана Волкова. Защитить сказку	177

Дено Байкала

Алексей Головкин. Хранители уникального озера: Байкальский музей	184
---	-----

Детская страничка

Ксения Неволкина. Я варю в кастрюльке чудо	190
---	-----

Точка зрения

Владимир Крупин. Райские цветы	198
От начала к началу. <i>Откуда вышла, куда шла и куда идёт литература</i>	200

Очерк и публицистика

Валерий Скрипко. Всё праведное просит правоты. <i>Кто он, герой сибирской поэзии?</i>	206
---	-----

Сумочка к редактору

Светлана Супрунова	216
Владимир Скиф	218

*Главный редактор Ю.И. БАРАНОВ
Заведующий отделом поэзии В.П. СКИФ
Заведующий отделом прозы, ответственный секретарь С.В. ЗУБАКОВА*

СОВЕТ ЖУРНАЛА

Г.В. Аксаментов, А.А. Антипин, Ю.И. Баранов, В.В. Козлов,
М.Т. Орлов, О.Н. Полунина, А.М. Семенов, В.Н. Хайрюзов.

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются, кроме особо оговоренных случаев. Редакция оставляет за собой право принятые к печати рукописи редактировать и корректировать. Произведения более пяти авторских листов к рассмотрению не принимаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.
Оформление обложки Г.Г. Гордиевских. Комп. верстка А.Л. Гордиевских. Корректор Н.О. Шильникова.

**Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Иркутской области.
Свидетельство о регистрации СМИ от 13.12.2012 г. ПИ № ТУ38-00600**

Адрес редакции: 664025, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 40. Адрес учредителя: 664025, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 40.
Телефон редакции: 8-914-92-75-720. Электронный адрес редакции: shurnal_sibir_irkutsk@mail.ru
Подписано в печать 28.09.2023 г. Дата выхода в свет: 13.10.2023 г. Формат 70x108/16.
Усл-печ. л. 20. Тираж 1000. Цена свободная.
Издательство: ИП Лаптев А.К. Адрес издателя: 664047, ул. Трудовая, 55-51. Тел. 8 (3952) 23-38-45.
Отпечатано в типографии: ООО «Цифровик»
Адрес типографии: 664047, г. Иркутск, ул. А. Невского, 99/2

Иркутская хрестоматия

90 лет со дня рождения

СЕМЕН УСТИНОВ

УСТИНОВ Семён Климович — прозаик, природовед, кандидат биологических наук. Родился 1 сентября 1933 года в селе Унэгэтей, Заиграевского района Бурят-Монгольской АССР. В 1956 г. окончил охотоведческий факультет ИСХИ в Иркутске. Работал старшим сотрудником Баргузинского государственного заповедника (1956-1960). Член Союза писателей России. Заслуженный эколог РФ. Автор книг: Заповедник на Байкале (Иркутск, 1979); Год и вся жизнь медведя (Иркутск, 1987); Загадочные тропы кабарги (Иркутск, 1989); В лесах у Байкала: зарисовки эколога (Иркутск, 1998); Волчья песня (Иркутск, 2003); Вести от синих гор: рассказы (Иркутск, 2006); Визит к Берендею: записки эколога (Иркутск, 2008); Эколог Леший и его соседи: рассказы о животных (Иркутск, 2011), Аборигены тайги: повествования о животных (Иркутск, 2016). Почётный член Всероссийского общества охраны природы, состоял в Совете по природопользованию Сибирского отделения Академии наук, Почётный член Иркутской областной организации охотников и рыболовов, член американского общества териологов (исследователей млекопитающих), его работы опубликованы в Японии и США, в скандинавских странах и в Швейцарии. Награждён Большой медалью Советского комитета защиты мира (1987), Заслуженный работник охотничьего хозяйства РФ (1997). Лауреат премии «Интеллигент провинции» (2005). Награжден Почетным знаком Всемирного Фонда защиты природы «Золотой бурундук» (2006), лауреат премии им. Ф.Р. Штильмарка за книгу «Вести от синих гор» (2007). Именем писателя названа библиотека п. Утулик и детская библиотека № 21 ЦБС г. Иркутска. Умер 6 июня 2017 г. в п. Утулик.

Намоленные временем

из книги «Вести от синих гор»

Слово «Давше» по-эвенкийски означает «Открытое пространство», «поляна» — так полагает П.И. Мартынов, бывший директор Баргузинского заповедника, центральная усадьба которого здесь располагалась. Обширная поляна, выводящая прямо на северо-восточный берег Байкала, со стороны леса ограждена стеною мощного кедровника, подножие свое укрывшего плотными зарослями душистого болотного багульника, мхами. В поисках упавших шишек я иду по этим зарослям и вижу прямо под стволом толстой березы среди ее корней кусочек белеющего камня, как показалось, из кварца. Но на камне проглядывается шов, что делает его очень похожим на человеческий череп. Наклонился, раздвинул кусты, толстую подушку мха — череп! Через час-полтора аккуратной работы передо мною на толстых, почти сгнивших, грубо отесанных плахах лежал скелет высокого человека. Вдоль тела были положены небольшой топорик, пика и трехрогая острога (от ручек из дерева остался трухлявый след). Здесь же лежал из какого-то прочного материала околыш головного убора и маленькая сумочка из кожи (тоже — след), а в ней сгнивший трут, камешек, полоска металла — огниво и маленький круглый красный королек с дырочкой — от женского мониста. Этот королек остро поразил меня: чей подарок в путь далекий, чей оберег, чья память, чье доброе-родное напутствие носил с собою этот неведомый русский человек в далеком эвенкийском краю? И где теперь эти люди... Он и похоронен был по эвенкийскому обряду, не в могиле.

Много позже я прочитал о том, что лет двести назад, в середине XVIII века, из Верхнеангарского острога в острог Баргузинский была отправлена группа из шести казаков, но все они сгнули в пути... Идти они могли только вдоль северо-восточного побережья и никак не миновали бы Давше. Собранные останки были переданы директором заповедника иркутскому археологу П.П. Хороших, их дальнейшую судьбу я не знаю.

В более позднее время

Иду по берегу родной речки Курбы в Восточном Прибайкалье и внимательно разглядываю неглубокое дно. Мне надо заметить какую-нибудь полузамытую коряжку, кочку, камень, под которыми на день укрываются налимь — ночные хищники. Зайдя в воду, тихонько тыкаю, покачиваю «замытость», из-под которой иногда недовольно высовывалась голова налима, или он выскакивал и удирал в глубину. Тут его надо было успеть заколоть острогою, а мама поджарит как добавку к вечной картошке в голодном детстве.

Но что это такое странное угольно-черное торчит из песка на отмели метрах в десяти от берега? Четкие огранности выдают изделие человеческих рук. Не без труда вытянул — приклад древнего-преддревнего ружья, а на нем изржавленные курок и полочка для пороха! Как ружье оказалось в реке? Дома предположили: уронил с плота, а то — утонул с ним бедный хозяин, и был он из отряда землепроходцев. Возьму, бывало, в руки, и сердобольно мерещится мне несчастный его хозяин: кто это был, что с ним случилось, что оставил на далекой родине своей, как прошел путь свой земной...

Камни, намоленные временем

В июле 1999 года наш детский природопознавательный лагерь стоял на Третьем Курминском мысе Малого Моря Байкала. Окрестные горы Приморского хребта были знакомы, когда-то я проходил их и летом, и зимою. Но еще с тех пор мне хотелось подняться и на левый борт долины речки Курмы, на высокий, крутой, скалистый склон при выходе ее к Байкалу. Какие дали должны были оттуда открыться!

Пара часов подъема, и я на его вершине! За спиною близкий голец с пятном снега, оттуда холодный тугой ветер — неожиданная опасность разгоряченному подъемом телу, а перед глазами яркий простор Малого Моря. Все острова, оранжевый в закате солнца ольхонский берег, пролив Южные Ворота, Кобылья голова, Мухорский залив и светлые точки наших палаток — под ногами.

Стою, переживаю знакомое чувство восхищения простором родной байкальской природы. Все, кому приходится смотреть вдаль с высоких гор, испытывают это яркое чувство. Но что это там внизу, где кончается крутой скалистый склон? Неширокое, почти ровное пространство на границе с лесом. Оно сплошь завалено крупноглыбовым камнем, но отгорожено ясно видимым метров в сто пятьдесят длиною валом из плоских глыб, многие из которых поставлены на ребро.

Это же явно дело рук человеческих! Спустившись, поразился еще более. Сколько людского труда здесь положено, но — зачем? Первое предположение — это сооружение оборонительного характера. Какое-то племя укрывалось при нападении враждебных сил, а защищаться отсюда удобно: пока враг карабкается по крутому, заваленному камнем склону, его можно сто раз расстрелять из лука, поразить копьем. Подход здесь только один, за спиною непроходимые скалы.

На огороженной валом площади несколько каких-то воронок, а под огромной плитою потайное пространство с нешироким входом — все здесь таинственно, все загадочно.

И представилось мне время тех людей: одеты в шкуры, короткая гортанная речь, тяжелая работа — некоторые глыбы потянут далеко за центнер. Рядом на камнях лежат копыя, луки. Эти древние камни, поросшие плотным накипным лишайником, видели их, помнят натруженные их руки... Сколько здесь было лишений и радостей, побед и поражений... остались одни серые камни.

Но археолог Артур Харинский и геолог Сергей Снопков, которым я в то же лето показал это сооружение, высказали другое соображение: это было ритуальное городище, здесь проходили языческие обряды. Кто-то из них вспомнил, что у археолога П.П. Хороших в одной из публикаций есть туманное высказывание о возможности существования где-то на побережье Малого Моря древнего городища...

Так, через много лет состоялась эта находка.

Память природы

В начале восьмидесятых годов полевые исследования экологии изюбря и медведя я проводил на Приморском хребте, на Малом Море Байкала. Жил в долине ключа без названия между Сурхайта и Енхоком. Распорядок дня был таким: на рассвете я поднимался к вершине горы, встречал там солнце, наблюдал кормящихся на травянистых склонах зверей, а когда они с восходом солнца уходили в

лес, спускался к своей стоянке. К заходу солнца я снова оказывался там же, и в сумерки возвращался на ночлег. В один из таких — ночных — подъемов к наблюдательному пункту с близкого Байкала натянуло реденький туман, и он довольно быстро плыл по лесу. Я остолбенел: по краю леса в этом тумане медленно шел большой черный... ящер! Сознание отказывалось верить, нет у нас такого чудища, но ведь вот же он, даже глаза поблескивают! Вскоре туман пронесло, ящер остановился, и я на прямых ногах подхожу к нему. Это надо же с таким искусством выгореть толстой валежине в давнем пожаре! Даже глаза — выгоревшие дырочки от сучков, а в них угольки поблескивают. Движение тумана создало иллюзию движения и самого «ящера». Ну чем не память природы? Ведь жили когда-то на земле подобные чудища, вон — на острове Комодо до сих пор живут.

ПОЭЗИЯ

ВЛАДИМИР СКИФ

«В порту Байкал Распутин бытовал...»

(НОВЫЕ СТИХИ)

* * *

Мне в этой жизни повезло:
Не отвечаю злом — на зло.
А зла всё больше на земле,
Рассудок, не живи во зле.

СКИФ Владимир Петрович родился в 1945 году на ст. Куйтун Иркутской области. Служил на Дальнем Востоке в морской авиации. Окончил отделение журналистики Иркутского госуниверситета. Автор 32 книг и собрания сочинений в 7-ми томах. Победитель V Московского международного конкурса поэзии «Золотое перо-2008», победитель поэтического конкурса «Неизбывный вертоград» им. Николая Тряпкина (2010), Лауреат Международных премий им. П.П. Ершова (2009), «Имперская культура» им. Э.Ф. Володина (2014), «Югра» за перевод «Слова о полку Игореве» (2015), Лауреат Всероссийских литературных премий «Белуха» им. Г.Д. Гребенщикова (2013), им. Николая Клюева (2014), Лауреат премии издательского дома «Русский писатель» (2014, 2016), Лауреат премии журнала «Наш современник» (2015), Лауреат конкурса одного стихотворения «Донбасс, Донбасс, земля моя, ты весь горишь в огне» в Петербурге за стихотворение «Бескрылый ангел» (2016), Лауреат конкурса им. Николая Денисова (2017). Четырежды лауреат Губернаторской премии Иркутской области (2010, 2011, 2015, 2019). Лауреат Большой литературной премии России (2018). Академик Российской академии поэзии. Советник Губернатора Иркутской области по культуре. Печатался в Америке, Аргентине, Канаде, Болгарии, Венгрии, Сербии. Стихи переведены на сербский, венгерский, болгарский языки. Живет в Иркутске.

* * *

Вчера я встретил Александра Блока,
С ним Данте и Вергилий молча шли —
По райским кущам, пастбищам, дорогам —
И мрачный Ад в Чистилище несли.

* * *

О, невозвратность бытия,	Душа сумеет ли постичь
Несовместимость дня и ночи,	Несовершенство созиданья,
Где между них душа моя	Где Млечный Путь, как Божий бич,
Вновь о бессмертии бормочет...	Рассёк глубины Мирозданья!

«Что передать вороне?..»

В порту Байкал, где затаилась мгла,
Жила ворона, в скалах застревала.
Она неотличимую была
От этих скал, где пряталась, бывало...

В порту Байкал Распутин бытовал,
Ворону видел и внимал которой.
Он образ русской доли создавал
И называл погибшею Матёрой.

Со дна уже Матёру не достать...
И для меня останется загадкой,
ЧТО он хотел вороне передать?
О смерти весть или о жизни краткой?

Ворона не покинула Сибирь,
Не сдвинулась Байкала панорама...
Крест у могилы. Женский монастырь.
...Молчит ворона на воротах Храма.

* * *

Не рассуждай, не хлопочи.
Безумство ищет, глупость судит...
Ф.И. Тютчев

Я видел Тютчева во сне,	И показал — его дорога
Он пронесил себя по жизни.	Невольно привела ко мне.
Служил и слову, и Отчизне,	Я прошептал: — Не может быть!
И частью жил уже во мне.	Наверно, это всё условно.
Я встретил Тютчева в окне:	И он исчезнет — безусловно,
Он постучал в окно не строго	Его не надо торопить!

И он сказал: — Не хлопочи,
Не рассуждай в пределах света.
И если ты узнал поэта,
У окон встань и помолчи.

Себя безумству не учи,
Не добавляй для сердца смуты

И в эти редкие минуты
Стихов поспешных не строчи.

...Он постоял и помолчал,
И в небо улетел сквозь тучи...
И я подумал: — Может, Тютчев
Кого-то третьего встречал...

Саранки

Байкал дымился спозаранку,
И я увидел сквозь туман:
Из леса к нам пришли саранки,
И это правда — не обман.

Они спустились друг за другом
В той, непроглядной нам, поре
И, встав заметным полукругом,
Расположились во дворе.

А солнце огненным рубином
По-над Байкалом поднялось,

И у Распутинской рябины
У них волнение улеглось.

Сказать по правде, было лестно
Им тёмный лес преодолеть!
С рябиной рядом жить полезно
И за потомство не болеть.

...Они ютились на полянке,
Где зазвенели топоры,
И побежали вниз саранки
Во двор с Распутинской горы!

Байкальские бакланы

Неужто вражья рать его искала
И отправляла из далёких стран?
Как будто наказание Байкала,
Вернулся к нам на озеро баклан.

Он, ввинчиваясь в пазухи Байкала,
На глубине всю живность достаёт.
Себя экосистема напугала:
Опомниться Байкалу не даёт.

Баклан жирует, царствует — и слёзы
Берёзы льют сквозь утренний туман.
На берегах — облюбовал берёзы
И селится среди ветвей баклан.

О рыбе не заботится нимало
И омуля, как оглашенный, жрёт —
Стремительная пагуба Байкала,
Лихой баклан, живой шуруповёрт!

День Святого Владимира

Луна на исходе за тёмную ель зацепилась
И тихо висит, как парящий на небе сапсан.
Мне ночью сегодня Святая Мария приснилась,
Икону её мой талантливый сын написал.

А вот и разумное солнце, как Бога квадрига,
Пустилось по небу навстречу молитвам и снам.
Мир истины ждёт и великого, чудного мига,
Чтоб жизнь не казалась пустой
и бессмысленной нам.

Оплот нашей веры — живая стезя Православья,
По небу бессмертному Ангел над нами летит.
И в церкви сегодня народы Владимира славят,
Здесь призраков нет.
И Господь возле сердца стоит.

* * *

Бессонница сознание мучит,
Ночь вяжет тёмные узлы.
Дождь нескончаемый, тягучий
Скользит от неба до земли.

Молчит сибирское нагорье,
В густых лесах скрывает тень.
И умывается подворье
Глухим дождём не первый день.

За что-то нам идёт расплата...
С небес срывается вода,
И поле мягкое, как вата,
Ведёт дорогу в никуда...

Неутомимая

Прямые лысые мужья
Сидят, как выстрел из ружья...

Николай Заболоцкий

Она мне скажет:

— Шла тут просто мимо я
И на тебя случайно набрела...
А я её назвал — неутомимая,
Не женщина, челночная игла.

Доступны ей летанья и метания,
И сладкий верх, и ласковое дно,
С природой неподкупные свидания,
Где самым близким сделалось одно,

Привычное и, всё-таки, любимое,
Где ей охота взвиться на дыбы!
В грибном лесу она неутомимая,
Когда проснутся белые грибы.

В любых делах она непостижимая,
Своею жизнью подтверждаю я:
Она — моя любовь неутолимая,
И острая, как выстрел из ружья!

Град в Нижнеудинске

Пришёл июль, мальчишки рыбу удят,
Томат в теплице первый покраснел.
Но грохнул град! Оглохший Нижнеудинск,
Из окон глядя, весь оцепенел...

В июле град! Столбом стоит природа,
Сошедшая — и с неба, и с ума...
Июль, как будто перевёртыш года,
Упал на огороды и дома!

Загихли птицы от такой напасти,
Молчат собаки, лают петухи.
У нас погода отбирает счастье
За наши несусветные грехи.

Вон женщина, ладони погружая
В бессмертье града, тихо говорит:
— Ну, вот и всё! Лишилась урожая!
А может, завтра и земля сгорит?!

ОТЦОВСКИЙ ДОМ

Смирнову Петру Алексеевичу

Родная дорога мерцает знакомо,
Теряется в травах на склоне пустом.
Тропа зарастает к отцовскому дому,
Оглохший, ослепший, осунулся дом.

И вот я приехал к бездомному дому,
Он еле узнал меня, глухо сказал:
«Ты был самым близким,
а стал незнакомым,
Хотя бы однажды письмо написал...

Ведь я не исчез, да и адрес остался,
Поэтому — было бы кстати письмо,
Я почерк твой знал,
но тебя не дождался,
Твой облик остался, как в сердце клеймо».

Двор слушал, томился,
в нём не было знаков,
А только крапива. Я встал на крыльцо,
Дом вздрогнул и замер,
и тихо заплакал,
В туманный рассвет окуная лицо.

*Написано в Петров день
в День рождения моего отца
12 июля 2023 года*

Ворона

Сижу с Распутиным на даче:
Он на портрете — близкий, свой...
Мы говорим, а это значит
И он живой, и я живой.

На лиственнице, где ворона
Обыкновенная жила,
Вверху была не просто крона,
А разветвлённых три ствола.

И в сердцевине этой кроны
Среди стволов, среди тепла
Небезызвестная ворона
Гнездо высокое свила.

Живое лето пахло тмином,
Цвела саранками гора,
И у Маруси с Валентином
Была придумана игра.

Жила ворона, как на троне,
Маруся думала своё...
— Что передать твоей вороне? —
Распутин спрашивал её.

Была ворона быстrokрыла,
Летала в ад, летала в рай,
Маруся тихо говорила:
— Привет вороне передай!

...Прошли года, ворона где-то,
Её искать никто не стал...
И ей последнего привета
Уже никто не передал.

Стреноженная лошадь

Широкий луг не тронут и не скошен,
Там слепота куриная горит,
Став тишиной, стреноженная лошадь
Во тьме ночной с собою говорит.

Храпит село до самых до окраин,
Не слышно петухов или коров.
И знает лошадь: спит её хозяин,
Молчат собаки посреди дворов.

И я подумал: кто хотя бы грошик
Подад ей, чтобы путы развязать.
В ночи молчит стреноженная лошадь,
Поскольку спящим нечего сказать.

Во мгле деревня на автопилоте
Куда-то в лютом космосе летит,
Петух скорлупку месяца проглотит,
И снова тьма кромешная стоит.

Стоишь в пустом и звонком храме,
И молишься за всех живых.
Во многом мы виновны сами,
Что часто забываем их.

И ты под взлёты рифмы шалой
Сидела около меня,
И услышать смогла, пожалуй,
Заветы будущего дня,

Но ты о прошлом не забыла,
Где бился жизненный исток.
Ты приносить цветы любила
В мой вдохновенный закуток.

Где обретенья и страданья,
И восхождение испокон,
И в церкви с Господом свиданья
Среди молитвенных икон.

Обитель

Я сам себе соперник, осмыслитель
Своих и поражений, и побед.
Ну, что ж, входите все в мою обитель,
Пути другого в моё сердце нет.

У вас у многих будет глаз навыкат,
Когда вы суть узнаете мою,
И что живу я безо всяких выгод,
И ем коренья, Божью воду пью.

Что чую я — обыкновенный житель —
Любого, кто является ко мне...
Совсем не дно, а скит — моя обитель —
Пристанище в зелёной глубине

Необычайно дикого простора,
Где прямо в окна входят небеса,
Над лесом пронизательные горы
Распознают чужие голоса.

Вы несомненно станете чуть ближе
К святым и недоступным небесам,
Слух обретёте, чтобы ближних слышать,
Каким я так же становился сам.

Вы на камнях оставите пожитки,
Войдя в обитель тихую мою,
И возродитесь, чтоб идти по жизни,
А не страдать у света на краю.

Увидите, как утро расцветает,
Как Ангел пролетает налегке,
И на окне свои стихи читает
Герань на древнерусском языке.

Забулдыга

Вот небеса, вот чьей-то жизни книга,
А вот деревня, девица-краса,
Живёт в моей деревне забулдыга
И даже не глядит на небеса.

Пни от ворот и возле них булыга,
Где коршун прилетает и сидит,
Он ждёт, когда подохнет забулдыга,
И в тёмный дом с надеждою глядит.

Любой хозяин и любой барыга
Обходят стороною этот дом,
У них водяру клянчит забулдыга
И без закуски пьёт её при том.

Я к забулдыге шёл — поэт-задрыга,
Которому совсем не всё равно,
Что умирает в доме забулдыга,
И нёс ему похмельное вино...

Мир отупел! И этот дом постылый
Корячится над грешною землёй,
А во дворе — недвижная пустыня,
Заросшая могучей коноплей.

Мы в темноту, как в бездну заглянули
И выпили, чтоб жизнь его продлить.
Он мне сказал: — Ищу для «тулки» пулю,
Чтоб коршуна из «тулки» застрелить!

Шаман

Скульптору Евгению Тимковичу

Вы слышали дыхание шамана?
Его камланье или ворожбу?
КАК из бревна, из кедра-великана
Извлечь шамана странную судьбу?

Бревно живое. Скульптор с ним беседу
О чём-то доверительном ведёт...
Оно, быть может, не отдаст победу
И скульптору навстречу не пойдёт...

Тогда придумай для него движенья,
Чтоб он вздохнул, ожил, заклокотал,
И ты не испытаешь пораженья...
Шаман к тебе приглядываться стал.

Он где-то рядом, кажется, в начале
Рожденья из кедрового бревна,
Его глаза и губы повстречали
Твой взгляд ответный —
суть его видна!

И вот уже он ахнул, удивился,
Что он не побоялся и возник...
Упорный скульптор своего добился,
Настал рожденья просветлённый миг!

У твёрдых скал и зыбкого тумана,
Где кувырчался чокнутый баклан,
Затеплилось дыхание шамана,
И к пляске приготовился шаман!

Вода Байкала

*Памяти Сергеева Славы
и Анатолия Игнатенко*

Живительная радуга Байкала,
Его неисчислимая вода
Быть своенравной вовсе не устала
И не ушла, не скрылась никуда.

Она бывает тихую, немую,
Податливой, с волною небольшой...
Но вдруг взорвётся дикою Сармою,
Тогда держитесь свой или чужой.

Байкал гудит невиданный, ужасный,
Угрюмый и тяжёлый, как свинец,
Для рыбака и моряка опасный,
Непобедимый в схватке, наконец.

Из мягкого, спокойного тихони
Он превратится в МОРЕ — и готов

В Песчаной Бухте или на Ольхоне
Не пощадить ни лодок, ни судов.

Его ветра, как грозная удавка!
Бой на воде, Байкал непобедим...
В таком бою погиб Сергеев Славка
И Толя Игнатенко вместе с ним.

Байкал суров, непредсказуем, труден,
Ему свой нрав не хочется скрывать...
С ним мог общаться Валентин Распутин,
«Господней мерою щедрот» назвать.

В сравненье с небом он и мал, и крупен,
Несёт Творцом означенную роль,
И пониманью нашему доступен,
Хоть о погибших не проходит боль.

* * *

Мир в ощущениях расколот...

Алексей Прасолов

Где вспыхнет начало — там гаснет финал,
А если в них впишется гений?
Расколотый мир, его Прасолов знал,
Он жил чередой ощущений.

Там знак непрощённости, проруби зрак,
Змеёю скользящее время,
А в нём отвержения чёрный овраг,
Униженность, бьющая в темя.

Невиданной рифмы широкий размах,
Души ветровые прораны,
Приснившейся смерти спасительный страх,
Губительной жизни обманы.

...Неужто он пишет стихи на века —
Поэт сумасшедшего вида,
Где в душу, как в бездну, упала тоска
И тёмная блажь суицида.

Среди ощущений мерцала петля,
Она оказалась всех ближе...
И вот раскололась на части земля,
Он просто в системе не выжил.

Красная река

Земная грянула тоска,
Под небом загрела алость,
От крови красная река
В моей стране образовала.

Кровь Первой мировой войны
Слилась с рекой войны Гражданской.
И в красном омуте видны
Потоки крови арестантской.

В год сорок первый спать невмочь,
Чернеет над столицей горе,
И кровь нахлынула, и ночь,
И залила страну, как море.

Кровь невозвратная течёт
По русским далям и столетьям

И реки новые влечёт
Из мест, где погибают дети.

Кровь Новороссии жутка,
С ней столько связано трагедий,
Их не минуют облака,
Священник мимо не проедет.

Летят года, летят века
Как кровь по сталинским лампасам,
Там кровь последнего «зэка»
Слилась с израненным Донбассом.

Взорвётся Гитлера строка
В забытых книгах на немецком.
...Утопит красная река
Нацистов новых под Донецком!

«Кремень»

*«Большая игра» — политическая
передача на 1 канале TV*

Идёт игра или война...
На Украине танки
Взрывает грозная волна,
Аж до Луны останки...

Мобилизованный солдат
Молчит вдали от танка,
Такой непостижимый ад
Не видел даже Данте.

Здесь пожирает свет и тень
Огонь неукротимый,
Но защищает русский день
Наш танк непобедимый.

Солдату нужен Новый День,
Он служит твёрдой цели,
И позывной его «Кремень»
У жизни на прицеле.

АНДРЕЙ ПУЧКОВ

Удачный выстрел

РАССКАЗ

Я стоял на холме и смотрел на деревню, мирно посапывающую под снежными барханами. Солнце, покрасневшее от мороза, гигантским колесом медленно и величественно катилось к земле, разбрасывая в стылом воздухе багровые сполохи. Тишина стояла такая, что даже не верилось! Я переступил с ноги на ногу, чтобы услышать скрип снега и вынырнуть из безмолвия в реальность. Тишина. Казалось, что застывший воздух сковал все звуки, которые могли бы появиться в этом таёжном зимнем безмолвии.

— Эге-ге-ге-е-е-е!.. — заорал я в надежде, что крик всколыхнёт лесную глушь и покачнёт неестественно прямые, упирающиеся в безоблачное вечернее небо, неподвижные столбы белого дыма, поднимавшиеся от каждой избы.

— Эге-ге-ге-е-е-е!..

ПУЧКОВ Андрей Викторович — прозаик. Родился в 1963 г. в посёлке Хандальск Абанского района Красноярского края. В 1984 г., после демобилизации из Советской Армии, служил в МВД в должности оперуполномоченного уголовного розыска. В 2006 г. вышел в отставку в звании капитана. Рассказы публиковались в журналах: «Молодая Гвардия», «Гостиная» (США), «Сибирские Огни», «День и Ночь», «Енисей», «Нижний Новгород», «Сура», «Аргмак», «Бийский вестник», «Северо-Муйские огни», «Белая скала» и др. Победитель II Международного литературного конкурса имени А.Н. Плещеева (2022); лауреат международного фестиваля-конкурса «ЛитКузница» в номинации «Проза» (2022); победитель в шестом межрегиональном конкурсе «Ты сердца не жалея, поэт» в номинации «Малая проза» (2023); лауреат I Международной литературной премии им. А. Серафимовича, в номинации «Лучший автор развлекательной прозы» (2023); дипломант Международного конкурса фантастической прозы и поэзии «Пласты и глубины» (2023). Живет в г. Сосновоборске, Красноярского края.

— Э-э-э-й! Степаныч!.. — услышал я сквозь сон голос Мишки «Череп» и, открыв глаза, уставился на мощные брёвна блиндажного потолка.

Вставать не хотелось, тем более после такого сна. Закрывать бы опять глаза да досмотреть!.. Может, и морозец почувствую! Может, он нос и уши пощиплет! Как тогда, в детстве...

— Ну и чё ты как потерпевший орёшь? — зевнул я, выбравшись из блиндажа в окоп, и зябко поёжился, вопросительно посмотрев на напарника.

Мишка, приткнувшись к брустверу окопа, вкусно чавкал бутером и через бинокль всматривался в сторону нашего тыла.

— Ты чего? Пути отступления себе, что ли, намечаешь? — поддел я Мишку и, сев рядом на пустой ящик от патронов, потянулся. — Бандерлоги, они вроде как с другой стороны, ничего не попутал?

— Да не-е-е!.. Тут другое! Кого-то нелёгкая занесла! БТР, вон, эскортом. Значит, опять кто-то там, наверху, что-то придумал, а мы эти задумки воплощать будем!

— Это верно, — согласился я, встал, ещё раз потянулся и, поудобнее устроившись на ящике рядом со своим вторым номером, коим Мишка и является, спросил:

— Куда смотреть-то?

— Да вон, возле бывшей водокачки восьмидесятый пристроился! Видишь? Из-за него тёмно-синий крузёр морду высунул. Вот на нём гости и прибыли.

— Ага, сейчас глянем, — пробормотал я и навёл СВД на кучку военных, которые топтались возле своих машин и с любопытством осматривались по сторонам.

Прижался щекой к упору и привычно убрал в прицеле полутени. Поймал себя на мысли, что на автомате подгоняю фигурки людей под разметку и определяю расстояние до них.

— Вот бы кто-нибудь сообщил им, что они на мушке у снайпера, — хихикнул Мишка, — на цирк бы посмотрели!.. На куриный!

— Это точно! — поддакнул я напарнику, не отрываясь от прицела. — Носиться начнут покруче клуш деревенских! Штабные почему-то думают, что суетливой беготней можно создать проблемы снайперу.

И я сплюнул, вспомнив, как «азовские» стрелки разом грохнули трёх наших штабных офицеров, которых нелёгкая занесла на линию разграничения. Не получилось у них от пули убежать! От пули надо прятаться, а не бегать. Хотя... если умеючи... Но откуда у них возьмутся эти специфические навыки.

Мы с Мишкой отобедали, закончив греметь ложками по котелкам, и теперь неторопливо смаковали чай. Я осторожно прихлёбывал из большой фарфоровой кружки горячий напиток, заваренный с известными только нашему повару травами. Напарник, в отличие от меня, насладиться горячим чайком не мог. Он пытался его пить, постоянно дует в кружку, но это мало помогало. Железная кружка обжигала губы. Я гаденько захихикал, когда Мишка в очередной раз обжёгся и, выругавшись, поставил кружку на стол.

— В первый же выход в «серую» зону у какой-нибудь бабульки кружечку, как у тебя, прикуплю, — уведомил меня напарник и опять взялся за свою железяку.

— Ты уже месяца три себе кружку добываешь, да всё никак...

— Да знаю я, знаю!.. — перебил меня Мишка. — Просто забываю всё время! Делом я там всегда занят!

— Это каким таким делом?

— А вот таким!.. Пока ты там прогуливаешься, я вынужден бдить, тело твоё снайперское охраняючи.

— Степаныч! — засунув голову в дверь блиндажа, заорал «Гаврик» — невысокий худощавый татарин, исполняющий неизвестно какую роль при штабе. — Давай бери свою «черепушку» и ходи до Маклая! Дело у него к тебе.

— Сам ты «черепушка»! — заорал в ответ Мишка и запустил в посыльного пустым «цинком», который он использовал вместо пепельницы.

«Гаврик», взвизгнув, спрятался за дверь и что-то проорал на языке родных осин.

— Мамай недобитый! — пробормотал Мишка и начал собирать окурки, разлетевшиеся по всему блиндажу.

Я засмеялся — худощавое Мишкино лицо с кожей, обтягивающей прямой подбородок и скулы, действительно смахивало на стилизованный череп, отсюда и прозвище.

Сразу к командиру не пошёл, отправил туда Мишку, а сам, чтобы разнюхать что к чему, направился к гостям.

— Здоров, ребята! — поприветствовал я бойцов у прибывшего БТРа и сел на корточки, привалившись спиной к могучему колесу. — Откуда гости? Наши? Али как...

— А хрен его знает! — хмыкнул лежащий на крыше БТРа боец, судя по масляным пятнам на камуфляже, механик-водитель. — Нам, батя, не докладывали, сдёрнули с места и отправили. Гости есть среди них или нет, нам знать без надобности.

— А чего они не на броне? А на этой фиговине, — кивнул я в сторону японского красавца.

— А это они до первого обстрела форсят! — засмеялся другой боец, удобно развалившийся на выложенной из битого кирпича лавке. — Как первый раз прилетит, так сразу же внутрь забьются, а потом и танк потребуют! Были уже случаи.

— Степаныч! Давай сюда! Ждут! — высунулся из командирского блиндажа Мишка и махнул мне рукой.

Я поднялся, попрощался с бойцами и потопал к напарнику.

Почему нашего командира батальона, майора Свиридова Алексея Николаевича, прозвали Маклаем, я не знал. Маклай и Маклай, не лучше и не хуже других. Хотя, подозреваю, что командира немало поболтало по жизни, вот к нему и приклеилась фамилия русского путешественника Миклухо-Маклая.

— Проходите, присаживайтесь! — пригласил нас комбат и движением руки указал на свободные стулья, стоящие возле его стола, на котором была развёрнута крупномасштабная карта.

Как и ожидалось, у командира были гости — два человека. Один в гражданке, одет неприметно: тёмно-серая матерчатая куртка, чёрная футболка и штаны. Но по манере держаться и выправке сразу видно — кадровый военный. Примерно сорок пять лет, мой ровесник. Глаза спокойные, но не оставляло ощущение, что в случае чего они прищурятся и начнут выискивать цель. В общем, волк стреляный, и за себя постоять сможет.

Второй, в отличие от своего неподвижно сидевшего напарника, без движения усидеть не мог, всё время перебирал под столом ногами, словно ему жали ботинки. Руки тоже не знали покоя и жили суетливой жизнью, перекладывая с места на место карандаши, ручки, линейки — всё, до чего дотягивались. Но больше поражало его звание — полковник! И это несмотря на то, что ему от силы чуть за тридцать. Было видно, что третьей звездой он получил недавно, так как время от времени косился на свои плечи. Сначала мне, со свету, грешным делом показа-

лось, что это старлей! Но нет, точно, полкан! Большие звёзды едва поместились на маленьких погончиках новенького, пиксельного камуфляжа.

— Как вы уже знаете, — начал комбат, дождавшись, когда мы устроимся за столом, — неделю назад к «азовцам» прибыла батарея гаубиц, которая расположилась в десятке километров отсюда и три дня назад сработала по жилому сектору.

Майор помолчал, давая время свыкнуться с этой мыслью, а потом, приподнявшись и ткнув карандашом в карту, продолжил:

— Основные удары пришлись сюда и сюда. Есть погибшие — ребёнок и две женщины...

Новостью это не было. Мы это знали. Снаряды разорвались прямо во дворе пятиэтажки. Новостью было то, что комбат не представил нас с гостями друг другу. Если в тайны играть начали, значит точно какая-нибудь дрянь ожидается.

— Они это и без нас знают, — перебив командира батальона, сказал полковник и взял карандаш, постучав им по столу, ожидая, что кто-то из нас выскажется. Не дождался.

— Они это знают, — повторил он и, ещё пару раз стукнув карандашом по столу, добавил: — но они не знают, кто командовал батареей, обстрелявшей посёлок.

Полковник помолчал немного, а затем резко поднялся и прошёлся по блиндажу, остановившись позади нас с Мишкой. Я еле удержался от того, чтобы не обернуться. Не люблю, когда за спиной стоят! Напрягает, знаете ли.

Передо мной на стол упало несколько цветных фотографий хорошего качества, запечатлевших молодого мужика тридцати пяти лет на фоне Киевского «Самсона». Лицо полное, но не заплывшее, стрижка короткая, под коричневой курткой тельняшка. Куртка гражданская, без нашивок, поэтому определить его принадлежность к роду войск, да и вообще к вооружённым силам, было невозможно.

— Молейко Егор Демидович, полных тридцать семь лет, кадровый военный, капитан, служил в береговой обороне ВСУ в Крыму. В четырнадцатом году, после известных событий, сбежал на Украину. Несколько лет о нём ничего не было известно, кроме того, что он совершал набеги в зону конфликта, командуя обстрелами жилых зон. Три дня назад он опять всплыл. Ну а результаты его появления вам уже известны.

Полковник вернулся на место, сел и, опять постучав ручкой по столу, спросил:

— Вам, наверное, интересно, зачем я всё это рассказываю? Никаких мыслей не появилось?

— Появились мысли, — вздохнул я, — как не появиться? Я так понимаю, что этого Молейко Егора Демидовича надо ликвидировать, так сказать, в назидание, чтобы неповадно было. Тем более что он на этот раз оказался близко к нам. Отомстить, одним словом.

— Именно! Чтобы они тоже боялись, знали, что не бессмертны.

— Да, мы с этим согласны, — кивнул я и мельком глянул на напарника.

Дождался, когда Мишка тоже кивнёт, и спросил:

— Нам только не понятно, каким образом снайпер, который должен убрать этого типа, — ткнул я пальцем в фотографии, — подберётся к нему на дистанцию выстрела? До батареи, насколько я знаю, добрый десяток километров. Сколько-то мы пройдем по «серой» зоне, это возможно: и мы, и добробатовцы там ходят. Однако останется ещё очень даже приличное расстояние, преодолеть которое весьма и весьма проблематично!

— Охотно верю! Проблема есть! — легко согласился полковник и опять постучал карандашом по столешнице. — Но ведь эта проблема решаема! Уже ведь ходили и, насколько я знаю, не один раз!

Не дождавшись каких-либо возражений, полковник посмотрел на своего молчаливого спутника и сказал:

— Капитан, прошу вас!

Поморщившись, как от зубной боли, тот, не глядя на большезвёздного соседа, вдруг выдал:

— Я изначально был против такого способа проникновения на сопредельную территорию. И по-прежнему считаю, что...

— Я бы вас, капитан, попросил держать при себе то, что вы считаете! Решение принято, и вам осталось только поделиться с исполнителями новостью.

— Я так понимаю, что вы в исполнители назначили нас, — кивнул я в сторону Мишки, — и почему-то решили, что мы согласимся с этой самоубийственной авантюрой! Да! Ходили мы туда, но не более чем на два-три километра.

— Прошу вас, капитан, сообщите, что нам удалось узнать! — опять повторил полковник и, посмотрев на меня, добавил:

— Как только узнаете, каким путём доберётесь до нужного места, я приведу доводы, почему вы не только согласитесь, но и с радостью отправитесь пристрелить этого Молейко!

Я с трудом проглотил вставший в горле комок.

— Это правда ОН? — спросил я и посмотрел на капитана.

— Да, старшина, это именно он командовал обстрелом, когда погибли ваши жена и сын. Ошибки быть не может. Поверьте, мы самым тщательным образом собираем доказательства виновности...

— Я знаю это и потому верю вам, — не дал я ему договорить, — давайте вашу идею, что придумали-то?

Капитан посмотрел на молодого начальника и тот, вытащив карту из лежащей на столе папки, развернул её и подвинул к нам:

— Зелёной линией обозначен путь, по которому вы доберётесь почти до самой батареи. Это коллектор — подземные коммуникации, в которых когда-то проходили линии связи Министерства обороны Советского Союза. Поскольку этим коллектором пользовались военные, информация о его наличии и тем более местоположении строго засекречена. Другими словами, о нём не знает никто, и, по нашим сведениям, не знают до сих пор. Нам повезло, что бывшие военные, проходившие здесь службу, вспомнили о нём и предоставили сведения.

Полковник подался вперёд и ткнул карандашом в карту.

— Коллектор берёт начало в «серой» зоне, вот тут, — сместил он карандаш к зелёной точке, — а затем проходит под лесополосой, ширина которой составляет примерно сто метров. С обеих сторон от лесополосы дороги, грунтовая и заасфальтированная, ведущие в посёлок, из которого и был произведён обстрел. Выход из коллектора расположен на территории бывшей воинской части, где имеются с десяток разрушенных кирпичных зданий. От этих развалин до нужной батареи не более полукилометра. Я думаю, что эти руины можно использовать как позицию для стрельбы.

Словно во сне слушая бормотание штабиста, я не мог сосредоточиться на его словах. Перед глазами всплыла дикая картина — мой сын, мой мальчик, лежит на спине, зажимая рану на груди ладонями, из-под которых толчками вырывается кровь...

Я поддерживаю голову сына, чувствуя, как его колотит мелкая дрожь. Он вздрагивает всем телом последний раз и затихает, обвиснув на моих руках. И тогда я начинаю выть. Я стою на коленях и, прижимая к себе неподвижное тело сына, вою, как волк, вою тоскливо и протяжно, раскачиваясь из стороны в сторону...

* * *

— У тебя есть вопросы, старшина? — обратился ко мне полковник, игнорируя Мишку.

— Нет, товарищ полковник, вопросов нет. Разве что... выйдем мы не завтра, а через три дня, в одиннадцать часов вечера.

Полковник несколько секунд разглядывал меня, словно впервые увидел, а потом спросил:

— Почему так долго? Почему через три?

— А я, товарищ полковник, не люблю торопиться, — пожал я плечами, — каждую охоту тщательно готовлю. Мне надо три дня!

— Хорошо!.. Три, так три — на том и порешим. Надеюсь, за это время батарея позиции не поменяет. Всё, свободны!..

От сопроводительного отряда по серой зоне я категорически отказался, заявив полковнику, что и два-то человека много, а если через зону начнёт ломиться целый отряд, то нас не заметит только ленивый. Мы идём вдвоём.

— Целых три дня! А ты чего столько дней-то запросил? — поинтересовался Мишка, когда мы отошли от блиндажа комбата на приличное расстояние. — Чё сделать-то за это время хочешь?

— Какие там три, — усмехнулся я, — сегодня ночью и выйдем.

— Какого хрена?! Почему?! Ты чего, затылок что ли себе шокером почесал?!

— Сам подумай, мозгами пораскинь...

Несколько минут шли молча, а потом Мишка поинтересовался:

— Не веришь им?

— А ты веришь? — вопросом на вопрос ответил я.

— Честно говоря, теперь уже не очень. Уж больно у него как-то всё гладко получается. Залезли. Прошли. Вылезли. Выстрел. Ушли обратно.

— Вот именно, — вздохнул я, — если об этом сооружении вспомнили наши военные, то могли вспомнить и украинские, которые тогда тоже Союзу служили. И попадёмся мы с тобой, как куры в ошип.

— Тоже верно, — согласился напарник и, ускорив шаг, спросил: — насколько я понимаю, мы сейчас топаем за бандеровским тряпьём?

Я кивнул.

* * *

О том, что надо в военкомат, я узнал случайно от соседа, который после смерти моей семьи частенько забегал ко мне. Проверял, не наложил ли я на себя руки. У меня действительно были такие мысли.

Через три дня после смерти сына, не приходя в сознание, умерла и моя жена, раненная тем же взрывом. Жизнь после этого потеряла смысл. Единственное, что несло облегчение, если это можно так назвать — жена не узнала, что сын умер.

— Ты бы, Степаныч, к военным подавался, туда тебе щас дорога, — как-то раз

посоветовал сосед, — может, и отведёшь душу-то. Завалишь бандеровца какого! Глядишь, и полегчает.

Сосед был прав, может, и полегчает, тем более что находиться одному в пустой квартире было невыносимо.

— Слышал я о вашем горе, — вздохнул военкоматский подполковник, к которому меня направили как добровольца, — и сдаётся мне, что вы теперь смерть искать будете.

— Нет, не буду, передумал уже, — усмехнулся я, — нельзя мне, командир, теперь умирать, должны мне эти твари слишком много! И пока они сполна со мной не рассчитаются, я на тот свет не собираюсь.

— Я так полагаю, что за это они с вами никогда рассчитаться не смогут, — вздохнул подполковник и, открыв какой-то журнал, спросил:

— Что умеете-то хоть?

Умел я многое. За прожитые годы научился. Но главное, что у меня за плечами было — это умение стрелять.

Родился я в небольшой сибирской деревеньке, где основным промыслом была охота. С отцом в лес ходил с десяти лет, и в одиннадцать уже бил белку в глаз, в прямом смысле слова. Из мелкашки, конечно. Окончил школу-интернат, потом армия. Отслужив, в деревне уже жить не смог, скучно было. Молодость брала своё — хотелось движения и каких-то перемен. Поболтался по России-матушке, а потом судьба забросила в украинский Донецк, где я устроился на металлургический завод, встретил любовь, родил сына...

После окончания курса снайперов попал наконец-то на линию разграничения. Да. Убивал. Много убивал. Думал, легче будет. Но нет, легче не становилось. Наверное, смертей должно быть больше. Ненависть грызла так, что ночами зубами скрипел. Поначалу даже Мишка просыпался от этого. Потом ничего, привык, перестал внимание обращать. Когда удавалось подобраться к бандерлогам поближе, я видел в прицел их усаые рожи и стрелял прямо в хари!.. Стрелял, стрелял, стрелял!.. С удовольствием чувствуя, как в моё плечо толкается их смерть.

Мы с Мишкой не воспользовались обнаруженной штабом дорогой. Решили не рисковать и идти по старинке. Вышли часов в одиннадцать вечера, отмахали километров десять в сторону и уже там потихоньку перебрались на украинскую территорию. И, держась подальше от дороги, вернулись почти к тому самому месту, откуда вышли. Дальше не пошли — дождёмся рассвета, осмотримся и решим, что делать.

Часов в девять утра по асфальтированной дороге, бегущей с одной стороны уже известной нам лесополосы, зашныряли машины: и поодиночке, и в составе небольших колонн, и военные, и гражданские, проскочило несколько бэтээров. Над каждой машиной развевался жовто-блакитный флаг, а то и не один. Если с военными понятно, то гражданские, скорее всего, нацепили флажки, чтобы обезопаситься от защитников украинского отечества путём демонстрации приверженности идеалам украинской же демократии.

— Как ты думаешь? — спросил вдруг Мишка, когда мы, замаскировавшись возле дороги на небольшом пригорочке, осматривали окрестности. — Этот полкан — москвич? Или наш, местные своего такого вырастили?

Я пожал плечами:

— Думаю, что наш! Сначала, правда, мне показалось, что москвич. Только у них в тридцать лет можно даже генералом стать, про полковников я вообще молчу! Но теперь, по-видимому, и на наших эта зараза перекинулась.

Время шло, ничего интересного не происходило, и мы решили, что ещё часок ждём, а потом потихоньку выдвигаемся. Но планы круто изменились. Осматриваясь в очередной раз, я заметил, как с украинской территории прямо в нашу сторону пылят БТР и две «Буханки».

— Глянь-ка, — толкнул я локтем Мишку и ткнул пальцем в нужную сторону.

— Вот же ж, ё...прст! — выдал напарник, полюбовавшись на безрадостную картинку. — Что делать будем? Домой рванём? Здесь недалеко наша тропа есть.

Домой мне не хотелось, очень не хотелось. Тварь, которая убила мою семью, здесь. А если он сменит позиции? Резонанс от смерти ребёнка уже пошёл! Вполне может и сбежать. Ищи его потом. Если дела так и дальше пойдут, он, чего доброго, своей смертью подохнет, а этого я допустить никак не мог. Решение пришло само собой. Вернее приехало в виде расхлябанного, раскрашенного в камуфляжные цвета «уазика».

— Так! Мишка! Давай цепляй на голову ихнюю кепку и айда на дорогу! — прошипел я и, вытащив из-за пазухи кепи с жёлто-синим флажком, напялил на голову.

— Степаныч! Ты чего, на этот раз головушкой ночью в пол ткнулся, что ли? Мы ж с тобой на дороге будем, как три тополя...

— Вот именно, что будем. Обязательно будем. И попросимся, чтобы нас подвезли. Тем более что вон, как раз и транспорт нарисовался!

И я, уже не скрываясь, встал и направился к дороге, размахивая, как мельница, руками.

— Оттуда? — кивнув в сторону серой зоны, спросил сидевший рядом с водителем мужик.

— Ага, оттуда, — буркнул я, расположившись на заднем сиденье. — Шуганули нас, еле смылись!

Мужик хохотнул:

— Это бывает! Сам до ранения хаживал, а потом всё, москали зацепили, отбегался! — и он постучал кулаком по бедру, показывая, куда его зацепили.

Кто это такие, я не определил. Ни одной нашивки на форме. Да и самой формы-то не было! Какая-то смесь камуфляжа с «горкой». Подраненный москалями пассажир в годах, несуетливый, с неизменными усами и бритой головой, но не профессиональный военный, это сразу заметно. Наверное, как и я, несколько лет под ружьём, не больше.

Второй — водила, молодой, года двадцать три, может, чуть больше. Стрижка короткая, безусый. Этот на военного больше походил. Но опять же, чёрт его знает!.. Одет так же не в масть. Складывалось впечатление, что они выбирали одежду из кучи. Находили что получше и надевали, не обращая внимания на то, что она разного цвета.

— До кого направляетесь? — поинтересовался пожилой, когда мы уселись и пристроили стволы. — Если судить по винтарям, то до Дениса?

Я откровенно вытарашился на него и спросил:

— Ты, братан, от жизни отстал! Где тебя носило-то? Денисенко уже неделю как перебрался на полтора десятка километров южнее! До Черенка мы подались.

— А! Да-да-да!.. — хлопнул тот себя по лбу. — Как же, как же, знаю! Вася Черенок! С такой фамилией и кликухи не надо!

И он засмеялся, запрокинув бритую голову. Закашлялся, опустил стекло, смачно харкнул в окно, а потом, обернувшись к нам, сказал:

— А вот про Дениску забыл. Старею видать, старею, — и он горестно покачал головой.

Я хмыкнул про себя: «Стареет он! Проверяльщик хренов! Наша разведка лучше вашей работает. Ни разу ещё не подводила».

— Сколько москалей-то завалили? — спросил, мельком глянув, водитель.

Видно было, что ему хочется поговорить, скучно ехать с таким напарником как усатый. А тут сразу двое свеженьких попутчиков, да еще и из запретной зоны пришедших. Как тут лясы не поточить про москалей треклятых.

Я посмотрел на пожилого и, встретившись с ним взглядом, пожал плечами. Тот, встрепенувшись, ткнул водителя кулаком в плечо и прорычал:

— Ты, Сёма, лучше рули молча, коль не ведаешь, какие вопросы задавать можно, а какие нельзя.

Он фыркнул и, откинувшись на спинку сиденья, повторил:

— Москалей завалили... надо же!.. Ты вот лучше скажи, — вдруг спросил он, — а чем ты-то сам от москаля отличаешься? У меня хоть усы вон есть! — и он ладонью пригладил длинные, обвисшие почти до подбородка усы. — А у тебя что? У тебя, Сёма, ничего, у тебя даже усов нет. Не растут они у тебя! Москаль ты, Сёма! — наконец выдал он и довольно расхохотался.

Ехали быстро, даже догнали пару воинских затентованных «Уралов», которые проехали десятью минутами раньше.

— Обгоняем? — спросил водила, коротко глянув на усатого.

— Да не, не стоит, — пробурчал тот, близоруко всматриваясь в идущие впереди машины, — отстань подальше от них, чтобы выхлоп не глотать, и езжай, не торопясь, а то и так быстро прём, на месте ждать придётся.

Он повозился на сиденье, а потом, словно разговаривая сам с собой, пробормотал:

— Терпеть не могу ждать...

Дальше ехали молча. Водила молчал, потому что обиделся, а усатый — потому что хотел спать. Он клевал носом, и когда голова падала на грудь, как конь дёргался, вскидывал голову, чтобы опять задремать.

* * *

— Что, решили горилкой нервную систему подлечить? — засмеялся усатый, когда мы выбрались из машины возле небольшого магазинчика, у которого я попросил остановиться.

— Ага, как же, полечишь тут, — засмеялся Мишка, — здесь ничего крепче газводы нету! Защитники Отечества всё реквизируют — давненько уж завозить перестали.

— Это точно! Бойцы всегда в тонусе должны быть, по-другому никак, иначе разбегутся!.. — хохотнул усатый и захлопнул дверцу машины.

— Как думаешь, Степаныч, кто это? — спросил Мишка, глядя вслед машине и пристраивая винторез на ремень.

— Да хрен его знает, Миш! На бандерлогов или ещё какую дрянь не похожи, никаких цацек не налепили, — ответил я и внимательно осмотрелся.

— Что это вдруг не похожи?.. Просто не каждый любит обвес носить и всё.

— Ну, во-первых, трезвые они, это не основной показатель, но значимый. Говорит, что ранен был? Брехня, в нынешние времена настоящий вояка не будет

хвастать ранением, полученным на этой войне. Скорее всего, рисовался перед новенькими, то бишь перед нами, а может и перед своим водителем. Во-вторых, видел их рацию?

— Видел, и чё? — хмыкнул напарник. — Рация-то при чём?

— При том... плохенькая рация, слабенькая, да и машинка старовата. По этим признакам вроде на взэушников похожи, но сам же видел, не военные они. А бандеровцев западные покровители, да и местные спонсоры нехило так снабжают, не держат они такого барахла.

— Ну да, похоже на то, — пробормотал Мишка и, перехватив бесшумку поудобнее, спросил:

— А может, они того, по нашу душу? Присмотрелись. Торопиться им некуда, мгновенно сбежать мы не сможем. Понаблюдают, а потом и возьмут, тёпленькими.

— Всё может быть, поэтому будь готов, если что...

— Всегда готов! — по-пионерски ответил Мишка и хихикнул.

— Хватит ржать, — прошипел я и осмотрел пустую улицу, — прятаться надо, чем быстрее, тем лучше.

И, озираясь, направился к неизвестно каким чудом сохранившемуся здесь и, что самое невероятное, функционирующему магазину.

Магазинчик небольшой, однако рядом с окном пристроился стол с тремя расшатанными стульями, по всей вероятности, для тех покупателей, которые пожелают здесь и употребить свою покупку.

Я сел за стол и, осмотревшись, спросил у продавщицы — упитанной улыбчивой женщины, одетой в модную сейчас вышиванку:

— Чего это у вас никого нет? Ни на улице, ни по оградам. Неделю назад другая картинка была!

Продавщица перестала улыбаться и, оглядев меня с ног до головы, тяжело вздохнула:

— Так попрятались все, мил человек! Страшно под бомбы-то попасть... вот и разбежались кто куда.

— Под какие такие бомбы? — не понял я. — Они же по домам не бьют.

— Бить-то не бьют, — опять вздохнув, сказала женщина и смахнула с прилавка несуществующие крошки, — да вот только с нашей стороны, говорят, несколько дней назад к ним прилетело!.. Женщин да деток побило! Вот и боимся, что ответить могут.

— Ну да, ну да, — пробормотал я, выглядывая в окно, — всякое в наше время бывает. Вы, наверное, правы, поберечься людям надо.

— Сами-то что хотели? Если водочки, то нету её, давненько уже.

— Да не, нам бы простой водички пару бутылочек, — улыбнулся продавщице стоящий возле прилавка Мишка и положил на столешницу пару помятых купюр, — желательнее холодненькой, если есть. Жарко...

— Есть, хороший мой, есть холодненькая, как не быть-то, — засуетилась продавщица и нагнулась куда-то под прилавок.

Покопошила там несколько секунд и, вынырнув, поставила на прилавок две запотевшие пол-литровые бутылки с водой:

— Может, ещё чего? Покушать?.. Пирожки с капусткой есть, свеженькие!

Мишка вопросительно посмотрел на меня.

— Бери по парочке, как раз и перекусим! — Мишка кивнул и добавил ещё купюру.

Пирожки мы заточили прямо в магазине, благо, что из окна улица просматривалась в обе стороны. И если что, меры успели бы принять.

Если откровенно, то нам повезло. Дико, невероятно повезло! Здесь не было военных — ни армейцев, ни бандеровцев. В ожидании ответки разбежались все. Скорее всего, украинская армия сюда и не заходила, об этом разведка не докладывала. Зато бандерлоги водились! Это я знаю точно — сам видел и не только видел!.. Выбирались мы с Мишкой пару раз на их территорию, хорошо тогда поработали.

— Что делать будем? — спросил напарник, когда мы, доев пироги, покинули магазин и спрятались в палисаднике брошенного дома. — Может, рванём к воинской части, откуда батарею видно, заодно и окрестности рядом с входом в коллектор осмотрим?

— Не, Миш, опасно! Не такие уж мы с тобой гении маскировки и разведки! Если вход охраняется, чем отбрехиваться будем? А вдруг нашумим, значит нам дорога только в «серую» зону и останется, если живы будем.

— А что тогда?

— А мы, Миш, прямо по дороге, не скрываясь, потопаем скорым шагом к батарее.

— Очумел?! Заметят же, на раз!

— Конечно, заметят! В первую очередь местные жители и заметят, им, в отличие от бандеровцев, бежать некуда, дома они. По подвалам сидят...

— А если позвонят кому? Здесь наверняка их наблюдатели есть.

— Ну и пускай звонят, патрули в прифронтовой территории никто не отменял. Тем более, мы в их цвета выпачканы вроде как свои.

— А если нарвёмся...

— А если нарвёмся на их патруль, то действуем по обстановке.

— Ну, ты наглец Степаныч! Мне нравится...

— А мне нет, — прошипел я и, прижимаясь к заборам и домам, побежал в сторону расположения батареи.

Один раз повезло, мы успели заметить группу людей раньше, чем они нас. Упали на землю и, пятясь задом как раки, сдали назад. Вскочив, рванули через узкий переулочек на другую улицу.

Попались, когда уже прошли частный сектор и вышли к двухэтажным домам. Пригнувшись, я высунулся из-за палисадника, осматривая улицу, и всей кожей почувствовал взгляд. Обернулся и заметил на другой стороне улицы трёх военных, внимательно нас разглядывающих. Стал тыкать пальцем вверх и махать рукой — прячьтесь мол.

Те недоумённо уставились в небо. Я принял слегка в сторону, чтобы не оказаться на линии Мишкиного огня, и, демонстративно поглядывая в небо, короткими перебежками побежал к ним. Нагнать — так уж по полной программе!

— Вы чего так выперлись? — спросил я, выпучив на них глаза. — Жить, что ли надоело?

— Чё это вдруг жить надоело? — спросил самый старший по виду мужик и махнул рукой, чтобы в меня не тыкали стволами. — Чё нам тут может угрожать? Мы вроде как дома, — усмехнулся он, и меня обдало густым запахом перегара.

— А теперь могут пристрелить прямо оттуда, — ткнул я пальцем в небо, — и дом родной не поможет! Неужто ещё не видели?..

— А чего мы там должны увидеть? Авиации-то у сепаров нету, — задрал голову вверх второй, и, сняв с головы кепи с трезубцем, вытер им потное лицо.

— Дрон вы должны были увидеть! — рявкнул я и зло уставился на старшего, всем видом давая понять, что его веселья не поддерживаю. — И не простой дрон, а дрон, из которого дырку в голове можно за километр сделать.

— Да ладно! Бреешь! — не поверил старший, но благоразумно ушёл поглубже под раскинувшиеся ветки черёмухи, возле которой они и стояли.

— Ага, специально вас искал, чтобы побрехать, — окрысился я и, сунув ему под нос СВД, сказал:

— Уже целый час за ним охотимся, но его, падлу, сбить трудно, всё время двигается...

В подтверждение моих слов где-то недалеко, за домами, раздались один за другим два выстрела.

— Вот чёрт! — выругался я. — Там наши были!.. Сидите пока здесь и не высовывайтесь!

Не обращая больше внимания на забившихся под черёмуху бандеровцев, я махнул напарнику рукой и побежал в сторону, откуда раздавались выстрелы.

Вечер и ночь провели в старом полуразвалившемся сарае, который доживал свой век на краю картофельного поля, в сотне метров от хозяйского дома. Владельцы у поля были, убежать не стали и спокойно занимались домашними делами, безбоязненно расхаживая по двору. Не поверили, наверное, что наши могут открыть стрельбу из орудий по жилым домам. К сараю они даже не приближались, видимо давно поставили крест на когда-то нужной постройке.

Батарею обнаружили без труда, ещё с вечера. Бандеровцы разместили её во дворе стоящих буквой «П» трёх кирпичных двухэтажных домов. Им не пришлось даже маскировать орудия, они знали, что если наши узнают о них, то ответить не смогут. Слишком близко к домам размещены орудия.

Рано утром, под прикрытием разросшихся кустов сирени, которая, как сорняк, за несколько лет заполонила всё вокруг, подобрался к ближайшей двухэтажке. Стараясь не шуметь, через окно забрались в пустующую квартиру на первом этаже.

Эту квартирку я заприметил уже давно, в ней не уцелело ни одного окна, причём причину разрушений мы так и не установили. В пределах видимости не было ни одной воронки от крупнокалиберных снарядов, взрывной волной которых могло бы выбить стёкла. Ни пулевых отверстий, ни осколочных, ничего такого. Скорее всего, окна просто выбили изнутри, и теперь квартира, словно обидевшись на то, что с ней сотворили, оскалилась на мир острыми осколками стёкол.

Приоткрыв дверь квартиры, несколько минут прислушивались. Убедившись, что в подъезде никого нет, мы, стараясь даже не дышать, поднялись на второй этаж, откуда через подъездный люк забрались на чердак.

Позиция загляденье. Одно из слуховых окон выходило на батарею. Крыша под окном круто уходила вниз и не мешала обзору. До орудий недалеко, метров сто пятьдесят, не больше. В случае чего отступить сможем быстро, скатиться с чердака до первого этажа — дело нескольких секунд, но мы рассчитывали, что в таком темпе ретироваться не придётся. Стрелять из СВД нельзя — грохот будет такой, что нас даже с другого конца посёлка вычислят! Из «винтореза» же в самый раз! Никто ничего не услышит. Пока разберутся, что, кто и откуда, мы уже будем далеко.

Молейко нарисовался вечером. Я уж было подумал, что всё, сегодня нам не повезёт, но нет. Вот он, гад! Приехал! Выбрался из патриотичной жёлто-синей «Нивы» и, не торопясь, этак по-барски, начал осматривать хозяйство. На пьяные

выкрики своих бойцов, кучковавшихся возле деревянного стола со стоящей на нём бутылкой с мутной жидкостью, он благоразумно внимания не обратил. Понимал, что это не вооружённые силы, могут спьяну и морду набить. Постоял немного и, будто почувствовав неладное, начал с тревогой осматриваться.

— Пора, Степаныч! — прошептал Мишка. — Эта сволочь заподозрила что-то, как бы не смылся!..

— Не успеет, — усмехнулся я и навёл сетку прицела на пах убийцы своей семьи.

«Винторез» дёрнулся, клацнув затвором, и Молейко согнулся, схватившись руками за низ живота. Он заорал не сразу, постоял скрюченным пару секунд, пока жуткая боль не захлестнула его мозг полностью, а потом, завалившись на бок, завизжал. Он орал громко и страшно, не переставая тянул и тянул на одной ноте, как будто у него вместо лёгких были установлены кузнечные меха.

— Это ещё не всё, сука! — ощерился я и, прицелившись в коленную чашечку, нажал на спусковой крючок.

Визг резко оборвался и перешёл в хрип. Молейко, продолжая зажимать пах одной рукой, пытался другой дотянуться до искалеченного девятимиллиметровой пулей колена. Я перевёл прицел на его лицо и с удовольствием увидел перекошенный в крике рот, из которого обильно текла кровь.

— Миш! — повернулся я к напарнику, лежащему рядом. — А ведь он себе язык откусил!

И, опять прикинув к прицелу, злорадно прошептал:

— Но я ещё с тобой не закончил! Продолжим... — и следующим выстрелом раздробил лежащему на земле человеку второе колено.

— Надо уходить! — раздался над самым ухом Мишкин голос. — Ты слышишь, Степаныч! Всё! Уходим!.. Степаныч... — и напарник вдруг захихикал:

— Степаныч!.. Хватит храпеть, а то всех бандерлогов распугаешь.

— Да всё, всё... проснулся уже, — пробормотал я и сел, привалившись к печной трубе спиной.

Подождал, пока сердце перестанет скакать в груди, вытер рукавом взмокшее лицо и спросил:

— Чё там? Новости есть какие?

— Не, пока ничего нового, тихо, — ответил напарник и, сплюнув, добавил: — если завтра не появится, надо будет сваливать...

— Согласен, — пробормотал я и прикрыл глаза, чтобы Мишка не заметил моего страха.

Я боялся! Боялся, что когда придёт время, я не выдержу, и всё произойдёт, как во сне. В этом кошмаре, где я перестал быть человеком. В кошмаре, в котором душу терзала радость осознания того, что от моей руки в муках умирал человек, пускай даже такая мразь, как Молейко.

* * *

Он появился, когда смеркалось. Пешком, в компании двух военных. Это были именно военные, форма которых оснащалась всеми положенными атрибутами вооружённых сил Украины. Сам же Молейко был одет в камуфляж без знаков отличия. Скорее всего, специально не обозначал себя как кадрового военного, чтобы обстрелы не приписали украинской армии.

Все трое остановились посреди двора, напротив заданных кверху стволов орудий. Поговорили, энергично жестикулируя руками, а потом разошлись каждый к своему орудью и закопошились возле щитков.

— Прицелы, суки, снимают! — прошипел Мишка и, отложив бинокль, взялся за СВД.

— Даже не думай! — цыкнул я на него. — Успеешь ещё...

— Ты тоже не тяни, а то стемнеет, и хрен мы его больше увидим! Сматываются они...

— Вижу... — пробормотал я и, отойдя от слухового окна на пару шагов, упёрся плечом в вертикальную стойку, поддерживающую крышу.

Несколько раз глубоко вздохнул, выдохнул, поймал в прицеле «винтореза» стриженный затылок Молейко, копошившегося возле орудийного щитка, и плавно потянул спуск.

Клацнула затворная рама, и раздался хлопок, показавшийся оглушительным под шиферной крышей. Я посмотрел в прицел и увидел, что Молейко замер, просунувшись головой вперёд, к орудийному казённику. Его тело неподвижно стояло на коленях, привалившись к станине, из-под которой уже начала расползаться чёрная лужа.

Выбрались из дома удачно. Спокойно спустились с чердака в разгромленную квартиру и под прикрытием сирени выпрыгнули из окна. Никто нас не увидел, и мы умудрились ни на кого не нарваться. Нам повезло, что труп Молейко не упал. Какое-то время на него вообще не обратят внимания — стоит себе на коленях человек и стоит, работает. Это даст фору во времени.

Обратно шли той же дорогой, улицы по-прежнему пустовали. Пару раз, правда, встретили парный патруль, который к обязанностям относился по-хамски. Первые не удосужились поинтересоваться, кто мы вообще такие. Скорее всего, решили, что если идём с их стороны, значит свои. Вторые оказались бдительнее, даже поинтересовались кто и откуда, но услышав всё про того же Черенка, заведовавшего снайперскими делами, махнули рукой и потопали дальше.

До магазинчика добрались без особых проблем. Забрались в уже знакомый палисадник и, осторожно поглядывая между заборных жердин, размышляли, где зайти в «серую» зону — здесь, напрямки или отмахать до конца в сторону и уже там податься к своим. Со вторым вариантом проблемы — нужно ждать темноты, что не есть хорошо, так как после убийства Молейко быстро сложат два плюс два и начнут шерстить территорию. Да и первый вариант паршивенький, здесь частенько ходили и мы, и они. Так что можно нарваться по-крупному.

— Степаныч! А если мы опять уедем? По-наглomu сядем и уедем! — сказал вдруг Мишка и мотнул головой в сторону магазинчика. — Гляди, что-то советское прибывает.

— Едем! — не стал я долго раздумывать и, присмотревшись к старенькой «шестёрке», остановившейся возле магазина, выбрался из кустов.

Подождал напарника и вразвалочку направился к машине, лениво поглядывая по сторонам.

— Здорово, батя! — поздоровался Мишка с выбравшимся из машины мужиком и, заглянув в её салон, спросил:

— Куда едешь-то?

— И вам не хворать, — настороженно ответил мужик, с опаской поглядывая то на меня, то на Мишку, — до дому я еду, вот решил внучкам конфеток прикупить...

Этот мужик не мог быть подставой! Подставу за столь короткое время не организовать. И потом, невозможно так сыграть обывателя, напуганного собственными защитниками. Будь он моложе, держался бы по-другому, увереннее, что ли. Молодые — они не так ценят жизнь, как люди уже умудрённые годами. Этому было за шестьдесят с гаком, с приличным таким гаком. Одет просто: тёмные штаны, серая, покрытая пятнами пота футболка, и красное, замусоленное бейсбольное кепи. И ещё руки, таких рук не бывает у военного. Грубые большие ладони с узловатыми суставами. В поры кожи и на лице, и на руках навсегда въелась угольная пыль.

— А чё хотели-то? — тяжело вздохнув, спросил мужик и осмотрел пустую улицу.

— Ты, батя, не согласишься ли увезти нас на десяток километров во-о-о-н туда? — спросил Мишка и показал пальцем в ту сторону, откуда тот приехал.

— Коли по-хорошему просят, что ж не увезти-то, можно и увезти, — пробормотал мужик, обречённо пожав плечами.

Опять загрузился в машину, запустил двигатель, и, подождав пока я устроюсь на переднем сиденье, негромко сказал:

— Странные вы какие-то! У меня дважды машину просто забирали! Водитель им не нужен был. Благо хоть не сожгли!.. Благодетели... — и совсем уж тихо, себе под нос, думая, что я не услышу, добавил:

— Недобитые...

* * *

— Ну! И как прикажете всё это понимать? — спросил комбат, когда мы с Мишкой перестали возиться, удобнее устраиваясь за командирским столом.

— А что, собственно, вы должны понять? — наивно осведомился я и, переглянувшись с напарником, в недоумении пожал плечами.

— А я сейчас объясню, — хмыкнул комбат и, опёршись могучими руками на жалобно застонавшую столешницу, наклонился к нам.

В такой позе командир походил на гориллу. Представив, как комбат бьёт в грудь кулачищами и ухает, я поспешно отвернулся, чтобы он не заметил моей улыбки. Он заметил.

— Какого чёрта ты ржёшь, как конь?! — рявкнул комбат и, выпрямившись, заложил руки за спину. — Ночью мне передали перехваченные переговоры, из которых следует, что кто-то, подобравшись к Молейко, с близкого расстояния снёс ему полбашки девятимиллиметровой пулей, выпущенной предположительно из «винтореза», так как выстрела никто не слышал!

И он покосился на Мишкину бесшумку, которую тот пристроил рядом с моей снайперкой в небольшой пирамиде, установленной возле входа.

— А насколько мне известно, — уже спокойнее добавил он, — выйти вы должны только сегодня вечером. Поэтому готов выслушать ваши версии этого, несомненно, радостного события.

— Может, он в карты большую сумму проиграл, а отдавать не захотел? Сами же знаете его... Гад! Вот его свои же и того... порешили. Карточный долг — это, знаете ли, серьёзно... — явно сдерживая смех, ответил Мишка и в поисках поддержки выразительно покосился в мою сторону.

— Ну а что, версия как версия, вполне имеет право на жизнь. Сами ведь знаете,

какие нравы царят у бандеровцев. Тут тебе и пьянки, и азартные игры, и скандалы с драками! И даже, кто бы мог подумать, девицы легкомысленные! — согласно кивая, поддакнул я.

— Идите вы знаете куда со своим карточным долгом и девками! — вздохнув, сказал комбат и, сев на подозрительно заскрипевший под его тушей стул, добавил:

— Это всё очень хорошо, если бы эту операцию планировал и разрабатывал не лично наш... — комбат споткнулся и, покосившись на дверь, продолжил, — ...молодой звёздный друг из штаба.

— А что такого?! Какая разница, кто планировал? Дело-то сделано! И сделано чисто! — удивился Мишка и, совершенно не по-уставному поставив на стол локти, уставился на командира.

— Для него большая! — вздохнул комбат. — Это его детище, и пройти ликвидация должна была по его плану. Он прекрасно понимает, что не дорос ещё даже до звания подполковника, не говоря уж о трёх звёздах. Ему надо продемонстрировать руководству, что он в состоянии проводить сложные операции!.. А тут на тебе!.. Исполнители гладенько провернули все на свой страх и риск... по своему, так сказать, плану, а он получается и не при делах. Значит, при таком раскладе лавровой ветки ему не положено.

— Другими словами, дитя обиделось, что вышло не по его? — спросил я и, усмехнувшись, посмотрел на комбата.

Ответить тот не успел, с грохотом распахнулась дверь, и в блиндаж стремительно зашёл полковник. Мы встали. Следом вошёл уже знакомый капитан разведки.

Сесть полковник не предложил, но и сам не садился. Стоял, переводил взгляд с меня на Мишку и обратно. Он был в ярости — челюсти сжаты, желваки так и перекатываются, будто он что-то пережёвывает, подбородок вздёрнут, ноздри раздуваются...

Я, грешным делом, подумал, что сейчас заорёт. К его чести, не заорал, сдержался. Посмотрел на комбата и задал совершенно идиотский, по моему мнению, вопрос:

— Скажи, майор, почему эти двое, — кивок в нашу сторону, — не выполнили приказ?

— Насколько я знаю, приказ выполнен... — начал было комбат, но полковник договорить ему не дал.

— Эти двое нарушили приказ, отступив от утверждённого плана, чем поставили под угрозу срыва всю операцию!

— А почему бы вам у них не узнать? — спросил вдруг комбат, которого видимо этот цирк не устраивал. Не спрашивая разрешения у старшего по званию, он сел за стол и вызывающе стал разглядывать полковника.

Я тяжело вздохнул. Ситуация из-за пустяка пошла вразнос и, чего доброго, может навредить хорошему человеку.

— Вы позволите, товарищ полковник? — спросил я и, пододвинув стул к столу, сел.

Полковник удивлённо посмотрел на меня, словно увидел говорящий холодильник.

— Да, конечно, старшина, прошу Вас! — вмешался, не дожидаясь ответа полковника, капитан разведки, взмахом руки предлагая сесть и Мишке.

— Так почему же всё пошло не по плану? — спросил он и тоже сел за стол.

— Это элементарно, — пожал я плечами, — нам хотелось ещё пожить.

— В смысле пожить?

— В том смысле, что если мы знали об этом коллекторе, то о нём могли знать и там!.. Неужели никто не удосужился рассмотреть этот вариант?

— Ну почему же не удосужились, очень даже рассматривали, но всё же было принято решение, что на той стороне об этом коллекторе не знают, поэтому вам и предложили этот путь, — и он покосился на продолжавшего стоять полковника.

Заметив взгляд капитана, полковник сел и, побарабанив пальцами по столу, спросил:

— Так почему же вы не только не выполнили ясный и чёткий приказ, но и не вышли в назначенное вами же время? — подрагивающим от напряжения голосом спросил он.

Я вздохнул: «О чём говорить с человеком, который не слышит, что ты говоришь? Он разве не слышал ответа? Не понял его? Слышал. Понял. А если слышал и понял, тогда с ним надо по-другому, чтобы наверняка дошло».

— Мы пошли другим путём, так как подозревали, что нас там будут ждать, — чётко, по-уставному доложил я и, дождавшись, когда до собеседника дойдёт смысл сказанного, добавил, — как впоследствии выяснилось, наши опасения были не напрасны! Возвращаясь после выполнения задания, мы прошли возле выхода из коллектора и обнаружили засаду. Грамотную засаду. Если бы не подошли сзади, то и не засекали бы её. Нас ждали на выходе из коллектора.

— Что ты... несёшь!.. — прорычал полковник, и его лицо пошло красными пятнами.

— Товарищ полковник, — слегка повысил я голос и встал из-за стола, — я далёк от мысли, что нас отправили этим путём специально, чтобы мы нарвались на бандеровцев. Но, видя ваше недовольство тем, что мы не придерживались плана, хотя задание выполнено, расстояние до этой мысли стремительно сокращается!..

Не дожидаясь, когда полковник перестанет как рыба открывать и закрывать рот, я, сделав знак Мишке, пошёл к выходу.

Когда мы отошли от штаба уже метров на двести, нас догнал капитан и, придерживая меня за руку, спросил:

— Сколько человек вы смогли обнаружить, и на каком расстоянии они находились от выхода из коллектора? Это важно!

— А чёрт его знает, сколько их было и на каком расстоянии они находились, — усмехнулся я, — мы ещё из ума не выжили, чтобы шарахаться возле возможной засады.

Капитан несколько секунд ошарашенно смотрел мне в лицо, а потом, посмотрев в сторону штаба, задумчиво произнёс:

— Значит, вы это придумали как бы в воспитательных целях, что ли?

Я молча пожал плечами. Проверить это никто не сможет, значит, правда то, что я сказал.

— Ну что же, может оно и к лучшему, — не дождавшись ответа, усмехнулся вдруг капитан, — пускай теперь помучается, в следующий раз будет слушать не только себя. Сам бы я тоже ни за что в эти катакомбы голову не сунул. Вы, ребята, не держите на него зла, он умный парень, просто молод ещё, самоуверенности в нём пока выше крыши. Обломается со временем!..

Он взмахом руки попрощался с нами и скорым шагом направился обратно в штаб.

— Обломаться-то обломается, — пробормотал напарник, когда капитан отошёл на приличное расстояние, — хорошо, если за время собственного облома никого не угробит.

И, положив винторез, как ляльку, на руки, с мечтательным вздохом добавил:

— Э-э-э-х! Водочки бы сейчас холодненькой стаканчик!.. Да щец бы наваристых!.. Да дивчину сговорчивую!..

* * *

— Ну и что же ты хочешь от меня услышать?! — прошипел я, заметив, как напарник косится в мою сторону вместо того, чтобы наблюдать за окопавшимся в трёхстах метрах от нас противником. — Ты уже два дня вопросительно сопишь за спиной!.. Ничего я не почувствовал, Миша!.. Ничего!.. Оттого, что я прострелил череп этой сволочи, легче мне не стало!.. Если ты, конечно, об этом хочешь узнать!

— Об этом, — пробормотал Мишка и, шмыгнув носом, припал глазом к трубе, потом опять покосился на меня и негромко сказал:

— Знаешь, Степаныч, я надеялся, что тебе всё-таки полегчает... вроде как отомстил же!..

— Я тоже на это надеялся, ты уж поверь, очень надеялся... — вздохнул я и сел на невесть откуда взявшуюся в окопе табуретку.

Помолчал, разглядывая усиленную досками земляную стенку, и повторил:

— Очень!.. Но там, — ткнул я большим пальцем в небо, — видимо, всё по-другому расписано. Что-то должно быть ещё, вот только знать бы что...

— Ого! Смотри-ка, Степаныч, — хохотнул вдруг Мишка, не отрываясь от своей трубы, — а у нас оказывается новости! По ходу, вместо бандерлогов вэсэушников пригнали! Глянь сам, форма у этих армейская.

Вздохнув, я поднялся, устроил винтовку на упоре поудобнее, посмотрел в прицел и еле сдержался, чтобы не отдёргнуть от него голову. Прямо мне в глаза смотрел молоденький пацан лет восемнадцати, не больше. Как и моему сыну... Белобрысый, курносый, с явно просматривающимися веснушками. Из-под лихо сдвинутого на затылок кепи поблёскивают любопытные глаза, не ведающие ещё страха. Он смотрел в нашу сторону и, наверное, не понимал, почему нас надо бояться. Он не знал, кто мы такие, и высунулся в надежде увидеть, с кем ему предстоит иметь дело.

— Что же ты каску-то даже не надел? — пробормотал я и, прицелившись чуть выше и левее его головы, потянул за спусковой крючок.

Увидев, как возле его головы взвился фонтанчик земли, опустился на корточки, поставил винтовку между колен и закрыл глаза.

— Степаныч, ты что, промахнулся что ли?! С такого-то расстояния?! — раздался удивлённый голос напарника.

— Нет, Миша, не промахнулся!.. — улыбнулся я, и, почти физически ощущая, как скатывается с души глыба несостоявшейся смерти этого голубоглазого мальчишки, добавил:

— Напротив, Миш, это мой самый удачный выстрел... самый удачный...

ПОЭЗИЯ

ЮРИЙ БАРАНОВ

Моей души крылатое движение

БАРАНОВ Юрий Иванович родился 23 февраля 1946 года в г. Замостье (Польша). Офицер в третьем поколении. Окончил Тамбовское Высшее Военное Авиационное училище летчиков имени героя Советского Союза Марины Расковой и Мичуринский Государственный педагогический институт (факультет русского языка и литературы). Много лет прослужил в частях ВВС в разных регионах страны. Уволен с военной службы в 1992 г. по возрасту и выслуге лет в звании подполковника. Жил во многих городах СССР. В Иркутск переехал в 1988 году. С 2010 — директор ОГАУ «Иркутский Дом литераторов». Также в настоящий момент является председателем Иркутского отделения Союза писателей России. Военную службу всегда совмещал с увлечением литературой. Первый рассказ был опубликован в 1964 г. в газете «Серп и молот» г. Мелитополя, Запорожской области. Автор гимна Дальней Авиации ВВС России (официально принят в 2004 г.). Лауреат премии «Золотая запятая» 2005 г. Лауреат премии имени Алексея Зверева журнала «Сибирь», 2008 г. Лауреат международной литературной премии имени П.П. Ершова за книгу «Иркутский драгун Лешка, или Тайна Наполеона», 2013 г. Лауреат международного литературного форума «Золотой витязь» 2017 г. за сборник стихов «Град небесный». Лауреат премии губернатора Иркутской области, 2016 г., номинант Андерсеновского конкурса журнала «Сибирячок». Баранов-летчик награжден шестью медалями СССР, двумя медалями ГДР, а также медалями и Почетными грамотами различных общественных организаций. Награжден медалью им. М. Шолохова (2020). В 2021 г. стал лауреатом национальной премии «Имперская культура» им. Э. Володина, в этом же году писателю было присвоено звание Заслуженный работник культуры и искусства Иркутской области. Лауреат Губернаторской премии за книгу «Сказки улицы Большой» (2022 г.). Живет в с. Пивовариха Иркутской области.

Леониду Пшеничникову

Мой старый друг, как добрый, мудрый мастер,
Меня учил невидимой судьбе.
Летели ветры и несли ненастье
Навстречу неумелой ворожке.

Хрипело море, грохотало небо,
И парус бился раненым крылом.
Сентябрь дышал поэзией и хлебом.
Остался теплым и соленым сном.

Как далеко, и яростно, и трудно
Моя дорога увела меня.
Прости, несло меня столь безрассудно!
Я был далек от неба и тебя.

Но стоило увидеть звездный купол,
Как возникала новая строка,
Наполнен был единой тайной кубок
Улыбок, слез и песен на века.

Твоей души крылатое движенье
Моей душе добавило высот.
Летим с тобой. И близко пробужденье.
Но никогда не кончится полет.

Два сердца

Два сердца плыли по звездам,
Как челноки надежды.
И не было нужды сердцам
Нести во тьме одежды.

Привычна обнаженность душ,
Привычны боль и счастье.
И чем темнее ночи тушь,
Тем меньше власть ненастья.

Противоречья — наш удел.
Меж темнотой и светом
Мы замечаем, мир созрел
Дать вольную поэтам.

И в разночтении стихов,
Картин, мелодий, мыслей
Мы пишем серебром снегов
И позабытых смыслов.

В Байкале

В Байкале сердце утонуло.
С тех пор на берегу живу.
Оно ко дну во тьме прильнуло,
И ждет, когда я утону.

А сердце под водою бьется
И гонит волны за волной.
Оно со мной не расстается,
Но будет ли оно со мной?

И я тону, того не зная.
Я утонул в байкальском сне.
Лежит черта береговая
Не предо мной, — она во мне.

Байкал Солярисом сияет
И втайне от нескромных глаз
Меня секретом наделяет,
Как жить, и слышать Божий глас.

Глас природы

У жизни уровней — не счесть.
В других мирах ковыльных
Ловлю тугую ветра весть
О кобылицах сильных.

Она моя, и снова бой.
Раскрытие секретов.

А вот моя летит стрелой,
Внимая зову предков.

Вся постижимость бытия
В борьбе начал природы.
Достанет нам с тобой чутья
Продолжить песни рода?

Зимнее дерево

Засыплет снег мою судьбу,
Тропинки, перепутья.
И волю, и мою борьбу,
Стихов моих лоскутья.

И будут ветви тихо плыть
Под музыку Шопена.
Я в недрах древа буду жить
В белесой неге плена.

Из праха дерево прорастет
С узлами междометий.
Я каждой веткой дам отчет
Из глубины столетий.

И ритмы снов, и звуки слов
Услышите в зимнем скрипе.
Наш Брейгель из таких основ
На льду, в снегу и скрипке.

Мозаика осени

В мозаике счастья, мозаике света
Мы вовсе не ищем отгадки, ответы.
Мы слушаем в роще под шорох словесный
Рождение музыки песни безвестной.

И кажется, вот она, грустная воля.
Хрустальное счастье в лесу или в поле.
Сгорают закаты под золото строчек,
Поэзии полон осенний лесочек.

Сбылось, не сбылось — никакого значенья.
Мгновения грусти и счастья виденья...

Летняя музыка

Звуки и краски размыты дождем,
Струнным оркестром и солнечным днем.
Арфа небесная. Струн перебор.
Листья и ветер ведут разговор.

Я растворяюсь в нежном веселье
Ниткой дождя и листвы ожерельем.

Дождик незрячий трогает лес.
Выполнил, высветил волю небес.

Вечная музыка летних дождей,
Зелени, солнца, пшеничных полей.
Души испятнаны зеленью лета,
Синькою неба, золотом света.

Дуэт

Дуэт зеленой тишины
И солнечного света
Зеленые рождает сны
И радуги приветы.

Мы растворяем в тишине
Крупицы счастья лета,
И в голубом плывем челне,
Из трав связав букеты.

И каждый день уходит в тень
Под тихие ноктюрны.
И светлый дождь звенит: телень
Под перестук котурнов.

Спектакль играют небеса,
Цветы, трава, шиповник.
И не нужны здесь словеса,
Ни сторож, ни садовник.

Бульденеж

Продрог мой белый бульденеж.
Зима его любила.
И ветер крикнул громко: режь!
В морозах наша сила!

Куст просыпаться не хотел.
Дремал, и ветки стыли.

Но вдруг листву свою одел,
Цветы заговорили.

Почти как я. Промерз, устал
От этой стылой жизни.
Но солнца луч меня поднял.
И прошептал: не кисни...

Был дождь

Был дождь велик и буйно весел.
Метался, плыл по всей земле.
Ему не требовалось весел
В густом, тяжелом киселе.

И капли били и топтали
Траву, сирень и бульденеж.

Цветы и травы не роптали,
А воздух влажен был и свеж.

Какие влажные напасти!
Но это Божья благодать!
Болеет поэзией в ненастье
И ей всего себя отдать.

Царь Байкал

Зеленые сопки у моря Стояли в прозрачной воде. С Байкалом величием споря, Приникнув к его бороде.	Все знают, как царь непредвиден, Как бьет его гневный озноб. Он дарит величие духа, А может и вовсе сгубить.
В зеркальном стоглазии виден Скалистый и кремневый лоб.	Вещает он истины глухо. Кого же он благословит?!

Серебро дождя

Я был обернут влагой мгlistой Дождливым летом, как в стихах. Цветущие жасмина листья Печальны были и тихи.	А дождь хотел дойти до точки, Жить без которой уж нельзя. Нет. Это я уплыл с дождями. И там, в далеком далеке
И падали на землю строчки, И плыли серебром дождя.	Я стал прозрачными стихами Любви, поэзии, тоске.

Вот наконец

Вот наконец сошел на нет Дождей прозрачный голос. Меж тучами возник просвет — Блестящий тонкий волос.	Раскрылся буйных красок зонт, И мир взорвался светом. Душа раскрыла лепестки, Поворотилась к солнцу
И серебристый горизонт Развернут был рассветом,	Унынью, мраку вопреки, Навстречу чудотворцу.

Слезы Байкала

Немало слез течет в Байкал.
Их собирают реки.
Не оттого ли он вобрал
Людское все навеки.

Противоречья душ людских,
Их нежность и страданье,
Движение сердец нагих
И доброе дыханье.

Когда волнуется Байкал,
Бросает брызги света,
Он посылает нам сигнал
И требует ответа...

Быть и любить

Лиственниц хвойное золото
Накроет пожухлость травы.
Жизни зерно перемолото,
Желанья, как листья, мертвы.

Предсказанным шумным потоком
Душу возносит к звездам.

Кем был ты, букашкой, пророком?
Чужой стал земным временам.

Останется нежное слово,
К любимой крепчайшая нить.
И краешек неба золотого,
Где вместе нам быть и любить

Горечь

Горечь цветов уходящего лета,
Горечь разлуки — ведь песня пропета.
Клонится утром седая трава.
Скоро отпразднуем День Покрова.

Луна, остывая, повисла монетой.
Скомканы дни интернетом, газетой.
Кровь проступает сквозь черные строчки,
Века кровавого ржавые кочки.

Нет нам покоя, и нет середины.
Высосан, выплюнут разум на льдину.
Разум вселенский застыл биомассой
И превращает улыбки в гримасы...

Россия

Россия — ты цветок в полыни!
И бирюзовая роса.
Россия — сказки и былины,
И Богородицы слеза.

Но, что ни век, то кровь и сечи,
Следы сгоревшего жилья.

О воле и мечты, и речи,
И гарь на книге бытия.

Тебя мечом и лаской губят
То супостат, то кровный брат.
Но сам Господь тебя так любит,
Что стала ты сильней стократ!

Гроза

Людская память умерла
И вытекла ручьями.
А души выжжены дотла
Фальшивыми вождями.

Доколе будет белый свет
Под черно-красным страхом?!

Пускай же грянет Град в ответ
Бандеровским замахам.

Мы будем Солнцепеком жечь,
Пока не выжжем разом
Речевки лживые, и речь,
Нацистскую заразу.

Мне жаль обманутых людей
И проданных в неволю.
Они рабы чужих идей,
Черным-черна их доля.

Пусть катится моя слеза
Степными буераками.
Украйну вымоет гроза,
И кончит с вурдалаками.

Кириллица

Живет кириллица отважно.
Не в силах дух ее понять,
Латинец дует щеки важно,
Но не достигнет звукоряд.

Наш алфавит из главных миссий,
Он русский корень, русский лад.

По древу растекаясь мыслью,
Я вижу этот древний клад.

Утонет всё в снегах России.
Чужие смолкнут голоса.
Дух русский вечен и всесилен,
Как Богом данная краса.

Нам оставили только глаза

Нам оставили только глаза,
Чтоб оплакивать русскую долю.
И кагилась России слеза
По сгоревшему русскому полю.

Вместо воли нам пряник и плеть
Не единожды власти дарили.

Нас не раз убивали в веках,
И сердца наши рвали зубами.
И летал сизым голубем страх,
Устилая поляны телами.

Но никто, ни за что, никогда
Не пытался отнять у нас слово.
Растворялась наречий орда,
Отделялась от зерен полова.

Нас меняли на золото и медь,
Уводили в полон и губили.

И души нашей корень — язык,
Прожигая любые напасти,
Перемелет и варварский рык,
И картавой латиницы сласти.

Небесный бой

Небесный бой объявлен утром ранним.
Текли, текли над миром облака.
Черней печали караваном странным
Они на нас смотрели свысока.

Тяжелых капель барабаны били,
И грома говорили о войне.
Но ветра, солнца, жизни не убили.
И вот сияет солнце в вышине.

И гром гремел, и молнии порхали
Чужой орды, пришедшей покорять.
Они волной свинцовой наступали,
Чтоб нас, тайгу и солнце растоптать.

Вот так Россия сквозь свинцовый ливень
Идет вперед, спокойствие храня.
Бывает всё: отливы и приливы.
Спасает Бог, как русская броня!

Роняет солнце

Роняет солнце облачную тень
На бархаты нефритовых деревьев.
Мир состоит из театральных сцен.
Писать для каждой — не хватает перьев.

И тщетна всеохватная печаль
Довольствоваться крохой этой жизни.
Привет тебе, неведомая даль,
В которой каждый все отдал Отчизне.

Пусть напишу я кровью на песке.
Кровь не уйдет, растрочена впустую,
Пока стучит у каждого в виске:
Отчизне всё в годину роковую!

ВАЛЕРИЙ ХАЙРЮЗОВ

Любка

РАССКАЗ

Тело заплывчато, а память забывчива. Восстановить или заново пережить свою жизнь невозможно. Но сегодня, мысленно заглядывая и перебирая прошлое, я ловлю себя на том, что пытаюсь пройтись по когда-то хоженным тропинкам, и, потянув на себя дверную ручку, с почти забытым, но знакомым скрипом войти в дедовский дом. Там, прислонившись к заборке на стуле со спицами в руках, сидит баба Мотя и вяжет шерстяные носки, а рядом на табуретке в своей выдавшей виды железнодорожной фуражке сидит дед, в руках у него балалайка, в губах торчит смятая, потухшая «беломорина», и он наяривает «Подгорную». А посреди комнаты, как на сцене, размахивая над головой платком, приплясывает соседская Любка и тонким звонким голоском подпевает:

ХАЙРЮЗОВ Валерий Николаевич, прозаик. Родился в 1944 г. в Иркутске. После окончания средней школы поступил в Бугурусланское лётное училище гражданской авиации, которое окончил в 1964 году. Прошел профессиональный путь от простого летчика до командира корабля, пилота 1-го класса. В 1975 году поступил в Иркутский государственный университет на отделение журналистики, которое успешно окончил в 1981 году. Член Союза писателей России. Автор книг: *Опекун: Повести и рассказы* (М., 1980); *Отцовский штурвал: повести* (М., 1984); *Почтовый круг: повесть* (М., 1982); *Приют для списанных пилотов: повести* (Иркутск, 1984); *История таежного аэродрома: рассказы* (Иркутск, 1986), *Звезда и крест генерала Рохлина* (М., 2004); *Сербская девочка: пьеса* (М., 2004) и многих других. Награжден премией Ленинского комсомола (1980) — за книги «Непредвиденная посадка» и «Опекун», премией Международного кинофестиваля «Золотой Витязь» (2004); Международной авиационной премией «Авиация глазами журналиста» (2006); Большой литературной премией России (2011); премией им. Валентина Распутина (2018); Патриаршей литературной премией (За значительный вклад в развитие русской литературы) (2022). Живет в Москве.

*Ты Подгорна, ты Подгорна,
Широкая улица,
По тебе никто не ходит,
Ни петух, ни курица.
Если курица пройдёт,
То петух с ума сойдёт.*

Тут же песню подхватывает бабушка:

*Я вяжу носочек долог, долог,
На носочке сорок ёлок.
Тёплый дождик на дороге,
Сердце девичье в тревоге.
Не гляжу на белый свет,
Если долго Миши нет...*

Я начинаю припоминать: да это же генеральная репетиция перед нашей поездкой в Кимильтей, где у Любки должен был состояться первый в её жизни сольный концерт!

В моей жизни она появилась неожиданно. Сразу после приезда в Куйтун я, чтобы угодить бабе Моте, вызвался подкопать и почистить картошку. Ссыпав её в ведро, залил водой из колодца и начал палкой крутить клубни то в одну, то в другую сторону. Молодая тоненькая кожица при этом легко отделялась от клубней, и после оставалось только слить грязную воду. Любка влетела к деду во двор, быстрая и лёгкая, и, увидев, как я прямо в ведре круглой палкой очищаю только что выкопанную картошку, замерла и стала наблюдать.

— А я и не знала, что так можно сразу и всю! — воскликнула она, заглядывая в ведро.

Конечно, было приятно, что моя находчивость оценена по достоинству, но меня насторожила её деревенская простота, говорила она так, точно мы были давно с нею знакомы, и я начал припоминать, где же слышал этот звонкий голосок, снизу вверх глянул на неё: мы были примерно одного возраста, тонкая, в лёгком зелёном сарафанчике, волосы жёлтые, коротко стрижены, обожжённое солнцем лицо показалось мне похожим на подсолнух, но глаза гости смотрели цепко, как у следователя, который застал меня на месте преступления. И тут мой глаз уперся в её серые матерчатые тапочки. Ещё на станции, сразу же после приезда, я решил зайти к деду, он уже в течение многих лет заведовал железнодорожным клубом. Несмотря на раннее утро, двери в клуб были открыты. Я вспомнил, как прямо на меня, раскачиваясь из стороны в сторону, шаркая по мокрому полу этими серыми в клеточку тапочками, движется чья-то обтянутая в трико тощая задница, и волочит за собой мокрую тряпку.

Вижу чудное приволье, вижу нивы и поля...

Подглядывать и слушать уборщицу мне было некогда, и я решил прервать пение:

— Девушка! Можно мне увидеть Михаила Осиповича?

Уборщица замерла и, видимо, желая показать, что ей нет дела до неожиданного посетителя, не поворачивая головы, буркнула:

— Ещё рано, его нет!

Нет так нет, какие ещё могут быть вопросы! Я развернулся и пошёл к выходу.

— Ходят тут разные без стука и спроса, как к себе домой! — полетело мне вслед.

Сейчас уже здесь, в дедовском дворе, я мог бы сказать ей то же самое, мол, ходят тут разные и суют свой нос куда не следует.

— Поживёшь с моё, может, и научишься, — меня грязную воду, ответил я уборщице.

— Сколько же старичку лет? — весело, но с чуть заметной издёвкой поинтересовалась она.

— Отойди в сторону, ты мне закрываешь солнце! — сказал я и, помолчав немного, добавил: — Сколько есть, все мои.

Но такой ответ её не устроил, она с тем же нахальным упорством продолжала допытываться:

— И кто же тебя научил так варварски обращаться с картошкой?

— Кто, кто... Варвары! — буркнул я. — Пришёл, увидел, ошкурил! Здесь не надо иметь высшего образования, достаточно среднего соображения.

— Зачем передёргиваешь? Цезарь так не говорил, — поправила она. — После победы над сыном Митридата он написал своему другу: «Пришёл, увидел, победил! Вени, види, вици!».

Про себя я почти бессознательно отметил, что говорила она громко, быстро и торопливо. «Шла бы ты, милая, своей дорогой и не лезла со своими дурацкими вопросами», — подумал я.

— У Цезаря не было друзей, — отрезал я. — У него были одни завистники. И они его убили.

— Подумаешь, Цезарь! Мы про него в школе по истории проходили. Нарушил закон, перешёл Рубикон, затем связался с этой Клеопатрой. У нас во дворе собака, ребята её Цезарем называли. Кстати, меня Любкой кличут, Ямщиковой. Мы ваши соседи. А как тебя?

— Меня? — снизу вверх глянул я на соседку. — Вообще-то кличут собак! И то не всех! А Клеопатра? Она тоже плохо кончила. Змея её укусила. Ещё один вопрос — и уже укушу тебя я.

— Извини! — смутилась Любка. — Но порядочные и образованные люди, когда знакомятся, называют своё имя. И первыми обычно это делают мужчины. Это знает каждый.

— Много будешь знать, быстро состаришься!

— А я никогда не состарюсь, — засмеялась Любка. — Некогда! А это ты хорошо придумал. — И кивнула на ведро с картошкой. — Моим оглодам и ведра мало, всё уминают. Это ты вчера приехал?

— Ага, утренним, на «колхознике», — потеряв свой боевой настрой, смягчился я.

— Кто из города, все на нём приезжают, — уточнила Любка. — Вечером сел, проспал — утром приехал. Удобно.

О Ямщиковых приезжающая к нам в гости баба Мотя говорила так, что у меня сложилось впечатление, будто они чуть ли не живут с нею в одном доме.

— Семья у Ямщиковых была не то что большая, а просто огромная! — смеясь говорила она. — Жить рядом с ними — это всё равно, что находиться рядом с муравьиной кучей. В школе у первоклашек проверяют счёт до десяти и обратно. Считать Ямщиковых хоть туда, хоть обратно, всё равно ошибёшься. Одних только мальчишек кажется человек десять. А над ними ещё есть Любка. Глядя на сосе-

дей, я иногда думаю, как же тётка Устинья ведёт учёт поголовья своего многочисленного семейства? По именам или по номерам?

Сосед деда, Яков Ямщиков, работал путевым обходчиком, и как он сам подшучивал, после очередного обхода, когда, сдав свою смену, он шел домой, ему на станции попалась Устинья. Смеркалось, моросил холодный осенний дождь, Ямщиков для согрева хлебнул из припрятанной в кармане чекушки и в хорошем расположении духа хотел было пройти мимо. Но тут на глаза попала ему молодая деваха, она сидела на лавке, в ногах у неё на земле стояла матерчатая сумка, а на руках — сверток с пищаем ребенком, которого она, покачивая, пыталась успокоить. Слово за словом, разговорились. Она сказала, что приехала в Куйтун на вечернем «Колхознике» и ждет автобус.

— Э-э-э! Да ты его будешь ждать до утра! — пробормотал Ямщиков. — Ты, девка, вот что, иди к дежурной по станции. Там теплее, она тебя с ребенком поди не выгонит.

— Мне б её только переодеть или посушить пеленки, — швыркнув носом, ответила Устинья. — Дайче, когда я токо с вагона сошла, я сунула руку, она мокрая, вот и ревет. Пока ехали, все сухие тряпки извела. Не скажете, будет седня ещё автобус? Мне в Сулкет надо. Там у меня подружка живет. Нинка Чепизубова. Может встречали таку.

— Нет, не встречал. Только сегодня точно автобусов не будет, — почесав затылок, ответил Ямщиков. — Может на попутной. Но вряд ли. Тем более в ночь, да ещё с ребенком. Отсюда туда ещё километров десять.

— Она у меня терпеливая. Мне б только пеленки поменять.

— Вот смотрю и думаю, откуда ты такая сюда попала? — раздумчиво спросил себя Ямщиков.

— Да с Ангары я. Чуть ниже Братска по течению село — Нижнее Улово зовется. Его все знают.

— Чё-то я про такое не слышал! — Ямщиков вновь почесал затылок, решая, что же делать с нею дальше.

Выяснилось, что она недавно лишилась мужа, того зарезали в драке, и она, оставшись на руках с маленькой дочерью, поехала к своей подружке. То, что осталась одна, да ещё с ребёнком, Якова Ивановича не смутило. В жизни у каждого человека всякое случается. Устинья, отвечая на его расспросы, то и дело смахивала ладонью слёзы, и он, пожалев, предложил Устинье переночевать у него, и она, помедлив, вздохнув, согласилась.

— Я токо пеленки посушу, перепеленаю её и уйду. — Но не ушла, а осталась с ним навсегда. Её не смутил эпизод в его биографии, которым он поделился с нею в первый же вечер. Ещё по молодости, когда Ямщиков служил на флоте, по его недосмотру, причиной которого, как выяснило командование, стал стакан водки, морской баркас получил пробоину и чуть не ушёл на дно. Якова чуть было не отдали под суд, но всё обошлось, его списали на берег, он перебрался в сухопутный Куйтун, и, как он сам сказал, «взялся за ум», устроился на железную дорогу путевым обходчиком. Профессия, требующая не только бдительности, но и выносливости, поскольку приходилось осматривать железнодорожное полотно в любую погоду в одну и другую сторону по несколько километров. На его счастье Устинья оказалась тем человеком, которая сумела отыскать тропинку к растрепанной и привередливой душе Якова Ивановича, и многие удивлялись, как же два таких разных человека сумели ужиться, поскольку характер у путевого обходчика был

далеко не сахар. Иногда, встав не с той ноги, он наводил в семье такой шорох, что домашний ковчег, как и тот злополучный баркас, мог лечь на дно. Но всё налаживалось и успокаивалось, и в этом, конечно же, основная заслуга была за женской половиной семьи. Яков Иванович прилюдно не один раз говорил, что это сам Господь послал ему Устинью. Ямщиков проявил непривычную ему смекалку, из списанных шпал сложил дом, в который, как шутили на станции, как на морской паром, можно было загнать даже поезд. И уже в нём, не откладывая дело в долгий ящик, под стук проезжающих мимо поездов они с Устиньей начали заполнять дом белобрысыми детками.

Для меня вся Ямщиковская ребятня были на одно лицо: мал мала меньше, точно выточенные из берёзовых чурок на одном станке живые и шумливые матрёшки.

Они мгновенно прочухали, что к деду Михаилу прикатил внук, и, когда я носил из колодца воду, сидели на заборе и пялились на меня, некоторые даже пытались задирать, но я держал марку и не обращал на них внимания.

В Куйтун я приезжал и раньше, отправляясь в свою деревню Бузулук за продуктами для нашей большой семьи, мама останавливалась переночевать у деда, а на другой день на попутной машине, а когда и пешком, отправлялась через Сулкет, Бурук в далёкую деревню Бузулук, где жила её родная сестра Наталья. Когда мне ещё не было семи лет, этот путь пешком, больше сорока километров по тайге, пришлось проделать и мне, и он врезался в память сильнее, чем ночёвки у деда.

На этот раз, когда наступало лето, встал вопрос: куда меня отправить? Несмотря на многочисленность наших родственников, выбор был небольшим, ну конечно же в Куйтун, к бабе Моте!

Бабушка была поповной, дочкой священника Данилы Андреевича Ножнина, родом из села Харчев Куйтунского района. В первое время он служил в Свято-Никольском храме в Кимильтее, затем его отправили в Санкт-Петербургскую духовную семинарию. В своих разговорах бабушка утверждала, что отец лично был знаком с Иоанном Кронштадтским, и несколько раз ездил в Палестину к Гробу Господню. А после был пострижен в монахи и стал настоятелем церкви Вознесения Господня в Минусинске. Вроде там был и похоронен. В детстве бабушка окончила епархиальное училище, носящее имя иркутского купца Ефимия Кузнецова, при Знаменском монастыре, куда брали только детей священнослужителей. При поступлении ей пришлось держать экзамен по знанию Закона Божьего, главных молитв, употребляемых при богослужениях тропарей, великих праздников, основных событий Ветхого и Нового Завета. По пению была проба голоса и слуха, затем чтение детских стихотворений. В училище был полный пансион, строгая дисциплина и соблюдение форменной одежды, за которой следили классные дамы. Бабушка проучилась там шесть лет, по окончании ей было дано право учителя домашнего воспитания.

— Вот кому надо было давать Георгия! — говорила моя мама, когда заходил разговор о подвигах деда в империалистическую войну, который был награждён Георгиевским крестом.

— Родить девятерых и вывести их в люди — это какое же надо иметь здоровье! Кроме того, ещё и внуков поднять!

— Зачем же ей Георгия? У неё уже есть Михаил! — смеялся отец. — Такого, как мой батяня, ещё поискать надо!

В последние годы некогда большая семья деда начала разлетаться. Выросшие

и получившие хорошее образование, мои дядьки и тётки разъехались по городам и весям, со стариками остался Генка Дрокин, сын от старшей, рано умершей дочери Нади.

Это позже я пойму, что, отправляя меня на лето в Куйтун, моя мама хотела освободиться на время от лишнего рта, хотя всё, конечно же, предварительно обговаривалось, что я еду как бы в помощь старикам, поскольку не ленивый, лёгок на ногу и могу помочь бабушке по хозяйству: начерпать и принести из колодца воды, прополоть и полить грядки, окучить и подкопать картошку, задать корм корове. В последнее время держать корову бабушке было непросто, на зиму надо было заготовить сена, достать комбикорм, и вообще они с дедом держали её скорее по инерции, привыкли, что в большой семье молоко всегда пригодится. Вообще-то огород и корова были не только обузой, но и хорошим подспорьем для изрядно поредевшей семьи деда, поскольку Любка приходила и покупала почти всё молоко для своих братьев.

Как только я приехал, обязанность помогать по хозяйству бабушке Генка Дрокин тут же переложил на меня, а сам, как и ранее, продолжал гонять по Куйтуну на мотоцикле, расклеивать и развешивать клубные афиши, перед сеансом проверять билеты, отвозить и привозить жестяные бобины с киноплёнкой, а иногда, когда деду надо было срочно съездить в Иркутск, он подменял его и крутил в клубе железнодорожников кинофильмы.

Утром, отправляясь на службу, дед надевал свою железнодорожную гимнастёрку, поверх её натягивал тёмно-синий китель, застёгивался на все пуговицы и, причесав ладонью седую лысеющую голову, натягивал форменную фуражку.

— Оставляю тебя на хозяйстве! — говорил он бабе Моте, прикладывая ладонь к голове. — Сегодня у меня совещание, буду поздно.

— Да как-нибудь мы здесь и без тебя управимся, — улыбалась бабушка. — Ты случаем очки не забыл?

Глаза деда замирали в одной точке, он испуганно хлопал себя по карманам, проверяя, всё ли взял, поскольку без очков он был как без рук.

Место для сна мне определили под крышей, где, как говорила баба Мотя, обычно ночевал, приезжая в Куйтун, мой отец, и которое на лето облюбовал мой двоюродный брат. Дрокин считал себя всезнайкой, и, перед тем как уснуть, он рассказывал, что после революции дед работал на агитпоездах, и что в его коллекции были фотографии приезжающих в Иркутск Василия Блюхера, Павла Постышева, командира красных забайкальских партизан Журавлёва, про которого даже была песня:

*Ружья в гору заблистали,
Три дня сряду дождик лил.
Против белых мы восстали,
Журавлёв там с нами был...*

— А ещё, — говорил Дрокин, — дед давным-давно фотографировал лётчика Михаила Громова во время его знаменитого перелёта из Москвы в Пекин. Громов летел на самолёте Р-1 конструкции Николая Поликарпова, другие на «Юнкерсах», — и для большей убедительности добавлял: — К нам на поле садился санитарный самолёт По-2 тоже конструкции Поликарпова. Я ездил туда на мотоцикле и даже посидел в кабине. Ничего особенного, двухместная кабина, два или три прибора, указатель скорости и авиагоризонт. Немцы называли его швейной машинкой или Рус-фанер. Я бы мог спокойно взлететь и сесть на нём.

«Ври, да не завирайся!» — думал я, и всё же немного завидовал Дрокину. Надо же, сидел в кабине самолёта! В то время я зачитывался книгой Вениамина Каверина «Два капитана», повествующей о полярных лётчиках, и как все мальчишки мечтал стать лётчиком.

— Надо попросить деда, в кинофонде есть фильм «Два капитана», — устав отвечать на мои расспросы, зевая, говорил Генка. — Можно его показать.

Меня поражало: Дрокин обо всём рассказывал так, что казалось, это он ездил с дедом на этих самых агитпоездах и сам лично снимал знаменитых людей. Сколько же нового и неожиданного я узнал за последние дни после приезда в Куйтун!

На ночь семья соседей укладывалась не сразу. Гуськом, следуя друг за другом, ребяташки делали заход в туалет, потом, под присмотром всё той же Любки, один за другим шагали в сени, где стоял наполненный водой цинковый тазик, некоторые, даже не наклоняясь, тёрли мокрые ступни одну о другую, перепрыгивали на лежащую рядом с ванной тряпку, шоркали подошвой об неё и, показав смотрящей сестре подошвы, бежали в дом. Некоторых Любка возвращала обратно.

— Это ещё что за номер! — толкая их в спину, восклицала она. — А ну, марш обратно! С такими грязными ногами, да в постель! Ты что ль будешь стирать?

А после, когда станция окончательно погрузалась в темень, я прислушивался к звонкой тишине, когда ещё ощутим шёпот затихающей листвы, медленно, как рассыпанное просо, начинают проступать холодные далёкие звезды; слабо помаргивая, они, в свою очередь, разглядывали меня, нашу землю, по которой куда-то по своим надобностям, не останавливаясь даже на ночь, с нарастающим гулом спешили поезда, а в соседнем доме долго ещё с незатухающим хохотом, криками и писком укладывалась в свои лежаки соседская ребятня. И мне казалось, что кто-то случайно отцепил, как вагоны, два крайних дома: дедушкин и Ямщиковых, и загнал их в тупик. Вот и стоят они рядом тихо и мирно, но есть существенная разница: в одном доме доживают свой век, в другом, набирая силу, уже присматривается, где бы сесть и что бы съесть ямщиковская ребятня.

Утром я просыпался всё от того же шевеления и криков из соседнего двора. Сверху из-под крыши было видно, как ямщиковская ватага друг за другом, потягиваясь и ворча, высыпала во двор и выстраивалась в очередь к дощатому сортиру. Некоторые, не утерпев, пристраивались к забору и, уткнув свои стриженные шишковатые головы в доски, справляли нужду прямо в щели. Дрокин, поглядывая во двор Ямщиковых, ехидно комментировал:

«Как-то после подъёма по неосторожности генерал-аншеф Александр Васильевич Суворов дал команду своей армии: «Оправиться!» И вся армия по команде столпилась у забора». Дрокин на секунду замолчал, потому что на крыльце появлялась Любка и начинала отчитывать своих братьев: «Как вам не стыдно! Побойтесь Бога, бесстыжие! Вы бы ещё вышли на улицу и стали до ветра вдоль забора!»

— «Отставить!» — скомандовал генерал-аншеф, но было поздно, — гоготал Генка. — Забор поплыл!

К бабе Моте Любка забегала каждый день, ещё с порога торопливо говорила, что зашла по пути в магазин или аптеку, всего лишь на секунду, и спрашивала: может, что-то нужно купить, и при этом не забывала стрелкнуть своими тёмными глазками в мою сторону. Даже невооружённым глазом было видно, что одежонка на ней так себе, чуть ли не один и тот же застиранный сарафанчик, но зато он сидел на ней так, точно в нём она родилась.

— Да всё у меня есть, — говорила бабушка. — И валидол, и корвалол, вот

только здоровье куда-то пропало. Возьми что-нибудь успокоительное: настой валерианы или мелиссу. А после, если будет время, приходи, позанимаемся.

Я знал, когда-то в молодости баба Мотя пела в церковном хоре, а после, когда жила в Кимильтее, даже была регентом хора и следила за богослужением с клироса. Узнав, что Люба занимается в художественной самодеятельности и мечтает стать певицей, она, вспоминая те уроки, которые ей когда-то давали в училище, пыталась помогать Любке.

— Главное — это дыхание, — учила бабушка. — Набери побольше воздуха и понижай, или, наоборот, плавно повышай голос. Перед тем как начать, надо подготовить голосовой аппарат. Никогда нельзя петь больным и нездоровым. Песня грустная поётся распевно, при этом и движение руками должно быть плавными, как бы помогая песне. Надо понимать, что в твоём возрасте голос растёт и развивается. Человек растёт, и голос растёт. Запомни, от желания петь громче других может произойти вибрация голоса, он может сорваться. А это плохо. Надо беречь голосовые связки. Звук должен выходить из тебя без натуги: круглым, точным, звонким. Монотонное исполнение нужно только ребёнку перед сном. Надо научиться отделять сливки от пахты. Сливки — вкусно, пахта — не очень, но тоже полезна.

*Слышу песни жаворонка,
Слышу трели соловья...
Это русская сторона,
Это Родина моя!*

— затягивала Любка, и я, вспомнив, как она подбадривала себя, напевая при мытье полов, всё же соглашался: голос у неё был чистым и звонким.

Уроки пения мгновенно прекращались, когда до тоненького Любкина голоса из соседского двора долетало что-то похожее на глухой лай волкодава:

— И где эта курва пропала?! — ругался пришедший с работы Яков Иванович. — Опять к попихе убежала. Петь надо, когда всё сделано. Ужин не подогрет, хлеба дома нет! И чем у неё башка забита? Приволья ей захотелось! Появится эта падла, шукуру с неё спущу!

— Ой, кажется, Яков Иванович с работы пришёл, а я тут распелась! — пугалась Любка. — Баба Мотя, я к вам попозже забегу.

— Бедная девочка! — глядя ей вслед, вздыхала бабушка. — С ними она и детства своего не разглядит. Стирка, готовка, уборка, тряпки, сопли, горшки, вдобавок ещё и матерки. А Устинье хошь бы что! Та два часа собирается, два умывается, час притирается, сутки одевается. По-моему на уме у неё одно — во что бы Любу ещё запрячь.

Как-то через бабу Мотю Устинья попросила деда, чтобы тот пристроил Любку в клуб мыть полы, всё-таки какая-никакая копеечка в семейный бюджет. Кроме клуба, Любка мыла полы ещё и в больнице. Быстрая и расторопная, она успевала не только мыть, стирать, но и следить за своими братьями, помогать матери по хозяйству, и даже заниматься в художественной самодеятельности.

— Родись Люба в другое время и в другой семье, ей бы не было цены, — баба Мотя замолкала. — Чёй-то я сёдни разговорилась! Кто судит, того Бог не любит.

Конечно же, прожив долгую и непростую жизнь, баба Мотя знала, что люди цену, возможно, и назначают, но в том возрасте, в котором пребывала Любка, о собственной цене в глазах окружающих она не задумывалась, как зачастую люди

не задумываются, чем они дышат и что пьют. А то, что ей довелось жить в большой семье, Любка, наверное, и не брала в голову, жили, как Бог дал, и это уже хорошо, могло быть и хуже, когда у человека большие запросы, то и разочарования всегда рядом. Что поделаешь, кому-то пышки, а кому-то шишки.

Позже я не раз ловил себя на мысли, что соседская ребятня была твёрдо уверена, что всеми проходящими поездами командует их отец, Яков Иванович Ямщиков, единственный, кому даже в магазине, куда он заходил в своей оранжевой жилетке, без очереди, и даже под запись, продавали водку — ходить и проверять состояние железнодорожных путей мог далеко не каждый.

— Тут нужон не только острый глаз, но и чуйка, — с гордостью говорила тётка Устинья, когда заходил разговор об её муже. — Намедни в Тулуне вагоны сошли с рельсов. И всё из-за какого-то путевого недотёпы!

Она побаивалась, когда Яков Иванович приходил домой пьяным, молча переносила его ругань, хорошо усвоив, что гроза к вечеру не бывает долгой, сейчас появится Любка, примет удар на себя — и всё пойдёт как прежде.

Дед Михаил тоже хвалил Любку и говорил, что она настоящая звёздочка, и что с неё будет толк. А вот её младших братьев дед недолюбливал:

— Да им за раз на стол артельный чугунок картошки надо ставить. Нет бы своё, а всё норовят к другим залезть. Сколько раз я дыру в заборе заколачивал! Всё равно лезут, как собаки. Недавно опять дыру под забором прорыли. А поймаешь, рёв на всю станцию, мол, зря обижаю многодетную семью.

— В самую точку! — поддакивал Генка. — Им законы не писаны. Что с них возьмёшь? Саранча! Лазят, и не только к нам. Уголовный кодекс по ним плачет.

Кое-что про Уголовный кодекс я уже слышал, вот только почему он плачет, мне было непонятно. Например, говорят денежки плакали, бывает, люди плачут, и мне приходилось не один раз не то чтобы плакать — реветь! Но чтоб плакала казённая бумага, я услышал впервые!

— Вот поймаю, оторву им головы! — грозился Дрокин, по которому после таких слов уж точно заплакал бы этот самый кодекс. Но дальше угрозы дело не шло, у Генки было плохое зрение, а Ямщиковы это хорошо знали. Известно, что у вора сто дорог, а у того, кто его ловит, одна.

Вот так, день за днём, за соседским забором текла своя самобытная жизнь, и наблюдать за нею было всё равно, что смотреть в свою, и, размышляя над увиденным, прийти к простому выводу, что соседей, как и своих родителей, не выбирают. Каждая семья живёт по своему, неизвестно кем назначенному порядку.

С Ямщиковской братвой я познакомился на огороде. Как-то после обеда я сидел на крыльце и читал книгу Михаила Наумова про брянских партизан «Хинельские походы». И тут краем глаза в конце огорода за кустами крыжовника я уловил мелькнувшую тень. Начитавшись про партизан, для себя я отметил три правила, чтобы победить противника: надо не светиться, не шуметь и мгновенно замереть, когда вражеский глаз направлен в твою сторону. Как утверждали бывалые разведчики, больше всего человека выдает движение. «Опять эти ямщики! — мелькнуло у меня в голове. — Надо поймать того, кто среди белого дня лезет в дедовский огород». Отложив книгу, я взял в руки палку, которой очищал клубни, и чуть ли не ползком меж кустов крыжовника прокрался к забору и замер. Ямщиковы не читали книг про партизан и разведчиков, через пару минут они вновь через подкопанную под забором нору пробрались в дедовский сад и начали обирать крыжовник. Я хотел пугнуть их, но потом решил, что будет

лучше, если мы поговорим по-соседски и разойдёмся миром. Я встал и, держа в руках палку, пошёл прямо на них.

— Агас! — увидев меня, крикнул кто-то из Ямщиковых. Застигнутые врасплох, они бросились к дыре, но увидев, что я один, остановились и, настороженно покрутив по сторонам головами, нет ли ещё поблизости Дрокина, начали подступать ко мне. Я стоял молча, побегу — на весь Куйтун опозорю деда. «На того, кто не боится, собаки лают, а трусливых — кусают!» — говорил он. Некоторое время мы стояли, разглядывая друг друга.

— Куришь? — не обращая внимания на палку в моих руках, неожиданно спросил меня старший, которого в честь отца называли Яшкой.

— Не-а, не курю.

— Кто не курит, кто не пьёт, тот здоровеньким помрёт, — засмеялся Яшка.

Мне не понравилось, что он как бы свысока, по-хозяйски разговаривает со мной, точно не они, а я забрался к ним в сад.

— Лазить по чужим садам и огородам, тем более к соседям, грех. За это есть даже статья в Уголовном кодексе, — про Уголовный кодекс я добавил для важности, хотя сам узнал о его существовании совсем недавно, от того же Генки Дрокина.

— И что там в этом кодексе интересного? — усмехнулся Яшка. — Небось Генка подсказал? Да вашему Генке уже давно пора выписать пендюлей!

— Чё лазите? — буркнул я. — Своей ягоды не хватает?

— Тебе что, жалко? Ведь не твоя же!

— Жалко у пчёлки.

— Ты откуда такой прикатил?

— От верблюда!

Ямщиковы, как по команде, начали сопеть в носы и переглядываться. Так на станции с их старшим братом никто не разговаривал. Они сбились в кучу, готовые по команде наброситься на меня, я это почувствовал нутром. Но драться Яшка не хотел, возможно, его останавливало упоминание Уголовного кодекса, да и бросать своих младших хоть и на одного, но с палкой в руках, ему не хотелось, уж он-то понимал, за мной не только Генка, но не дай Бог ещё вмешается дед Михаил! Не тот повод, чтобы доводить дело до мордобоя.

И тут неожиданно я заметил в руках у Яшки нож. Подкидывая в руке, он показывал, как легко и ловко может обращаться с ним. Увидев, что я обратил внимание на нож, Яшка взял двумя пальцами за кончик лезвия и метнул в висящую на заборе афишу, которую он снял где-то на улице и повесил в огороде. Нож ударился плашмя.

— Это я для разминки! — поморщившись, бросил Яшка. — Беру вторую попытку.

Но и вторая попытка оказалась неудачной.

— Можно? — попросил я.

— Ну, если хошь, попробуй, — Яшка протянул мне нож, он был тяжёлым, выточен из напильника. Рукоятка вылита из свинца, всё сделано грубо, по-деревенски, но добротнo, снаряд был убойным. Метанием ножей занимались и мы у себя на Релке, и без хвастовства — среди наших ребят я был одним из лучших. Положив нож плашмя на ладонь, я прижал его большим пальцем и метнул в афишу снизу от колена. Всего один оборот — и нож вонзился прямо в горло главарю мексиканской шайки Колвере из «Великолепной семерки».

— Где научился? — вытянулось лицо у Яшки.

— Сегодня в клубе будут показывать этот американский фильм. Дед уехал по делам в Кимильтей, а фильм будет крутить Генка, — на секунду я сделал паузу, нутром почувствовав, что драка отменяется, и можно, как утверждало радио, перейти с соседями к мирному сосуществованию. — Я попрошу, чтобы он провёл нас. Там один из героев, кажется Стив Маккуин, ещё лучше, чем я, метает ножи.

— Да твой Генка собздит, — поморщился Яшка. — Ещё одного, может, и пропустил бы. А нас вон сколько!

Я оглядел соседей, они ждали, что отвечу я. Яшка был прав: обещать легко, одного провести было можно. Но попробуй проведи такую ораву!

— Попытка не пытка, — буркнул я, — посмотрим.

После переговоров с Ямщиковыми на огороде я забрался в мастерскую к деду и обнаружил в старом комодe проявители, ванночки, увеличитель, фотокарточки и лежащий в отдельном ящике старинный фотоаппарат. Увидев объектив, я выкрутил его из фотоаппарата, мне захотелось показать Ямщиковым, как можно без спичек при помощи увеличительного стекла развести костёр. Костёр я не развёл, но вечером в доме деда полыхнул нешуточный пожар. Обнаружив пропажу, дед учинил всем присутствующим допрос. Сдал меня Дрокин.

— В последние дни никто в наш дом, кроме Любки Ямщиковой, не заходил, — прохаживаясь по комнате, начал изображать из себя следователя Генка. — Да на кой ей хрен железяка? Извиняюсь, объектив. Так что вывод один, объектив свинтил кто-то из своих. Бабушка отпадает, если бы он ей понадобился, она бы могла это сделать сто лет назад. Мне он, как попу гармонь. Вывод напрашивается сам. Признавайся, ты взял? — Генка навёл на меня свои противные, с толстыми стёклами очки, которые вполне могли сойти для разведения огня. И чего я не догадался свистнуть их у него, а не дедовский объектив?

Я пробормотал что-то про таинственный остров Жюль Верна и как на нем потерпевшие кораблекрушение добывали огонь. В конечном итоге пришлось сознаться, что объектив свинтил я. Сидевший до сих пор в углу, молчавший дед встал.

— Свинтил! Кто тебе ра-зре-шил?! — громко, по слогам, скрипучим деревянным голосом спросил он, наморщив сухой пергаментный лоб и уставив на меня два своих живых, но уже выцветших объектива, и почему-то в этот момент он напомнил мне оживший костыль, стоявший до поры до времени в углу.

Откуда мне было знать, что объектив был чуть ли не самым ценным предметом в дедовском доме?! Сам того не ведая, я узнал, что перед этим объективом стояли и сидели на деревьях стрелки 44-го Сибирского полка во время перерыва между боями в Галиции, а позже позировал сам Антон Иванович Деникин.

— Собирай вещи, вечерним поездом я отправлю тебя обратно в Иркутск! — огласил дед окончательный приговор.

— А он ещё и книги начал раздавать! — подсказал Генка.

«Тебя-то кто за язык потянул!» — подумал я, вспомнив, как моя мама не раз упрекала обижавшего её моего отца: «Николай, учти, обида прощается, но не забывается!»

— Да я только дал почитать!

— Да за такие дела тебя, засранца, раньше бы на каторгу! — взревел дед. — В тюрьму! У нас, в Кимильтее, пересыльная была для тех, кто прокламации клеил. Их в кандалы — и по этапу.

Но отправить меня по этапу обратно в город или сослать на каторгу дед не успел, вошла баба Мотя и, спокойно вздохнув, произнесла:

— Миша, перед тобой не германец, а такой же, как и все остальные, твой внук. Вспомни, что ты сделал с собственным сыном!

Позже, уже от самого дядьки, кстати, заслуженного геолога страны, я узнал, что он отрубил кусок свинцового кабеля на грузило, и дед Михаил дал ему такую затрещину, что земля показалась с овчинку.

— Уймись! — бабушка впервые на моей памяти повысила на деда голос. — Ему захотелось показать ребятам, как можно добыть огонь при помощи увеличительного стекла.

И личный фотограф чуть ли не самого Антона Ивановича Деникина, бывший казачий урядник, самый узнаваемый в Куйтуне человек, замолчал и ушёл в свою комнату, где глухо и мерно отбивали уже не прошлое, а настоящее время стоящие на полу старинные часы.

Получив амнистию, я утвердился в мысли, что главным и настоящим атаманом в доме была баба Мотя.

Углядев мой интерес не только к объективам, но и к книгам, баба Мотя, вспомнив, что когда-то оканчивала епархиальное училище, и даже готовилась стать учителем, одно время даже преподавала в воскресной школе основы Закона Божьего, решила научить меня, как уберечься от людских соблазнов, и по возможности приобщить меня к пониманию всего божественного и избежать всего грешного. Она показала хранившиеся у неё в комодке книги, которые остались у неё ещё от покойного отца. Многие из книг были старыми, ещё дореволюционного издания. С особым, я бы даже сказал, трепетным чувством я брал в руки те книги, которые были в кожаном переплёте. Среди них оказалась книга о подвиге «Варяга» и «Корейца» и капитане Рудневе, про попытку прорыва этих кораблей из Чемульпо и их героический бой с японской эскадрой. А ещё была Библия, в тёмном золотистом металлическом окладе и с такой же металлической защёлкой на обложке. Увидев, что я открыл защёлку и начал перелистывать тонкие пергаментные страницы, бабушка напомнила, что брать книги без спросу нельзя, а потом попыталась объяснить мне, кто такой Иисус Христос, называя его почему-то Сыном Божиим, который, по её словам, был послан на Землю для спасения всех заблудших. Себя-то я заблудшим не считал, хотя, конечно же, грешки за мною водились, но о них я старался помалкивать. И, точно прочитав мои мысли, бабушка сказала, что когда она была маленькой, её водили в церковь на исповедь, где она признавалась в своих вольных или невольных грехах перед Богом в присутствии священника, и это называлось таинством Покаяния.

После обеда, когда все дела были сделаны, бабушка посадила меня за стол, дала книгу «Когда бабушка была маленькой» и заставила читать вслух. Это, как она говорила, нужно для грамотности и правильности произношения. После её заступничества перед дедом перечить ей я не смел. Взяв книгу, я почему-то посчитал, что её написали про нашу бабушку. Рассказы показались мне скучными и наивными, и уж конечно же, они были не про бабу Мотю, которая сидела передо мною, расплывчатая и тихая, вязала носки и внимательно прислушивалась, как я, почти по слогам, преодолеваю скучный текст. В предисловии было сказано, что это детские рассказы о том времени, когда ещё не было железных дорог, и люди ездили в гости друг к другу на лошадях, не было электрических и даже керосиновых фонарей. И как же они тогда читали книги? — мелькало у меня в голове. Правда,

в книге был сосед Яша, у которого был сад с кустами смородины и крыжовника, и на одном из деревьев он повесил восковые яблоки.

«И тогда умели пустить пыль в глаза», — думал я, рассматривая картинки, на которых девочки были в длинных платьях и в стоящих топорком накрахмаленных чепчиках. Книга была издана аж в 1900 году и напечатана с твёрдыми знаками, которые мешали при чтении. Бабушка объясняла: «В старой орфографии Азь — это Я, Буки — буквы, письмена. Веди — от слова знать, ведать. Азь, буки, веди. Азь — Я — первая буква в азбуке, а не последняя, как в нынешнем, вашем алфавите. Потому что именно с меня и далее с тебя начинается мир. Азь — это начало и основа всему. В этом осознание Бога и то, откуда ты есть». Захлопнув книгу, я начинал смотреть в окно

— Ну что, тебе всё понятно? — спрашивала бабушка.

— А почему, когда я плохо себя веду, то мне грозят, мол, смотри, не то тебя Бог накажет? — интересовался я. — Что он, за всеми нами присматривает? И почему Любка Ямщикова чуть ли не каждый день кричит своим младшим братьям, когда они делают что-то не так, что их тоже Бог накажет? И почему люди ругаются всегда громко, а о хорошем говорят тихо или вообще редко?

Бабушка с некоторым подозрением глядела на меня: с чего это я стал таким смиренным и рассудительным? Неужели подействовала полученная от деда взбучка?

— Это хорошо, что ты начинаешь понимать, что плохо вести себя нельзя, — подумав немного, ответила она. — В этом есть напоминание, что от Господа нашего идёт жалость и сострадание грешным людям, не понимающим, чего они лишаются, преступая закон и принятые правила. Надо научиться жить и радоваться жизни.

Радоваться? А как радость можно выразить или выказать? Когда я начинал сильно радоваться, то меня тут же осаживали, мол, перестань скакать и кричать. Мне захотелось спросить бабушку, почему висящая в переднем углу изображённая на иконе Мать Божия молчалива и грустна, и её глаза почему-то напоминают мне мамыны. А катающийся на колеснице во время грозы по небу Илья-пророк грохочет так, что трясутся стены. И почему-то каждый раз, вспоминая Илью-пророка, у меня перед глазами вставал ругающий меня дед Михаил. А ещё мне хотелось спросить, почему дед прячет фотографии генералов, отличившихся во время позапрошлой войны. Про Брусиловский прорыв упоминалось в учебниках истории. Дед в Первую мировую бил австрияков и германцев, но когда я узнал, что он лично знал Деникина, мне стало не по себе, ведь его подавали чуть ли не как главного врага советской власти! Так на чьей же стороне в те годы был мой дед? И когда в его голове произошло деление на своих и чужих? И нужно ли оно было вообще? Я знал, что после революции, продвинутый в фото- и киноделе, дед стал самым активным участником передвижных агитбригад, которые поддерживали и продвигали советскую власть. А ещё мне хотелось спросить у бабушки, которая так складно и хорошо всё объясняла, где же у меня душа, и почему она так далеко спрятана, и совсем не помогает, когда хочется есть, или когда тебя ругают не по делу? Видимо, в епархиальном училище, где она училась, был тот предмет, который почему-то отменили в нашей школе...

— Вот что, милый! — точно угадав мои мысли, обратилась бабушка. — Не забивай голову тем, до чего ещё не дорос. А сейчас сходи-ка, дружок, в огород и нарви мне ремень. Он хорошо помогает от давления.

Бабушкину похвалу заслужить было приятно, и я тут же с лёгкостью помчался в огород. Она ставила на стол самовар и попросила, чтобы я спустился в подполье и достал банку с вареньем из крыжовника.

Дед был не только строг, но и скуп. На кухне у него стоял ящик, который закрывался на замок. Там у него хранились чай, сахар, сгущёнка и тушёнка, которые он выдавал лично. Объяснялось это тем, что люди, особенно после войны, стали безудержны в еде. Знал бы он, что и у бабушки от этого сундука были свои ключи! И всё равно, когда деду приносили пенсию, баба Мотя начинала просить его:

— Миша, дай ребятам на мороженое!

— Мороженое вредно! — обрезал дед. — От него может развиваться сахарный диабет. Пусть едят то, что растёт в огороде. Это в сто раз полезнее для здоровья.

— Сегодня я состряпала оладушек, — сообщила бабушка, — будем пить чай.

Мы садились за стол, посреди которого возвышался медный самовар. Она пила из блюдечка и расспрашивала меня об учёбе, хорошая ли у нас учительница и есть ли уроки пения.

— Есть! — отвечал я.

— И что же вы поёте? — поинтересовалась баба Мотя. — У твоего отца был слух, он хорошо играл на баяне.

— Да, его на все гулянки приглашали, — подтвердил я. — Мама ругалась, когда он засиживался допоздна.

— Коля хотел стать музыкантом, — вздохнула бабушка. — Он ведь самоучка, подбирал песни на слух. А вот учиться не довелось. Ему, как и соседской Любке, пришлось тащить наш семейный воз. Потом война, уже своя семья, дети.

Она расспрашивала, какие предметы в школе мне нравятся больше всего. Я сказал, что интересуюсь географией, историей, и, помолчав немного, добавил, что ещё люблю читать книги. Вот только пишу с ошибками. Ещё мне нравились военные песни. Например, эта:

*Мы красные кавалеристы, и про нас
Былинники речистые ведут рассказ...*

— пристукивая по столу кулаком, начинал я.

— Под эту песню капусту бы крошить, — засмеялась бабушка и, вздохнув, добавила: — В моё время были другие песни.

*Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота баимачок,
Сняв с ноги, бросали...*

Я терпеливо слушал, смотрел на висевший на стене её портрет, как она говорила, тогда она только что окончила училище и приехала к отцу в Кимильтей. Камлотовое платье коричневого цвета, белые рукавчики, белый передник с лифом, который застегивался сзади булавками. «На занятия по танцам мы надевали прюнелевые ботинки, лёгенькие, они хорошо держали стопу и не сковывали движения, — рассказывала бабушка. — Были уроки рукоделия, нас учили вышивать крестом полотенца, салфетки. Конечно же, как и все дети, баловались и играли в «Третьего лишнего», «А мы просо сеяли», и ещё в фанты. Перед этим выбирали ведущего, и он скороговоркой читал: «Барышня прислала сто рублей, чёрного небелого не покупайте, о жёлтом даже не упоминайте, «да» и «нет» не говорите, что хотели — получайте, головою не мотайте, смеяться тоже нельзя. Сидит Дрё-

ма, сама дрёма, сама спит. Рубль поехал, рубль пошёл. Рубль хозяина нашёл». А позже, когда мы немного повзрослели, нам стали позволять посещать вертепы, такие были передвижные кукольные театры. И ещё в те времена иркутский купец Второв проводил в городе ситцевые балы. Все должны были приходиться в ситцевых нарядах и платьях. Некоторые наши девушки, собираясь на такие вечера, дабы приобрести интересную бледность, даже пили разбавленный уксус. Перед окончанием учёбы я держала экзамен на учителя, который с успехом выдержала, и мне выдали в подарок швейную машину «Зингер». Когда началось раскулачивание, машинку эту я спрятала, позже она помогала нам выжить. Швейные мастерские только в городе были. А здесь полный дом ребят, их всех обшивать надо».

— Баба, а как ты познакомилась с дедом?

— А мы девчонками на суженого-ряженого гадали. Брала божью коровку, клали на ладонь и смотрели, куда она поползёт. Смотрят, с какой стороны к ней счастье придёт, где её суженый живёт. Ещё гадали по курице. Ставили её на пол. Если курица пошла под Божий угол, где висели иконы, так умрёт этот человек. Скажут, Бог его к себе забрал. Если курица пошла к двери, девица замуж выйдет в этом году. Даже песни пели:

*Как же так случилось, я без тебя жила?
Сколько ж настрадаться пришлось мне без тебя.
Суженый мой, ряженный, я тебя ждала!
Суженый мой, ряженный, я тебя нашла!*

А с Мишей мы уже были знакомы. В те времена на Масленицу устраивалась забава: бились стенкой улица на улицу, село на село. Чья улица сильнее. Кто победит, тот берёт девочку. Миша победил и выбрал меня. Хотя он и раньше уже присмотрел меня. Тогда ему ещё не было двадцати, он работал писарем в сельской управе. Заслали сватов. Они зашли и от порога запели:

*У нас петушок, у вас курочка.
Кошку под стол, невесту за стол.*

А с моей стороны отвечали:

*Рано выходит детке.
Замужем не золото, ту же грязь месить...*

Такие были обычаи. Когда собирались к невесте, тысяцкий-крестник запрягал тройку лошадей. Кони разукрашены, сбруя хорошая, кошёвки бравые. И по улице со стрельбой из ружей! После свадьбы молодых уводили на подклеть. А утром жених выносил простынь, показать, честная ли она ему досталась. Бывало и так, воробья убьют, разорвут, да выпачкают простынь. Чтоб отца не прогневить.

— А зачем пачкать? — по-простецки, невинным голосом спрашивал я.

Бабушка испуганно ладошкой закрывала свой морщинистый рот: «Зачем? Зачем? Тебе ещё рано знать! Совсем разболталась тут я. Твой дед налетел, как коршун! Ну разве можно было такому отказать! Вот он с тех пор и со мной», — кивнула на портрет бабушка.

На стене в большой комнате деда, которая при планировке дома, должно быть, задумывалась для сбора большой семьи, — как память от прежних времён, — под стеклом висели фотографии. На одной из них я отыскал бабушку и своего отца, где его, маленького, в платье, стриженного налысо, обнимала молодая и красивая баба Мотя, которая впоследствии станет Матрёной Даниловной, и как она сама мне подсказет, что это именно она, а не кто другой.

Бабушка показала ещё одну фотографию, где моему отцу было года три или четыре, рядом с ним на резной лакированной лавочке стоял младший брат Иннокентий. На них были длинные, по колено, рубахи, вместо привычного ныне ворота были вязаные, лежащие на плечах белые кружевные воротнички, а на ногах — полосатые рейтузы. То, что это были мальчики, выдавала короткая, под Котовского, стрижка, и слева на полу стояла сестрёнка Надя, на ней было светло-серое, с таким же белым вязаным воротничком, платье. И у неё были длинные, собранные узлом на затылке волосы.

Среди других фотографий я находил бабу Мотю, и было ей на снимке лет десять, тогда она училась в епархиальном училище, и я не мог себе представить, что на фотографии она гораздо моложе меня нынешнего, одета, как и другие «епархиалки», в строгое чёрное платье до пола, и в таких же чёрных платочках все участницы церковного хора.

— Это мы перед выступлением в дворянском собрании, — рассказывала она. — Из Петербурга к нам приехал какой-то важный чиновник, вот нас и пригласили выступить. Мы потом долго обсуждали, кто и во что был одет, особенно нравились нам женские наряды городских барышень, причёски, белые кофточки, вуальки, стук каблучков. Мы пели «Херувимскую песнь», «Милость мира», а в конце — «Свете тихий».

По центру семейной фотовыставки была фотография отца бабушки — Данилы Андреевича. Он был в чёрной рясе, с большим крестом и серебряной цепочкой на груди, а справа от него на табуретке, крепко уперев обутое в яловые сапоги ноги, сидел его брат, Алексей Данилович. На нём была справная, хорошего сукна тёмная косоворотка и такие же штаны. Оба брата сидели, облокотясь на круглую лакированную тумбочку, крепкие, оба здоровые, знающие себе цену, и смотрели прямо в нынешнее время. По фотографиям было видно, что братья Ножнины из зажиточных. Ну и конечно же, не то что одетые, а раздетые в расшитую, тёплую и крепкую одежду: моя прабабка Анна с Осипом Ивановичем, который был родом со слободы Самара Вальцовского уезда Воронежской губернии. Также были фотографии самого деда в военной гимнастёрке времён Первой мировой войны с германцами; рядом с ним бородатые боевые сослуживцы — офицеры царской армии. Мне даже казалось, что, рассматривая фотографии, я ощущаю запах казённого сукна и солдатского пота. Особенно мне нравилась фотография, где они были с бабой Мотей, ещё молодые, дед в казачьей форме старшего урядника. На фотографии глаза у него пронзительно строгие, а на голове бабушки — белый чепчик, и кроткий, добрый взгляд. Под фотографией значился 1917 год, время, когда закончила свои дни Российская империя, а судьба деда и всей его большой семьи потекла в иную сторону.

Я видел, что мой приезд в Куйтун стал для неё некоторым облегчением, появился не только помощник, но в какой-то мере и добросовестный слушатель. От чтения вслух про маленькую бабушку меня спасала Любка. Она без стука влетала в дом, смотрела на меня, сидящего за книгой, лицо её становилось озабоченным. Бабушка прикладывала палец к губам, тем самым давая понять, что читающего человека отвлекать нельзя. Любка кивала головой, присаживалась на лавку, но усидеть долго не могла, начинала крутить головой и ёрзать на одном месте, но было и так видно, что сегодня она никуда не торопится, отец на работе и домой вернётся не скоро.

— Всё, на сегодня хватит, — прерывала бабушка. — Прямую речь надо читать

с выражением, так, будто ты находишься рядом и разговариваешь, как со мной, громко или тихо доносишь до слушателя смысл всего происходящего. А теперь можешь идти по своим делам.

Зная, что Любка стесняется петь при мне, я захлопнул надоевшую «Бабушку» и, прихватив с собой «Хинельские походы», вышел на крыльцо. Но и оттуда было слышно всё, что происходило в доме.

— Любаша, сегодня мы поговорим про акапельное пение. А потом порепетируем, — привычным учительским голосом вела занятие бабушка. — Название а капелла пришло к нам из Италии. С тех пор а капелла называют любое вокальное исполнение без инструментального сопровождения. По своей сути, это церковное пение, хвала Богу человеческим голосом, без всяких баянов и гармошек.

Я уже догадывался, что эти занятия, которые она устраивала нам, заполняют её одиночество, то привычное ежедневное застолье и разговоры большой семьи закончились для неё внезапно и навсегда. Она не знала, куда деть себя, когда все разъехались, даже не разъехались, а разбежались. Всё, что она накопила и несла в себе, стало вдруг ненужным. А тут подъехал я, и ещё подвернулась под руку Любка!

Особенно баба Мотя любила вспоминать, как её отец встречал возвращающегося из Японии наследника престола цесаревича Николая и как она ещё маленькой девочкой пела в церковном хоре, а потом случилось главное: она повстречала Мишу, а через несколько дней её сосватали, и священник в кимильтейской церкви надел ей на палец золотое кольцо.

— А спустя три года я проводила Мишу на войну, — вздыхала бабушка. — На руках у меня уже были двое: Надя и твой будущий отец — Коленька. Слава богу, что Миша вернулся с войны, хоть и был несколько раз ранен. Ты на него не сердчай, он же был контуженный в Галиции, едва жив остался, больше месяца провалялся в лазаретах. Жили мы в Кимильтее большой семьёй. В других семьях тоже было немало детей, но такой семьи, как у нас, не было... А потом в Петербурге началась революция, а за нею голод и смута. Здесь у дороги всё и происходило, шли каппелевцы, потом пленные чехи по-подлому арестовали адмирала Колчака и выдали его красным. Недавно я слышала, что им в аренду на много лет отдали Байкал. Поверь моему слову, всё вычерпают — и поминай как звали. Они возвращались в свою Чехию через Владивосток, из Иркутска увезли много купеческих девок, для виду сыграв с ними свадьбы. А потом, когда отъехали за Байкал, начали их ссаживать. И поплелись, потащились на перекладных горемычные обратно. Всё тащили, что можно и что нельзя! Когда они зашли в наше село, у дяди Алексея хотели коня забрать. Тот воспротивился, силушкой его Бог не обидел. Они навалились на него скопом, повалили на землю, избили до полусмерти и бросили в колодец. Слава богу, после вытащили его соседи. Даже песня такая была:

*На нас напали злые чехи,
Село родное подожгли...*

— Твой дед прав, чужое брать не надо, — помолчав немного, продолжила она. — Этот объектив был нашим кормильцем и поильцем. Был такой случай. Однажды осенью Михаил возвращался в Куйтун. Было уже темновато. И вдруг из-за кустов выстрел, и вслед за ним выскочили какие-то люди. В руках обрезы. Выкинули отца из кошёвки, и возчика лицом в землю. Вытряхнули всё, а там картошка, яйца, мешок пшена... Из мешка достали дорожный фотоаппарат, которым он снимал.

— Деньги есть? — спрашивают.

— Всё что есть — перед вами, — ответил Миша.

— Чё с ними делать будем? — говорит один.

— Да чё, в расход их. Нам свидетели не нужны.

— Мужики, побойтесь Бога! У меня семья, дети, — стал уговаривать Миша.

И тут паренёк, который вёз отца, вскочил и бросился бежать. Разбойники спустили на него собаку. А у Михаила за пазухой был револьвер. Он его во время таких поездок по сёлам брал на всякий случай. Времена были непростые, по отдалённым деревням и заимкам не только волки попадались. Михаил выхватил револьвер и буквально на лету стрелил собаку и тут же навёл оружие на грабителей, приказав им бросить ружья на землю. Те остолбенели. Отпустил твой дед бандюков, не стал брать грех на душу.

— Баба, а где этот револьвер сейчас? — заинтересовался я.

— А это тебе зачем?

— Интересно посмотреть.

— Придёт твоё время, ещё насмотришься, — был ответ бабушки.

Во время Отечественной войны дед по возрасту на фронт не попал, его назначили заведующим железнодорожным клубом. В этой связи ему (дед это всегда особо подчёркивал), как командному составу железнодорожных войск, полагалась двубортная тёмно-синего сукна шинель, меховая шапка, тёмно-синяя шерстяная гимнастёрка, шаровары и сапоги. Но это было ещё не всё, для постоянной носки он получал серую хлопчатобумажную гимнастёрку и такие же шаровары, чёрный кожаный ремень, галстук и всю сопутствующую атрибутику. Для особых праздничных мероприятий дед заказал себе белый китель, который он хранил в дальнем углу шкафа. Яков Иванович Ямщиков тоже имел право на форму, но, поскольку он был всего лишь старшим бригадным, то обходился обыкновенной спецовкой с оранжевым жилетом. Перечитывая и просматривая устав железнодорожных войск, дед иногда напоминал соседу, что при встрече с начальством Яков Иванович должен вынуть левую руку из кармана и отдать честь. При этом, если есть папироса во рту, то её необходимо вынуть. Ямщиков криво усмехался: «Ваше благородие, мне за это не платят! Мы уж как-нибудь обойдёмся». Но дед старался держать свою линию, говорил: «раз положено, надо исполнять», и при каждой встрече с соседом подчёркнуто подносил ладонь к виску. Бабушка только посмеивалась и иногда спрашивала, отдал ли сегодня ему честь Яков Иванович.

— Да он был в сиську пьян, не только меня, он и свою Устинью вряд ли мог разглядеть, — махал рукой дед.

И чтоб поставить всё на своё место, тут же пускался в рассуждения, задавал бабушке один и тот же вопрос:

— Вот скажи, зачем царь Пётр ввёл Табель о рангах? Что у него, других дел не было? — И, не давая бабушке раскрыть рта, поднимал вверх указательный палец: — Минуту внимания! Благодаря Табелю люди по службе продвигались за счёт своих знаний и умений, а не по милости происхождения. Солдат мог стать офицером, обычный горожанин — высокопоставленным чиновником. Всё зависело от умений. Чтоб люди знали, какое место они занимают в жизни. Вот я иногда про себя думаю, что такое человек и в чём его полезность? Есть предприимчивые, есть никчемные, встречаются и те, кто с удовольствием доводит себя до свинства. Хотя сравнение это неверно. Свинья алкоголь не переносит. Это чистое существо. Да мало ли тех, которые жили и живут зря.

— Но Господь создал человека и сказал: живите и размножайтесь. Но сделал так, чтобы они сами добывали себе пищу, и всё, что может понадобиться для жизни, — отвечала бабушка. — И не стал нас распределять по всяким рангам.

— Наш сосед в Бога не верует, но его заповеди перевыполняет, — засмеялся дед. — Даже меня обскакал. Настрогал целую кучу. А дальше что? Их вырастить надо, дать образование. Здесь одним рыбьим жиром не спасёшься. У нас в Сибири почти каждая семья, каждый сибиряк, как Робинзон, живёт наедине с дикой природой. И не только выживает, но и строит новую жизнь.

— Так уж и с дикой? — смеялась бабушка.

— Да у нас есть на что посмотреть: тайга, воздух, приволье, зверьё разное. Живи да радуйся.

— У каждого своё представление о бытии, — философски заметила бабушка. — Здоров — и уже хорошо!

— Вот здесь я, мать, с тобой соглашусь. Одному и кино посмотреть в радость, другим же... Человек ненасытен. В малом он знает, чем утешится душа, а вот верхнего предела для него нет. Посмотришь, и чего людям надо? Друг друга съедают и этим сыты бывают. О таких, как наш сосед, царь Пётр говорил: «Морские есть отродье хамское, до вина и баб охочи, а посему повелеваю: аглицкого сукна давать в меру, а будучи в иноземном порту на берег их не пущать, ибо напившись, слова доброго не скажут, а драку учинят незамедлительно. Но жалованье платить исправно, ибо дело своё знают!»

— Ты, Миша, не прав. Господь видит все наши прегрешения и каждому воздаёт по делам его. Вот что писал любимый тобой Робинзон в своём дневнике на необитаемом острове.

Бабушка нашла очки, порылась в библиотеке, отыскала книгу Даниеля Дефо «Робинзон Крузо», где на титульном листе значилось, что это полный перевод лондонского издателя Ступина 1916 года. Бабуля раскрыла книгу, нашла подчёркнутый красным карандашом абзац:

«Робинзон однажды раскрыл Библию и прочёл: «Я никогда тебя не оставлю и не покину тебя». — Я сразу понял, что слова эти обращены ко мне — иначе зачем бы попались они мне на глаза именно в тот момент, когда я оплакивал свое положение — положение человека, забытого Богом и людьми? А раз так, — сказал я себе, — раз Господь не покинет меня, то стоит ли горевать — пусть даже весь мир покинет меня? С другой стороны, если бы даже весь мир был у ног моих, но я лишился бы поддержки и благословения Господня — не очевидно ли, что вторая потеря была бы во сто крат страшнее?» — писал в своем дневнике Робинзон.

— Ты лучше найди, что написал Дефо о возвращении Робинзона в Англию из кругосветного путешествия через Сибирь, — сказал дед Михаил. — Ты прочитай, что он там несёт! Сибирь — это холодная пустыня, в которой живут дикари. Это про нас с тобой он написал!

Эту книгу из бабушкиной библиотеки я уже успел прочитать буквально за вечер, обратил внимание, что книгу внимательно читали до меня, поскольку некоторые абзацы были подчёркнуты. Особенно те, которые касались размышлений писателя о смысле жизни и о Боге. Красным карандашом, видимо, это сделал дед Михаил, были выделены откровения путешественника о том, как он наменял в Тобольске кучу мехов на мускатные орехи и гвоздику и продал свой товар на месте, а остальное в Архангельске, и продал с гораздо большей выгодой, чем мог бы продать в Лондоне или Гамбурге. Не только подчеркнул, но ещё и на полях сделал

приписку: «Англичане как были торгашами триста лет назад, так ими и остались! Для них мы — варвары! Нас, как и туземцев, можно только обдирать, обманывать и презирать».

На другой день после вечернего разговора бабушки с дедом я вновь открыл металлическую защёлку «Библии» и попытался, как и Робинзон, прочитать её. Первая глава называлась «Бытие». «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля была безлика и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет! И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один». Так я мигом одолел все семь дней сотворения мира, и как появился Адам, и как из его ребра Бог создал Еву, и даже начал было читать про змея искушителя и представил, что это наш барабинский бандюган Витька Потапихин, которого почему-то называли «Королём», он заставлял меня лазить и рвать морковку из чужих огородов...

После случая с объективом деду пришла в голову мысль научить меня фотоделу, то есть тому, чему его когда-то научил командир кавалерийского полка, который был расквартирован в Кимильтее. Смысл жизни, а дед это хорошо усвоил, состоял в том: чему научился сам, — и чтоб это дело не пропало, — научи другого. Поскольку на его плечах лежали поездки в дальние сёла района, где шла битва за урожай, трактористам и механизаторам нужно было привозить из города новые, только что вышедшие фильмы, чтобы и колхозники шагали в ногу со временем. Кроме того, он вёл в клубе кружок фотодела, в который привёл меня, и сунул под нос уже не тот «Фотокор», а новенький «Зенит». Увидев, что я всё схватываю на лету, он решил обучить меня ещё работе на передвижной киноустановке и, протянув бумагу и карандаш, начал объяснять, куда вставлять киноленту, и что происходит внутри кинощика, когда включаешь его в розетку. Я быстро записывал, что в кинопроекторе существует поперечно направляющий ролик, продольно направляющий и прижимной ролики, криволинейный фильмовый канал, есть фонограмма относительно гладкого барабана, затем зубчатый барабан, который протягивает 16-миллиметровую киноленту через фильтровый канал на 24 кадра в секунду.

А ещё мне врезалось в память, что на вал установлен мальтийский крест, который обеспечивает равномерную подачу плёнки. После обзорной лекции дед подвёл меня к кинопередвижке, показал, куда надо вставить плёнку, и, посчитав дело сделанным, попросил, чтобы я загружал в его персональный «Москвич-400» отобранные для показа киноленты. Дед одним из первых в Куйтуне купил машину «Москвич-400», которую из Иркутска перегнал ему мой отец. Разъезжая по деревням и тракторным бригадам, он загружал её зелёными жестяными коробками с кинолентами, которые сравнивал с идеологическими боеприпасами. Свою кинопередвижку он почему-то ласково называл «Катюшей», и первой командой, которую он отдавал своим добровольным помощникам, у него было: «Заряжай ленту!» После очередного просмотра дед перематывал киноленту, аккуратно укладывал её в обклеенную изнутри бархатом металлическую коробку и вёз в очередное село. В этих коробках ждали встреч со зрителями «Максим Перепелица», «Кубанские казаки» и «Дело было в Пенькове». Любимым кинорежиссёром для деда был казачий есаул Александр Ханжонков, с его фильмами «Оборона Севастополя» в Крымскую войну, где он успел снять оставшихся в живых последних солдат империи, и «Ермак — покоритель Сибири», о них дед мог говорить часами. Нередко

вспоминал он Дзигу Вертова и его фильм «Человек с киноаппаратом», и, конечно же, в домашних разговорах не раз мелькала фамилия Ивана Пырьева, который снял «Богатую невесту» и «Кубанских казаков». Дед вспоминал и его жену, Мари-ну Ладынину, с которой дед встречался, когда ездил лечиться в Кисловодск.

— А сегодня мы поедем показывать «Непутёвого» — так он называл «Солдата Ивана Бровкина». Фото- и кинодело было для деда смыслом жизни. Мне запомнились не только его разносы, но и то, что он был лёгок на подъём и, присмотрев во мне быстрого и, как говорила мама, лёгкого на ногу помощника, стал брать меня в свои поездки с кинопередвижкой по сёлам, тем более, что с появлением у него личной машины делать это было проще. Ранним утром, после завтрака, он заходил в гараж, запускал свой помятый драндулет со звучным названием «Москвич», и по ухабистой улице мы, переваливаясь с боку на бок, катили к клубу. По пути дед то и дело бибикал встречным, а перед некоторыми, в знак особого почтения, приподнимал с головы форменную железнодорожную фуражку и нажимал на сигнал. Подъехав к клубу, он говорил мне, какие загрузить коробки с кинолентами, и далее, в очередной раз посигналив работающим на путях рабочим, разбрызгивая лужи по расхристанным и разбитым лесным, степным и таёжным, похожим на канавы дорогам, мы отправлялись в путь. А там на месте, настроив аппаратуру, уже я, а не Генка Дрокин, выполнял его команду: «Заряжай!»

Во время очередной поездки я однажды спросил его, а не страшно ли ему было во время той, империалистической войны. Дед долго ехал молча, затем, усмехнувшись, ответил: «Я не знаю ни одного, кто бы не боялся смерти. Убьют меня! На то она и война, там всё может быть. Одно было обидно, что я больше не увижу Мотю, Надю и Колю, и что даст России эта война? Для чего она была и зачем? Но Бог миловал, и до сих пор я топчу нашу грешную землю».

Впервые в дом к Ямщиковым меня позвал Яшка. Ему захотелось показать, как он научился метать нож. Едва я прикрыл за собой ворота (во дворе должен быть порядок), меня глухо обляял Цезарь. Увидев, что он не на цепи, я приостановился и опасливо глянул на лохматого пса.

— Да ты не бзди, он у нас не кусучий! — приободрил меня Яшка. — У него все зубы сносились. Цезарь, а ну пошёл в будку!

И всё же, проскакивая мимо пса, я подумал: «Это какое же надо было иметь воображение, чтобы назвать пса таким именем! И как это они ещё его не съели?»

На крыльце для порядка пошаркал ботинками о сухую, оставленную ещё Любкой с вечера тряпку, и зашёл в дом. Был он большим и длинным, меня поразило всё, на что падал глаз: вдоль стен стояли сколоченные из досок, чем-то напоминающие плацкартный вагон, двухъярусные лежаки, и ещё в нос ударил запах общественной бани, от которого, как мне казалось, было невозможно избавиться. Вообще-то, свои запахи имеет каждый дом и каждая семья. Но ещё, кроме бани, в доме Ямщиковых из всех щелей пахло рыбьим жиром. От Дрокина я знал, что Яков Иванович таскает с работы рыбий жир, приходящий на станцию в бутылках, для выделки кож, а тётка Устинья жарит на нём картошку. «Поэтому они все такие крепкие, — делал вывод Дрокин. — Говорят, жир хорошо помогает от рахита. Недаром нам в школе рекомендовали пить его каждый день по ложке. Я его с тех пор терпеть ненавижу!»

«А не мешало бы», — рассудил я, глядя на его сутулую спину и круглый отвисший живот.

Но кроме запахов, меня ждал ещё один сюрприз: «Робя, посмотрите, к нам Любкин жених пришёл!» «Вот тебе на, без меня меня женили!» — и это стало последней мыслью, поскольку далее подумать или что-то сказать мне не дали. После смелого и неожиданного утверждения, что с этой минуты я являюсь женихом, мне показалось, что я вместо дома попал в перевёрнутый улей. Всё пришло в движение, начало кричать, пищать, смеяться, мне, как родственнику, ямщиковская ребятня начала совать свои рисунки, некоторые стали тыкать в живот деревянными пистолетами, кто-то начал жаловаться, показывать рожицы, и я на своей шкуре убедился, что закон физики о броуновском движении был не выдумкой какого-то там учёного!

У соседей не было тишины дедовского дома, которая время от времени нарушалась бабушкиными воспоминаниями да Любкиным голосом.

— Сеструхи нет дома, они с мамкой ушли на станцию, — сообщил Яшка, — понесли отцу обед, а Любка ещё в магазин собралась. А то бы она начала ругаться. Говорит, я этим ножом всю дверь испортил.

Я пожал плечами. А то, что нового я увидел в доме Ямщиковых, такое было и у нас на Рёлке. Сегодня, когда без приглашения вряд ли попадёшь в дом своего соседа, — как иногда говорят с какой-то обречённостью и горьким смехом, — развела нас жизнь по квартиркам, уединились мы по своим кухонькам и, оглядываясь в своё прошлое, начинаешь понимать, что жили мы в мире, где двери почти всегда были распахнуты. Хорошо это или плохо? Жили так, потому что нечего было делить и скрывать. К нам постоянно кто-то приходил, то к отцу с просьбами запаять чайник, собрать поломанную гитару, настроить баян, то к маме — поговорить, попросить совета; рассудительная, открытая и отзывчивая, она притягивала к себе людей. Заходили без всякого предупреждения, рассаживались, разговаривали про то да сё и, излив свои беды и проблемы, уходили. Мне иногда казалось, что, проехав, как в автобусе, вместе с моими родителями несколько остановок, они выходили и исчезали навсегда. Чаще всего, особенно по праздникам, наезжала многочисленная папина и мамина родня. Оставаясь ночевать, гости спали прямо на полу, так что, пробираясь к помойному ведру, некуда было поставить ногу. В такие наезды больше всего доставалось, конечно же, маме. Утром надо было затопить печь, всех усадить за стол, напоить, накормить, а ещё и гостинцев дать в дорогу, а то потом люди могут и осудить. «Да у тебя и своих огольцов полон дом, чем их кормить будешь?» — качали головой соседи. «Простота хуже воровства», — говорила жившая напротив мамина подружка Паша Роднина. «Ничего, живы будем — не помрём! — смеялась мама. — Бог милостив, как-нибудь проживём».

И жили ведь, жили сколоченные нуждой, общими бедами и заботами, держались под боком у города деревенской общиной. Если чего не хватало, шли к соседям: за солью, спичками, иногда за мукой, бывало, до ближайшей зарплаты шли перехватить пятёрку или десятку, потом, конечно же, возвращали, а после, как бы оправдываясь, мама подшучивала над собой: «Чё поделашь, седня густо, а завтра пусто».

— Здесь Любкина комната, — показал Яшка, приоткрыв занавеску в отгороженную заборкой комнатку. — К ней можно только по специальному разрешению.

У Любки была отдельная, тщательно заправленная кровать, тумбочка, на полке школьные учебники, маленький столик, на стене календарь с приклеенным на него портретом Майи Кристалинской, а на подоконнике в вазочке стояла герань...

Яшка достал из-под стола бутылку «Московской».

- Может по маленькой. Будешь? — спросил он.
— Да ты что, очумел! — присвистнул я.
— Да это у отца запас. Я это так, для формы, — признался Яшка.

*В стакане водка, в стакане водка.
Настала наша очередь на зону уходить.
А в чистом поле, а в чистом поле —
Свобода воля, свобода воля!
За всё приходится платить...*

— У тебя неплохо получается, — похвалил я. — А песню про крейсер «Варяг» знаешь?

— «Наверх вы, товарищи, все по местам...» — пропел Яшка. — Хорошая песня, но матросом я не стану, буду охранником или спасателем.

— Мы тоже скоро пойдём в армию! Будем солдатами, — тут же откликнулся кто-то из меньших. Судя по деревянным наганам и саблям в руках, ребята в артисты не стремились.

— А вы чего, пехота, лезете со своими разговорами к взрослым! — прикрикнул Яшка. — А ну марш на улицу!

Я глянул на ребятишек, действительно, пехота! На всех была даже не одежда, а однообразная, похожая на спецовку, застиранная униформа. Бабушка говорила, что для своих ребятишек Устинья заказывала одежду оптом. И ничего не выбрасывалось, а носилось до дыр, на которые накладывались и пришивались заплатки, а позже, почти изношенная, одежда передавалась как эстафета следующему по возрасту.

Меня поразили даже не двухъярусные кровати, разбросанные и перевёрнутые табуретки, и даже не длинный артельный стол, а то, что на стене рядом с умывальником висел листок, на котором крупными печатными буквами было написано: «Соблюдение чистоты и опрятности есть святая обязанность для всякого культурного человека: а) менять белье еженедельно, не менее одного раза; б) ноги содержать в чистоте и по возможности чаще обмывать холодной водой, особенно в жаркую погоду, ногти своевременно стричь; в) на руках ногти должны быть острижены и чисты; г) иметь годные для употребления носовые платки или салфетки; д) плевать на пол где бы то ни было воспрещается, утром и вечером чистить зубы порошком или полоскать рот водой». А ещё не ругаться, не кричать и не мешать другим!» Внизу под перечнем советов и требований стояла подпись: *Любовь Ямщикова.*

А ещё я отметил, что в доме Ямщиковых, кроме затрёпанных и заношенных школьных учебников, почти не было книг. Редких по тем временам холодильника и стиральной машины в нашем доме тоже не было, а вот книги водились. Когда я научился читать, то стал читать всё, что попадало на глаза: учебники по истории и литературе, по ним учились старшие сёстры, из них я узнавал про крестовые походы и Куликовскую битву, разглядывал картинки египетских настенных мозаик, атаку македонской фаланги и поразившую меня картину, на которой скакал на коне раненный копьем Спартак, а ещё привлёк моё внимание мраморный Лаокоон и его сыновья, которые, изнемогая, боролись со змеем. Тот книжный мир, в который я погружался, существовал как бы сам по себе, и после того, как я закрывал книгу, он ещё некоторое время был со мною, провожал меня до лежанки, которая была устроена рядом с печкой на жёстком деревянном ящике. Не желая вот так

сразу расставаться с ним, я укладывал его рядом, примеряя себя к той жизни, где, следуя воле рассказчика, приходилось держать ту или иную сторону. А утром в комнату сквозь замёрзшие заледенелые стёкла заглядывало утреннее солнце, и потрескиванием поленьев в печке о себе напоминал мир реальный — начиналось движение моих сестёр, которые собирались в школу на кухне, там, где был умывальник, начинала хлопнуть вода, затем привычные и быстрые советы мамы, что надеть, что не забыть, и что нужно сделать, когда они вернутся со школы.

На своей улице мы обменивались книгами, на какое-то время давали почитать, а потом мне в голову пришла мысль сделать свою уличную библиотеку. У моего друга, Олега Оводнева, в сарае сделали полки и начали потихоньку собирать книги. Выяснилось, что большая часть книг была со склада толевой фабрики, куда в больших мешках свозили списанные книги из областных и городских библиотек. Проникнуть на склад было непросто: нужно сделать подкоп под высокий забор, проползти через заросли крапивы, а далее — мимо сложенных стопками рулонов рубероида и толи; прошмыгнуть или проползти до склада, затем через собачью дыру перелезть вовнутрь, вспороть мешки с книгами, и, если повезёт, то можно было наткнуться на потрепанные, но все ещё пригодные для чтения книги.

Но пометать нож нам не довелось, хлопнула дверь, и на пороге появилась Любка, удивлённо глянула на меня, затем быстро оглядела перевёрнутые табуретки.

— О, да у нас гости! Я иду и думаю, чего это у нас сегодня тихо? Сейчас чай пить будем. Я на станции сушек взяла, — и тут же последовала жёсткая команда: — А ну быстро всё поставить на место! Устроили тут побоище!

— Да вы тут сами разбирайтесь, а я пойду, — решил ретироваться я. — Меня баба Мотя ждёт.

— Что, опять картошку подкапывать? — съехидничала Любка.

— Почти угадала. Надо дров наколоть и баню затопить. Дед вечером решил попариться.

— А мы завтра собрались по ягоды. Если хочешь, можешь пойти с нами, — предложила Любка.

— За какой ягодой? За брусникой рано, да и черника ещё зелёная.

— Мы пойдём за пёстрой, она уже поспела.

Про пёструю ягоду я ничего не слышал, но переспрашивать не стал.

— Во сколько?

— В восемь часов.

— А не рано?

— Боишься проспать? Если что, мы тебя разбудим. Бабушка-то тебя отпустит?

Я удивлённо посмотрел на неё. За кого она меня принимает? Я уже давно ни у кого не отпрашивался.

— Далеко идти?

— Часа полтора ходу.

— Вы все пойдёте? — поинтересовался я.

— Попробуй кого оставь! Рёву на всю станцию будет, — покачала головой Любка.

— Может, зонтик или дождевик взять? — спросил я. — Вдруг будет дождь? Вчера весь день накрапывал.

— Зонтик? — Любка рассмеялась. — Да кто же с зонтиком по ягоды ходит! Завтра будет хорошая погода.

— Ты что, прогноз слушала?

— Прогноз? У нас здесь свой прогноз, вернее, приметы. Вечером стадо коров домой возвращалось, впереди шла красная. Да и лягушки громко квакали. Это всегда к хорошей погоде.

— Откуда ты это знаешь?

— А мне баба Мотя рассказывала. Ты почаще к нам приезжай, всё сам будешь знать.

— Всё знать нельзя.

— Всё — нельзя, а вот то, что уже было, можно.

— А что будет, можно предсказать?

— Я туда не заглядывала. Меня это пугает. Я больше всего боюсь за них, — Любка кивнула на своих братьев. — Бегают на железку, петарды под колёса подкладывают, проволоку плющат, ножи в двери бросают. Того и гляди кого-нибудь убьют. Тогда мне — конец! Весной Толян в колодец сорвался. Мы его обыскались, потом Яшка услышал писк. Еле-еле оттуда его достали. Думали, заболел. Ничего, обошлось. Мы его горячим молоком отпоили. За всеми глаз да глаз нужен. С ними, как на горячей плите.

— А если пойдёт дождь, мы Боженьку попросим, — подал голос тот самый Толян.

*Дождик, дождик, перестань,
Мы поедem в Арестань.
Богу молиться, кресту поклониться.
Есть у Бога сирота,
Открывала ворота,
Ключиком, замочком,
Шёлковым платочком.*

— Кто же вас этому научил? — мне стало интересно.

— Кто, кто? Любка!

Вернувшись от Ямщиковых, я сказал бабе Моте, что собираюсь с соседями по ягоды, какая-то пёстрая, я про такую и не слышал.

— Так это по землянику. Её ещё поленикой называют. Она растёт на старых заброшенных полях по склонам и на лесных опушках, — объяснила бабушка. — Ты сходи, нарви луку, огурцов, надо будет что-то поесть. А ещё возьми хлеб, термос с чаем. — И, подумав немного, попросила меня слазить в подполье и достать банку с крыжовниковым вареньем. Затем она достала из домашней аптечки одеколон и капли валерианы. — Это от мошки и комаров. Не намажешься, закусуют, заедят! Раньше и я, бывало, ходила за ягодой. Хорошее было время, молодыми были, спина не ломилась, голова не кружилась. Поелику была здорова, знамо весела. Весь день в работе, а вечером под гармошку ещё хватало сил петь и плясать. Это только в молодости бывают реки, полные вина. Сейчас деньги нужны разве что только на лекарства.

— А почему бы тебе, баба, не поехать в город к врачам?

— К врачам? — по широкому лицу бабушки пробежала тень. — Говорят, есть врачи от Бога, а есть упаси Бог! Врачи лечат, а Господь исцеляет. Вот я молюсь и прошу его о милости.

Я знал, что трое её детей, Анна, Василий и Илья, были врачами. Анна даже была главным врачом в Завале. Почему же они не могли помочь своей матери быть крепкой и здоровой?

Как-то об этом зашёл разговор в нашем доме между отцом и матерью. Отец пытался чего-то возразить, а мама сказала, как отрубил: «Твоя мать осталась без детей. Разъехались и оставили доживать, вот и весь сказ».

— Врач, лечи больного, а не болезнь. *Medice, cura aegrotum, sed non morbum.*

— А ты, баба, что, по-английски говоришь? — удивился я.

— По-латыни, внучок, по-латыни, — улыбнулась бабушка. — Нас хорошо учили. С тех пор все своё ношу с собой.

Голос у бабы Моти тихий, как ручеёк. Глаза далёкие, смотрят не на тебя, а в себя, где всё это сохранилось. А за стенкой, как бы подлаживаясь под её голос и напоминая, что время-то не стоит, а, как и всё в мире, проходит, напоминали стоящие в дедовской комнате часы, и я, послушав мелодичный звон, начинал размышлять: кто же старше, часы или бабушка? По всему выходило, что бабушка, потому что только раз она открывала у часов дверцу и, чтобы они не остановились, ключом подкручивала пружину.

Слушая её, я представил бабу Мотю, как она стоит с указкой в нашем классе. Всю свою жизнь она мечтала стать учительницей, но так ею и не стала.

Когда утром я вошёл к Ямщиковым во двор, они сидели на крыльце как нахопившиеся воробьи. Все в кепках, готовые по первой же команде старшей сестры тронуться в дорогу. Собрать ягоду я решил в трёхлитровый бидон, и очень удивился, что Ямщиковы взяли с собой корзины и вёдра.

— Вы чё, лопатой её собрались грести? — удивился я.

— Посмотрим, — неопределённо сказал Яшка. — Заморозков весной не было, ягода хорошо цвела. Думаю, что наберём.

Любка мельком оглядела одежду и, увидев, что я надел дедовские резиновые сапоги, покачала головой.

— Они тяжёлые, сопреешь в них и чего доброго собьёшь ноги. Лучше пойти в том, в чём ходишь всегда. А вот на голову что-то нужно надеть. День будет жарким, побереги голову, она тебе ещё пригодится.

Пришлось вернуться и сделать так, как посоветовала Любка.

— Мы по рынку, ты его видел возле станции, смотрим, есть ли нынче ягода и грибы, — стал рассказывать Яшка, когда мы, миновав огороды, начали спускаться в глубокую зелёную лощину. — Люди не сидят, ездят на мотоциклах и проверяют. Вчера пёструю уже продавали.

— Смотрите, какая вокруг тишина, ни один листочек не шелохнётся, как я и говорила, день обещает быть жарким.

И тут же, словно подтверждая её слова, за нашими спинами раздался гудок тепловоза, и, набирая ход, загромыхали на стыках колёса. Я обратил внимание, что Яшка, хоть и был выше ростом и гораздо сильнее Любки, но вся шагающая по дороге ямщиковская ребятня, в том числе и Яшка, подлаживали свой шаг под шаг сестры, тем самым как бы признавая, что она задаёт ход. Хотя ребяташки то и дело сбивались с ноги, что-то пытались рассказать, но меня поразило то, что никаких жалоб или препирательств я не услышал, по дороге шло сплочённое отделение со своим признанным, как говорил Яшка, комендантом. Оторвавшись от макушек сосен, утреннее солнце потихоньку стало набирать силу, начало припекать, и настроение нашей ягодной команды начало меняться.

— Сколько нам ещё идти? — не выдержал Толян.

— Ещё столько же, сколько прошли. И потом ещё полстолька, — был ответ Яшки.

— Может, присядем на минутку?

— Я тебе присяду! — пригрозил брату Яшка. — Держись, пехота!

— Терпи, казак, атаманом будешь! — приободрила младшего Любка.

Через некоторое время тропинка, по которой мы шли, начала подниматься в гору, и вскоре мы забрались на крутой, заросший травой косогор.

— Ну вот, кажется, мы на месте, — выдохнула Любка. — Немного передохнём, попьём водички — и за дело.

Я осмотрелся: где же она разглядела ягоду? Вокруг сплошная трава, далее вся в грязи и лывах лесовозная дорога!

— Да ты раздвинь траву, она у тебя под ногами, — поймав мой растерянный взгляд, засмеялась Любка. — А пёстрой её называют, потому что она как бы маскируется среди травы. Ты, наверное, думал, нам её здесь вёдрами поставили.

Действительно, ягоды оказалось много. Я смотрел, с какой ловкостью, сопя, работает ямщикова орда, не забывая при этом часть ягод отправлять себе в рот. Свой бидон я набрал быстро и, поддавшись общему артельному настроению, снял с себя майку и стал собирать в неё. Обнюхав измазанные спелой ягодой пальцы, я подумал, что они пахнут мёдом, и все мы похожи на пчёл, которые перелетают от цветка к цветку, от ягодки к ягодке. Где-то над нашими спинами в небесной выси висело тёплое солнце, оно тоже делало свою невидимую часть работы, и ладило её не только для себя, но и для всего видимого и невидимого мира, а он был рядом и напоминал о себе стрекочущими кузнечиками, мошкой, прошивающими воздух слепнями. И я мысленно благодарил бабушку, что она позаботилась и дала мне одеколон. Иногда я ловил Любкин взгляд. Она собирала ягоды двумя руками, а это, я уже знал, могут позволить себе те, кто часто занимается такой непростой работой, и при этом она успевала видеть всё и всех сразу. Где-то к обеду решили передохнуть и перекусить. Любка достала буханку хлеба, толстый пучок зелёного лука, огурцы. Я тоже достал приготовленный бабой Мотей завтрак, там, кроме хлеба и банки с вареньем, оказались сваренные яйца и сгущёнка. Но больше всего ямщиковых поразил бабушкин термос.

— Китайский, — со знанием дела заметил Яшка. — У нас такой есть, но колба лопнула. Стекло, оно бьётся. Твоего чая на всех не хватит. А ну, робя, соберите-ка хворосту! — приказал Яшка. — Будем пить лесной чай со смородиновым листом.

— И со сгущёнкой, — добавил я.

— И с вареньем, — подсказал Толян.

— И с вареньем, — подытожил я.

Яшка освободил свой трёхлитровый рабочий котелок, сходил к ручью, принёс воду и горсть фиолетовых луковиц.

— Это корни саранки, — сказал Яшка.

— Сейчас мы её запечём, — решила Любка. — Ты, наверное, никогда и не пробовал?

— Да у нас на Барабе этого добра хоть пруд пруди. Пойдёшь на базарчик, там всё можно купить. Нам даже иногда бананы и апельсины привозят. Только за ними большая очередь.

Ожидая, пока вскипит в котелке вода, я начал рассказывать о Робинзоне Крузо, как он оказался один на острове и как из нескольких зёрен научился выращивать хлеб, как спас Пятницу и победил людоедов.

— А что, есть люди, которые едят человечину? — поразился Толян.

И я, не зная, что ответить мальчишке, запнулся и замолчал. В голове мель-

кнула фраза деда Михаила, что мы поедаем друг друга и этим сыты бываем. Но как объяснить ему, что это написано в книге, а Толян спрашивал не про книгу, он хотел знать, можно ли вообще съесть человека?

— В книге говорится, что бывали случаи, когда некоторые народы убивали своих врагов и съедали их, чтобы показать своё превосходство, — пришла мне на помощь Любка.

— Но это были уже не враги, а пленные, — уточнил Толян, — а с пленными так нельзя.

— Да что там пленные! — вмешался Яшка. — Отец рассказывал, что опытные зеки, планируя побег, брали с собой неопытного, как они называли, «ходячую тушёнку», и съедали его по дороге. Но тебя бы не взяли, ты худой.

Все Ямщиковы начали рассматривать Толяна и хохотать:

— Наш Толян — суповой набор!

— Вот погодите, я вырасту и стану лётчиком или офицером, — обиделся Толян. — И все мне будут отдавать честь, как деду Михаилу.

— Думаю, так и будет. Осталось немножко подождать, — примирительно добавила Любка. — Только надо хорошо учиться и читать книжки.

Я догадывался, Любка читала про Робинзона, но помалкивала, ей хотелось, чтобы её братья узнали историю мореплавателя от меня. И я тут же начал рассказывать про таинственный остров Жюль Верна, и как они добывали огонь при помощи увеличительного стекла от очков.

После обеда я предполагал, что Любка даст себе и ребятам отдохнуть или хотя бы сделает короткий перекур, но она вновь, повязав на голове платок, как о давно решённом заявила:

— Молодцы, ребятки, хорошо начали, надо так же хорошо закончить. Погода шепчет, только разворачивайся.

И вся ребятня, как мураши, подхватив свои котелки и корзинки, вновь расползлась по кособогу. Для кого-то забава, а для них привычная работа. Недаром есть поговорка, день год кормит. Обратная дорога показалась мне гораздо короче, даже несмотря на то, что мы шли, нагруженные ягодой.

— Своя ноша не тянет, — улыбнулся Яшка, помогая нести корзинки, как он выражался, мелким братьям.

И я вдруг почувствовал, что вся эта соседская ребятня совсем уже не чужая, как будто мы уже давно знакомы и уже не впервой вместе ходим по ягоды.

Ямщиковская артель за один заход нагрела несколько вёдер земляники, и на другой день тётка Устинья стояла на базарчике у станции и продавала ягоду в бумажных пакетиках. Брали охотно. Она, зная расписание поездов, прежде всего рассчитывала на проезжающих пассажиров. После сама хвасталась, что ягода пошла влёт.

— К школе куплю ребятам обновку, — говорила она, и в этом была похожа на мою маму. Мы тоже с отцом ездили по ягоды, и мама относилась продавать их к магазину.

Баба Мотя удивилась, когда я принёс полный бидон, да ещё нагрел ягоду в майку, высыпала землянику на стол, прикинув на глазок, что я набрал больше ведра.

— Ты весь в Колю, — отщипывая и складывая в отдельную чашку зелёные хвостики, начала нахваливать меня. — Твой отец был старшим и кормил нас, когда были непростые времена. Уйдёт в тайгу, весной несёт черемшу, летом — ягоды, осе-

ню — орехи, зимой ставил силки и приносил иногда по несколько зайцев. В двенадцати километрах от Кимильтея Михаил с Алексеем построили заимку. Та наша жизнь была как на необитаемом острове, только твой Робинзон был один, а мы жили большой семьёй. Работа с утра до ночи. Но были молоды, здоровы, казалось, седня всё сделаем, завтра будет полегше. Ну и дети, они скучать не давали, то надо, другое, только разворачивайся. Это Господь создал жизнь за семь дней, отделил свет от тьмы, сказал, что в жизни будет всё: хорошее и плохое, горькое и сладкое, маленькое и большое, трудное и лёгкое. Главное же для человека уметь терпеть: боль, холод, голод, жару и не терять веры. На заимке, когда твой отец подрос, он стал за старшего. Всякое бывало. Ели всё, что можно есть, всё шло в ход, например, ту же луковицу лилии, её здесь саранкой называют.

Я тут же вспомнил вкус запечённой саранки, которой меня угощала Любка. Чем-то она мне напомнила пареную репу.

Помогая бабушке общипывать ягоду, я слушал её и думал, что вот этими же руками когда-то она пеленала отца, кормила с ложечки, перед тем как усадить перед фотоаппаратом, наряжала его. Потом, когда подрос, он уже приносил домой всё, чем была богата сибирская тайга. А я, уткнувшись в книгу про Робинзона, совсем не замечаю того, кто находится со мною рядом. И тут поймал себя на том, что думаю о соседской Любке, которой начихать на переживания какого-то там мореплавателя. Вот я скоро уеду — и всё останется так, как и было здесь раньше.

Мои размышления прервал стук в дверь, я встрепенулся, ожидая, что пришла Любка, но ошибся, на пороге стояла её мать, тётка Устинья.

— Ба, да кто к нам в гости пожаловал! — воскликнула бабушка. — Да ты чё так, соседка, вырядилась! В кино что ль собралась? Платье у тебя баское. Из кримплена поди?

— Из него, открыла шкаф, висит себе не надёвано. Так до смерти и провисит. Что мне, в гроб его с собой одевать? Я ж к вам, Матрёна Даниловна, по делу. Ребят скоро в школу отправлять, а тутока у меня в швейной машинке шпулька сломалась. Заела. А Хлестунов Колька, мастер наш, в больницу попал. Увезли в город. Ты мне на день не одолжишь свою?

— Я давно не пользовалась, её смазать бы надо, — подумав немного, ответила бабушка. — Она мне славно послужила, теперь стоит без надобности. Конечно, возьми! У меня где-то и машинное масло сохранилось.

— Вот и хорошо, вот и ладно, — помягчевшим голосом запела Устинья. — А я вам травы принесла, от давления хорошо помогает. Вы, гляжу, ягоду начали перебирать. Я счас к вам Любку пошлю, она поможет. У неё руки быстрые.

— Да мы и сами справимся. Не ожидала я, что мой внучок столько нагребёт. Весь в своего отца. Да ты присаживайся, чего стоишь? В ногах правды нет!

— Да мне ужин готовить надо, — начала было искать причину для отказа Устинья. — Скоро Яков Иванович должен подойти. Опять ругаться будет.

В своём неношеном, как она говорила, платье тётка Устинья в белых кожаных туфлях на невысоком каблуке стояла крепкая и ладная, волосы гладко зачёсаны и собраны на затылке. Глядя на неё, и впрямь можно было сказать, что пришла как на праздник, ну точь-в-точь Любка, только подобрешшая, как бывало говорили на станции, всё женское было при ней.

— Поругается и перестанет. Не в первый раз, — махнула рукой бабушка. — Присаживайся, сейчас я самовар поставлю, чай пить будем.

— Раньше белобокую ягоду не брали, — присаживаясь за стол, сказала Усти-

ня. — Как огурцы поспеют, так и черница поспеет. А бруснику тока осенью брали, щас рано берут. Сахара тогда не было, но она сентябрьская не портилась, поскольку спелая, наполненная своим соком была. Держали её в кадках, в чумовьях, из бересты сделанных. По восемь, десять вёдер засыпали на зиму. Придётся со школы, нагребёшь в совок — и с чаем. Вкуснота. Девки, когда на танцульки собирались, бывало, брусничным соком вместо румяны щёки мазали. А седня чё, дерут белобокою, сейчас ись такую ягоду зубы ломит. На своём соку она должна быть. Черёмуху сушили, мололи. Борщевик — это лакомство. Берёзовый сок, сахарные почки, сосновый сок, затем полевой лук. Его заготавливали мешками. Медведь, тот после берлоги, то же самое ест, а ешо муравьев, малину с кустов обсасывает, саранку ест.

— Саранка хорошо помогала при зубной боли, и внешне похожа на чеснок, — сказала бабушка. — Саранку можно есть сырую и варёную. Мы её собирали, когда запахивали поле. Идём и собираем. Ещё заваривали и ели свежую листовенничную хвою, крапиву, корни лопуха, черемшу, заготавливали и солили папоротник орлик. Из берёзового сока вытапливали густой и сладкий сироп. Заливали его в противень и ставили на плиту, вода выпаривалась, а сладость оставалась. Её сливали в четверти, были такие большие стеклянные бутылки, в них мы ещё молоко сливали. Даже бражку ставили из берёзового сока. Черемшу, щавель, папоротник промывали и засаливали.

— А у нас на Ангаре рыбалка была знатная, — вспомнила Устинья, — битком называлась. О такой здесь и не слыхали! Мужики знали, что рыба стоит в уловах на глубине. Собирались там на лодках, самолёвы в воду бросали. Куда бросали самолёвы, потом в то же место начинали камни бросать. Пугали ими, осётры уходили от них врассыпную и попадали на самолёвы. Крупные попадались, иногда до десяти килограммов тянули. Бока у них жёлта-жёлта. Мужики, они её хряп-хряп багром по голове. Она успокоится. А мы их на кукан — и в воду. Хотелось иметь большую и икрную. Животы у стерлядки назывались подчёрёвки. Самая вкуснятина, жирная, мягкая. — Шмыгнув носом, Устинья, сглотнув, облизнула свои полные губы. — Когда случался богатый урожай на кедровый орех, мы из этих отсеянных и отвеянных и очищенных от скорлупы зерен делали масло и молоко. Били их в ступях и сыпали в деревянные тазы. Заливали водой — и на мороз, получалось мороженое. Вкуснятина! А на Рождество ходили и славили. Заходишь в дом и поёшь: «Рождество Твое, Христе Боже наш, воссияй миру свет разума. Господи, слава Тебе!» — Тётка Устинья перекрестилась на висевшие в углу иконы. — А ещё пели:

*Не дашь яичко, подохнет овечка,
Не дашь кока, вылезит око.
Не дадите пирога,
Мы корову за рога...*

А на Пасху в банях мужики намоются, оденутся, берут ружья, и начинается стрельба! По всей деревне так извещали: «Христос воскрес!» Были в ходу молитвы и заговоры. Нонче о них поди уж и позабыли. Например, така была:

*На Божью икону
Сам помолюсь,
Сам на небо вознесусь.
Кто эту молитву знает,*

*До трёх раз на дню прочитает,
Тот на воде и на земле не погибнет.
Ангел мой, хранитель мой,
Сохрани меня, сбереги меня.*

— А ну-ка, внучок, сбегай в огород, нарви лучку и огурчиков, — повернувшись ко мне, неожиданно попросила бабушка. — Я сейчас на стол накрою.

Когда я вернулся с огорода, на столе пыхтел самовар, был нарезан хлеб, стояли красивые фарфоровые чашечки, которые баба Мотя доставала по особым случаям. И графинчик лечебной, как говорила баба, тёмной, золотистой наливочки. Судя по рюмашкам, они уже сняли пробу, и тётка Устинья, пристукивая по столу ладонью, напевала что-то похожее на песню: «Красная армия, чёрный барон, снова готовят нам царский трон», но в её исполнении я услышал совсем другие слова:

*Красная рубашка,
Синие штаны.
Справа летят утки,
Слева селезни.*

«Что начинаете с утра, то не закончите к вечеру», — иногда говорила моя мама. Чего только я не узнал из разговоров и воспоминаний о детстве тётки Устиньи и моей бабушки! Сколько парней ухаживало за ними, какие танцы они плясали и пели песни!

— Ночь видная-видная. Идёшь домой, ног под собой не чуя. Парни свои пиджаки нам на плечи накидывали, идут следом, подшучивают: «Бычок, круглый бочок. Сани не носит. Хошь не свой — поезжай, не стой». У нас в деревне поверий и примет много было, — с раскрасневшимся лицом рассказывала Устинья. — Если заходишь в новый, только построенный дом, кошку вперёд. Иль ласточка меж вымя пролетела, корова кровью доиться будет. Надо досточку с сучком найти и подоить через дырку от сучка. Крови в молоке не будет.

— Устинья! Где тебя черти носят? — донёсся голос Якова Ивановича. — Как только кот из дома, так мыши в пляс.

— Во, лёгок на помине, — засмеялась Устинья. — Ничё, дома Любка, она знает чё ему подасть. Мы, Матрена Даниловна, с Алёшкой, с первым моим хорошо жили. Он в войну разведчиком был, и у нас в деревне всегда стоял за правду. Если кто задерётся, он идёт разнимать. Как-то наши разодрались с приезжими — плотогонами. Начали кулаками махать. Он двух на землю положил, и тутока его ткнули ножом сзади. На войне не убили, а здесь — така беда! Я знаю, кто это сделал. А он отперся, его потом куда-то спрятали. Драка та из-за меня пошла, так все считали. Хвостом вроде бы я вертела. А где и перед ком вертеть, Любка у меня вскорости родилась. Мне сказали теперича — житья тебе не будет. Меня чуть ли не ведьмой считать начали. Молода была, ума не было. Какому улыбнешься, а не подумаешь, что он посчитал, я ему вроде бы даю знать, что понравился. Вот и пошло гулять, что я мужикам головы кручу и соль рассыпаю, углы крещу, воск выливаю, гадаю на сожженной бумаге. Ведьма! Чё придумали, мне всех жалко! Не трогайте меня. Чё делать — не знаю. Письмо от подруги пришло. Из Куйтуна. Приезжай, грит, посмотришь. Место тебе найдем. Завернула я Любку в одеяло, добралась до Братска, села в поезд и приехала в Куйтун. И здесь, надо же так, прямо из вагона попала на глаза путевому обходчику. Тогда-то Яша не ругался, да и счас только выпимши. Но мы ладим. Кому како дело до нас, у каждого своя жись. — Устинья

смахнула набежавшую слезу с гладкой щеки: — Давай, баба Мотя, напоследок споём твою песню, уж больно она мне приглянулась. — И, подняв рюмку, притопывая ногой, запела:

*Старец Амвросий,
Мы тебя спросим:
Как нам дальше жить,
Как детей растить?*

Бабушка тут же подтянула:

*Старец Амвросий
Отвечал на вопросы:
Жить не тужить,
Никого не осуждать,
Никому не досаждать.
И всем моё почтение...*

— Дружочек! Там за шкафом в ящичке швейная машина. Подсоби Устинье, она тяжелая, — закончив песню, попросила меня баба Мотя. — Мне её после окончания училища, как лучшей ученице, подарили. До сих пор шьёт, даже кожу. Только её смазывать надо.

Машинка была в деревянном футляре. Желая показать, что для меня поднять её сущие пустяки, я схватил футляр за ручку, машинка оказалась увесистой, но, не показывая виду, что мне тяжело, потащил её к двери. И на крыльце лицом к лицу столкнулся с Любкой.

— Мамка у вас? — спросила она. — Папка ругается.

— Да они там поют и вспоминают, какими они были в молодости.

— Он ей сейчас покажет! — усмехнувшись сказала Любка. Сказала жестко, и мне даже показалось, с какой-то безнадежностью в голосе, точно зная наперед всё, что произойдет с ней и со всей ямщиковской оравой, для которой она стала второй матерью.

И я уже по-другому глянул на неё, в голове мелькнуло: оказывается отцом-то у Любки был настоящий фронтовик, да не простой, а разведчик, про которых я читал у Михаила Наумова в «Хенельских походах», а не матерщинник Ямщиков, который, как говорил мне Генка, чуть не утопил какой-то баркас, и которому по словам того же Дрокина, кого-то обругать, как два пальца обо...ть!

— Это я, Люба, вам, — неожиданно для себя я назвал её коротко и доверительно, не так, как прежде, и, запнувшись, кивнул на футляр, — бабушка попросила. Твоя мама шить собралась. Сказала, в вашей машинке шпулька сломалась.

Конечно же, она мгновенно оценила, что отныне для меня она не Любка, а Люба, и, глянув на меня своими серыми глазами, весело рассмеялась.

— Это не она, а я шить собралась. Она же тяжелая, давай я тебе помогу. Вдвоём легче.

— Не-е. Я донесу!

А потом мы все вместе поехали на её первый в жизни концерт в родное село деда Михаила — Кимильтей. Там случился какой-то праздник, деду позвонил глава сельской администрации, сказал, что они своими силами готовят вечер и концерт, и попросил привезти для молодёжи какой-нибудь хороший фильм. Дед думал недолго, всем тогда хотелось посмотреть «Великолепную семёрку».

Был хороший, тёплый, солнечный день. Дед взял меня, бабу Мотю и Любку. Больше всего обрадовалась этой поездке баба Мотя, сказав, что она не была в Кимильгее тыщу лет, и начала перебирать, кто из её бывших подружек ещё жив. Затем решила, что лучшего повода для дебюта трудно придумать, и попросила, чтобы Любка перед показом кинофильма со сцены спела несколько песен. А дальше начались нешуточные приготовления: во что одеться, куда надо обязательно пойти, ну, конечно же, к родителям на кладбище, какие гостинцы и подарки надо приготовить. Любка загоревала, ей было стыдно идти в одёванном платье. Она выпросила у матери кусок светло-голубого ситца и показала его бабушке. Та полезла в комод, отыскала белую кружевную ленту, приложила её к материи, достала выкройку, что-то прикинула прямо на Любке, пометила мелом и тут же на столе раскроила. И та умчалась к себе шить обнову. Когда она уже при полном параде зашла к нам, я, конечно, был поражён, поглядев на неё: в новом только что сшитом голубом сарафане она действительно, как сказал дед, выглядела богатой невестой.

— Правда понравилось? Нет, ты не увиливай и не молчи, а говори правду, — всё ещё не верящим голосом спрашивала она и смотрела то на меня, то на бабушку. Ей хотелось немедленного подтверждения. Да, платье было удачно скроено и хорошо сшито, но ещё удачнее была скроена она сама! И я вдруг подумал, что она гораздо старше меня, может, на целую эпоху. А я-то всё ещё пребываю на таинственном острове и играю в Робинзона. Честно говоря, такого перевоплощения от неё я не ожидал, она это почувствовала, и мне показалось, что Любка задрала нос и даже изменила походку. Но, видимо, это ещё не всё. Накануне дед решил провести у себя в доме генеральную репетицию, и даже достал спрятанную в чулане балалайку.

— Под этот инструмент я маршировал по улице, когда с учений возвращался кавалерийский полк, — гордо сообщил он. — Командир полка показывал мне место впереди оркестра, и когда проходили мимо церкви, оркестр замолкал, давая мне несколько секунд для сольного исполнения.

— И что же ты играл? — заинтересовалась бабушка.

— Марш Преображенского полка, но чаще всего «Врагу не сдаётся наш гордый "Варяг"»...

Я смотрел на деда и неожиданно для себя увидел другого человека, в глазах, как отблески далёкого пожара, замелькали огоньки. Он выпрямил спину, расправил на груди гимнастёрку, и показалось, что сейчас он пойдёт вокруг обеденного стола торжественным шагом.

— Ну, что вы там выбрали? Я готов! — отчеканил он, поглядывая на бабушку.

— Раз готов, то для поднятия настроения сыграй нам «Подгорную».

На другой день, после обеда, я загрузил коробки с «Великолепной семёркой» в дедовский «Москвич», и мы с нарядной Любкой сели на заднее сиденье, а баба Мотя устроилась рядом с дедом. Дед был чисто выбрит, от него за версту несло «Шипром». Для такого дела он даже взял на всякий случай свой праздничный белый китель, который баба Мотя укрывала в тряпичный чехол. Побибикав высыпающей с Ямщиковского двора детворе, мы тронулись в дальний путь. Но в действительности он оказался не таким уж и дальним. Через час, свернув влево с основной, идущей в город дороги, мы уже через деревянный мост въезжали в Кимильтей. Село было разбросано по берегам небольшой речушки Кимильтейки. Миновав мост, мы проехали на пыльную, кой-где присыпанную речной галькой

площадь, сбоку и чуть в глубине которой за сваренным из арматуры металлическим забором особняком возвышался каменный, с заложенными кирпичом с остатками былой фигурной лепнины полукруглыми окнами, крытый серой жостью сельский клуб. Неподалеку от которого, точно они тоже были приглашены на просмотр фильма, свободно прогуливались коровы. Посигналив им, и тем самым как бы давая знать, чтобы они уступили дорогу машине, дед Михаил подъехал к парадному входу, на крыльце которого, ожидая киносеанса, толпились принаряженные селяне, и вновь посигналил.

— Вон там, справа от клуба была пересыльная тюрьма, — просветил нас дед, заглушая двигатель «Москвича». — А чуть дальше дом Сутыриных. Моя сестра Мария вышла за Дмитрия Сутырина, а потом они переехали в Иркутск на Барабу. А здесь, в этом клубе, раньше был храм Святого Николы, в нём меня крестил Василий Казанцев, а твоего отца — Мичурин. Нет, не тот, не садовод, а наш местный батюшка.

Машину тут же окружили бродячие собаки, первым делом, когда дед ступил на землю, они обнюхали намазанные дегтем его сапоги, затем, присев на свои затрепаные с репейником хвосты, умными глазами с особым любопытством стали разглядывать приехавших гостей.

— А я в нём при благочинном Симеоне Телятьеве пела на клиросе, — поглядывая на сидящих собак, сказала бабушка. — У него была пышная седая борода, и он сам иногда пел с нами.

Я с удивлением оглядывал площадь, невозмутимо жующих коров, заросшие крапивой и полынью заборы, стоящие рядом с клубом тёмные высокие лиственницы, на секунду представив, что они помнили не только моего отца, но и мою маленькую бабушку, которая тогда ещё не знала, как сложится её судьба, что будет с этой церковью, да что там с церковью, со всей страной. На секунду представил, какими же глазами смотрит она сейчас на это августовское выцветшее небо, на серые бревенчатые дома, на пыльную площадь, должно быть, в этот миг она видела свое далекое детство, смех и говор её деревенских подружек, с которыми потом пела в церковном хоре. Проезжая по улице, она хотела отыскать то место, где когда-то стоял их дом, но кто-то из местных подсказал, что дом совсем недавно снесли.

Зал в кимильтеевском клубе был полон, многие из стариков подходили к деду, расспрашивали о житье-бытье, и, глядя на стоящую рядом с бабушкой нарядную Любку, интересовались, кем она ей приходится. Узнав, что перед началом киносеанса она будет выступать с песнями, доставали из карманов маленькие костяные гребешки и расчесывали свои густые бороды. Оказавшись в центре всеобщего внимания, Любка краснела, то и дело, как бы ища защиту, поглядывала на бабу Мотю.

— Чего пристали, сами всё услышите, — не без удовольствия говорила бабушка. — Когда-то и я пела в этом зале. А сегодня придется держать экзамен ей.

После Любкиного выступления, где она под аплодисменты спела три песни, бабушка, выйдя из клуба, расцеловала Любку, затем остановилась посреди площади и, глядя на четвертованный, оставленный без куполов и превращенный в клуб бывший Свято-Никольский храм, перекрестилась, и тихо, как когда-то на клиросе, пропела:

*Во царствии Твоем помяни нас, Господи,
егда приидеши во Царствии Твоем.
Блажени нищии духом, яко тех есть Царство Небесное.
Блажени плачущии, яко тии утешатся.
Блажени кротции, яко тии наследят землю.
Блажени алчущии и жаждущии правды, яко тии насытятся.
Блажени милостивии, яко тии помиловани будут.
Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят.
Блажени миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся.
Блажени изгнани правды ради,
Блаженны вы, егда поносят вас и рекут всяк зол глагол...
яко тех есть Царство Небесное.*

Много позже «Фотокор», с памятным для меня объективом, в очередной мой приезд в Кимильтей мне покажут в музее села и поведают, что вся многочисленная семья деда после революции спасалась от голода, когда дед ездил по району и делал фотографии за картошку и хлеб. Разглядывая музейный экспонат, я пытался разглядеть то, что давно оставил, самого себя прежнего, вспомнить, что думалось тогда, чего ожидал и чем наполнялась моя тогдашняя жизнь. Предо мной из туманной дали наплыла жизнь тех, кто жил задолго до меня, как бы подсказывая и напоминая, что и на мне жизнь не заканчивается, а будет продолжена в новом виде и облиции, так было, так есть и так должно быть всегда. И, как бы подтверждая это, со стороны восстановленного Свято-Никольского храма громко, во всю ширь летнего неба, торжественно и звонко переговаривались и, давая знать о вечности бытия, выводили свой праздничный Благовест колокола, соединяя в моей душе невидимой нитью прошлое и настоящее.

Приехав домой, бабушка сняла с себя праздничную кофту и, прочитав на ночь молитву, окликнула меня. Я уже начал было укладываться на ночь, но спустился вниз и, почёсывая затылок, остановился у порога.

— Вот что, внучок, я надумала: у Любви скоро день рождения. Ты ей сделай подарок. Она расспрашивала меня про Надежду Плевицкую, Лидию Русланову и Антониду Сметанкину. У нас там в чулане где-то валяется коробка со старыми пластинками.

— Так я послезавтра уезжаю!

— Ничего, перед самым отъездом и подаришь. Я тебе их найду.

— А на чём она их будет слушать?

— На патефоне, — немного подумав, ответила бабушка. — У нас, если мне память не изменяет, их там два. Один подарили мне, а другой — деду, ещё перед войной. Всё одно пропадут или утащат. А Любе в самый раз. Только ты деду не говори.

— Я их видел, — сознался я. — Генка недавно показывал мне пластинку с Надеждой Плевицкой «Замело тебя снегом, Россия!» Говорит, такой во всём Иркутске не найдёшь.

— Правильно сказал, она ещё пела «Ухарь-купец». Вот у кого голос был! Сейчас таких нет.

— Там ещё есть пластинки с Маей Кристалинской, песня из фильма «Жажда».

— «Два берега!» — вспомнила бабушка. — Ты уже, пострел, и там побывал? Плевицкую не трогай! У деда она любимая. А Кристалинскую можешь взять, её

сейчас часто по радио передают. Любке скажешь, патефон от меня, а пластинки от тебя.

Довольный тем, что всё так хорошо разрешилось, я сходил в кладовку, достал старый патефон, протёр его от пыли. «Апрелевский завод 1935 года выпуска» было написано на привёрнутой к деревянному корпусу шурупами металлической пластине.

Подарки я попытался вручить Любке перед своим отъездом в её день рождения. Она в очередной раз забежала к нам, о чём-то поговорила с бабушкой, а потом я пошёл её провожать. Но поскольку такие подарки я раньше не делал и не знал, как это вообще делается, спустился с крыльца и сунул ей патефон:

— Это тебе от бабы Моти! Будешь учиться, как правильно надо ставить голос. А это, — протянул ей запечатанные в бумажные конверты пластинки, — ну, ты сама знаешь от кого.

— Ой! Да чего это вы придумали? Я не возьму! — отвернув от меня вспыхнувшее лицо, Любка даже сделала шаг назад: — Нет! — почти выкрикнула она.

— Да ты чё, бабушку обидеть хочешь?!

— Да никого я обижать не собираюсь. Ещё чего придумал. Мне никогда и никто не дарил.

— Ещё подарят. Вон как тебе в Кимильтее хлопали!

Любка вновь отвернула от меня лицо и хотела убежать, но тут внезапно с нависшей над станцией тучи громыхнуло так, что показалось будто сейчас расколется земля. Любка, закрыв голову руками, присела. И следом, прибывая дорожную пыль, с неба стеной, точно сшитый из длинных прозрачных ниток, упал дождь. И тотчас на каком-то своём языке зашумела, заговорила листва на тополях, а следом, размахивая длинными кистями, им ответила стоящая около дома Ямщиковых молодая берёза.

— Любка, мать твою перемать! Опять оставила окна открытыми, — подал голос Ямщиков. — И бельё не сняла! Придёшь, угощу берёзовой кашей!

— Ну вот, всё снова и всё опять, — жалобно улыбнулась Любка и неожиданно толкнула меня под крышу дома, чтоб я не мок под дождём.

— Какая там у тебя примета перед грозой? — спросил я, удивившись столь неожиданной и приятной заботе обо мне.

— Это когда с грохотом открывается крышка патефона и оттуда доносится голос Шаляпина, — на Любкином лице появилось что-то наподобие улыбки. — Уехал с Куйтуна ухарь-купец! Ухарь-купец — удалой молодец!

Услышав из уст Любки про Шаляпина, я напрягся, ну когда она говорила про Цезаря и про идущую вечером впереди стада красную корову — мне было понятно. А здесь, на тебе, мысленно оттолкнувшись от старенького патефона, перепрыгнуть к Шаляпину!

— Может, ещё останешься, до школы целая неделя. Не уезжай, а? — Любка вновь попыталась улыбнуться.

И вдруг совсем рядом я увидел её мокрое лицо, то ли от слёз, то ли от дождя, и глубокие, как ночное небо, глаза.

— Вообще, интересно узнать, что будет завтра, кем ты станешь, куда съездишь, кто будет с тобой рядом? — отвернувшись и не зная что сказать, пробормотал я.

— И кто же с тобой будет рядом? — пытаюсь поймать мой взгляд, спросила Любка.

— Да кто его знает... Бабушка считает, что у каждого человека всё предопределено. Есть мир, который можно потрогать руками, то, что доступно глазу. Но ещё существует мир, который в нас. Баба Мотя говорит, что он, как и семя, брошенное в землю, всходит, растёт, пробивает себе дорогу. А всё остальное — тленно...

— Ты что, можешь говорить или повторять только то, что услышал от других, — неожиданно перебила меня Любка. — Я люблю бабу Мотю. Но она уже давно живёт в прошлом мире. — И, отвернув лицо, вытянув руку, попыталась ладонью поймать падающие дождевики. — Ну вот, как всегда — мимо! — вздохнув сказала она и, не глядя на меня, добавила: — Патефон я не возьму, извини. А вот за пластинки спасибо! Пока.

Прижав к животу бумажные пакетики с пластинками, она выскочила из-под спасительной крыши дедовского дома и, прыгая через потоки воды в своих матерчатых клетчатых тапочках, побежала к своему дому.

* * *

Рейс был обычным — почтовым. Садиться в Олекминске мы не планировали, но пришлось садиться, поскольку конечный в задании на полёт Якутск накрыло туманом, температура воздуха опустилась к отметке в минус шестьдесят градусов, и видимость там стала нулевой. После посадки, едва ступив на снег, я вдруг подумал, что мы по ошибке приземлились не на земной поверхности, а где-то на обледенелом астероиде, неземной холод тисками сдавил со всех сторон, и через минуту-другую лётная меховая куртка стала напоминать легонький плащ. Почему-то мне припомнились описания Робинзона Крузо, когда он возвращался через Сибирь в Англию, описывая вселенский холод, как он говорил, дикого татарского края, не понимал, как люди здесь могут жить и переносят такой адский мороз.

Было уже за полночь, мы пошли переждать непогоду в пилотскую гостиницу. Там нас ждал неприятный сюрприз, как говорится, где тонко, там и рвется, от разлившегося по всей Якутии холода в котельной олекминского аэропорта разорвало трубы. Но эта неприятность оказалась не последней, по закону подлости, вышел из строя ещё и питающий аэропорт генератор. Мне показалось, что в темной гостиничной комнатке ещё холодней, чем на улице, поскольку сложенные ещё со времен перегонки американских самолетов по ленд-лизу кирпичные печи были разобраны и заменены на централизованное отопление горячей водой. При свете карманных фонариков, решив вскипятить чай, мы обнаружили, что в коридорчике гостиницы мороз разорвал и питьевой бачок. Не зная куда идти и что делать дальше, мы присели на холодные кровати. Вскоре пришел бортмеханик и сообщил, что ночная смена технических сил аэропорта в количестве трех человек пытаются запустить аварийный дизель, но он, как назло, не поддается.

Пожалуй, это была одна из самых длинных ночей в моей жизни. Бортмеханик раздобыл где-то листовничные чурки и, когда начал колоть, то они стали разлетаться по снегу, как стеклянные. Собрав их в кучу, мы начали разводиться во дворе костер, второй пилот напихал в чайник наколотые из питьевого бачка кусочки льда и поставил его на тлеющий огонь.

«И это всё, чего я хотел в жизни, — думал я, поглядывая на дымящие и не желающие разгораться, даже когда бортмеханик пытался оживить огонь слитым бензином, дрова. — Мерзнуть в холодных кабинах, питаться всухомятку, заскакивать на минутку в холодные, продуваемые хиусом, похожие на медвежьи па-

сти-ловушки, сколоченные наспех из толстых досок северные сортиры, которые даже собаки обегали стороной».

За годы летной работы я уже привык к таким вот незапланированным, непредвиденным заторам и посадкам. Но, отсидев несколько дней в этих ледяных карантинах и вырвавшись из плена, уже с огромной высоты, я вглядывался в выходящие из тьмы далекие, с подслеповатыми огоньками деревушки на берегах Лены, Вилюя или Алдана, где, как шутили местные, одиннадцать месяцев в году была зима, и пытался понять, что же кроме холода держит людей в этих местах? Про то, что работа наша была не сахар, мы помалкивали, поскольку никто нас не принуждал — свою долю воздушных извозчиков выбрали сами. И даже бывало гордились, мол, нам сибирякам у печки всё — семечки! «Сибиряк это не тот, кто не боится холода, а хорошо и тепло одевается», — любил говорить дед Михаил. А ведь где-то существовала другая жизнь, без гнуса и холода, где люди шили на заказ костюмы и платья, ходили в театры, рестораны, на выставки и концерты, и даже не подозревали, что для нас настольной книгой было «Наставление по производству полётов», а другие привычные глазу книги ушли как бы на второй план. Приходилось лишь вспоминать, как в детстве поздним вечером, когда после маминой молитвы все укладывались спать, я уходил на кухню, садился на стул и, поставив ноги на край тёплой ещё духовки, начинал читать очередную книгу про лётчиков и путешественников и уноситься мечтами в неведомые дали. И вот здесь, в этом холоде, была уже другая, не книжная жизнь. Я вспоминал свои приезды на станцию Куйтун, разговоры с Генкой Дрокиным, как он легко и просто говорил, что мог бы запросто сесть в кабину самолёта и полететь, как Санька Григорьев в фильме «Два капитана», спасти пропавшие полярные экспедиции. И, конечно же, бабу Мотю, которая заставляла меня читать правильные, как она считала, книги, а ещё деда Михаила. Тот, узнав, что я поступил в лётное училище, пошёл провожать меня на станцию, надев по такому случаю свой парадный китель, и всем встречным, поднося руку к козырьку железнодорожной фуражки, с гордостью сообщал, вот, мол, какой у него славный внучок-лётчик, за которым теперь не угнаться даже самому скорому паровозу. А ещё я вспоминал убегающую от меня под дождём Любку...

Говорят, все плохое когда-то заканчивается, на другой день к вечеру метеослужба дала нам амнистию, синоптики сообщили, что расположенный на возвышенности рядом с Якутском аэродром в Магане открылся, и мы, захлопнув за собой обмерзшие двери пилотской, поспешили к самолёту. Прошив винтами на взлёте морозную стынь аэродрома, поднялись в небо. Бортмеханик тут же переключил тепло от двигателей на кабину, и мы, как весенние сосульки, начали оттаивать, ощущая первобытную радость от сухого обволакивающего и размягчающего тепла. Откуда-то сбоку выползла наполненная желтым светом, похожая на дыню луна, и чтобы согреться, почему-то захотелось потрогать её рукой, а ещё лучше повесить куда-нибудь в уголок кабины — пусть себе светит и радуется нас своим холодным теплом. Через лобовое стекло, как шляпка от гвоздя, на нас уставилась Полярная звезда, почему-то напомнившая о стуже оставленного где-то за хвостом самолёта Олекминска. Возвращаться туда даже мысленно не хотелось, при одном упоминании о бессонной ночи меня бросало в дрожь.

— Командир, перейди на резервную частоту! — вдруг напомнила о себе земля. — Там тебе передают песню.

Я переключил связь на частоту сто двадцать один и пять, которую мы обычно

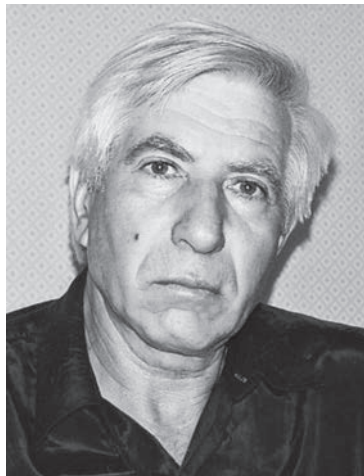
использовали для служебных переговоров, и услышал позывные радиостанции «Маяк». Москва передавала праздничный концерт, посвященный лауреатам премии Ленинского комсомола, которым только что присвоили это звание. Неожиданно среди других назвали фамилию Любви Ямшиковой, которая исполняла песню «За дальней, за околицей»...

*Уехал милый надолго,
Уехал в дальний город он,
Пришла зима холодная,
Мороз залютовал.
И стройная берёзонька
Поникла, оголённая,
Замёрзла речка синяя,
Соловушка пропал...*

Я слушал её чистый и звонкий голос, смотрел на приборную доску, тесная пилотская кабина вдруг раздвинулась, да что там раздвинулась, распахнулась во всю ширину и полноту звездного неба. Где-то внизу наплывала укутанная во всё серое земная твердь, и вместо нудного и однообразного говора самолетных двигателей, мне послышалось в её голосе что-то далёкое и несостоявшееся. Ощутил нарастающие толчки неслышного до поры до времени своего сердца, и мне в этой песне, в музыкальном сопровождении почудился еле слышный, далёкий, теплый перезвон кимильтейских колоколов, и стоящая на сцене в голубом кружевном платье Любка.

ВАСИЛИЙ ЗАБЕЛЛО

Под звездой Богородицы

* * *

Движенье вечное снегов...
Движенье вечное ветров...
Движенье вечное воды...
Движенье вечное звезды...

Душа, покоя не ищи,
В часы невзгоды не ропщи!
Вбирай падение снегов,
Порывы хлесткие ветров,
Потоки шумные воды,
Мерцанье синее звезды,
Но будь же, всё вбирая, ты
Движеньем вечной доброты!

ЗАБЕЛЛО Василий Константинович родился 19 августа 1947 года в пос. Утулик Иркутской области. После окончания школы и службы на Тихоокеанском флоте работал на Байкальском целлюлозно-бумажном комбинате. Первая поэтическая публикация — во флотской газете «Тихоокеанская вахта». В 1979 году удостоился диплома Иркутской областной конференции «Молодость. Творчество. Современность». Стихи публиковал в областных и столичных журналах (Сибирь, Литературная учеба, Студенческий меридиан, Наш современник и др.) Автор книг: Ледостав: стихи (Иркутск, 1984); Семи Грехи: стихи (М., 1988: Приложение к журн. Молодая гвардия); Возвращение: стихи (Иркутск, 1990: Стихи по кругу. Вып. 1); И пройдут высоким строем птичьи стаи надо мной: стихи (Иркутск, 1993); Осенний пал: стихи, рассказы (Иркутск, 2001); Избранное: стихи, рассказы

(Иркутск, 2007); Где родился — там сгодился: стихи, рассказы (Иркутск, 2011); О чем шумят веками кедры...: рассказы, стихи (Иркутск, 2014); Готовься, Русь!...: рассказы, стихи (Иркутск, 2016). Член Союза писателей России с 1994 г. Лауреат премии губернатора Иркутской области и премий имени Святителя Иннокентия Иркутского, имени А. Зверева (журнал «Сибирь»). С 2011 по 2013 г. — работал на посту председателя правления Иркутского отделения Союза писателей России. Живёт в пос. Утулик.

Светлые дни

Альберту Гурулёву

Мы вместе любили с тобою
Осенние светлые дни,
Ленивые волны прибоя,
В селенье таёжном огни.

Там теплилась жизнь человека
Задолго до наших путей.
Тайга нам — и память, и лекарь.
Спасенье от вздорных идей.

Измерит и силы, и дали,
К порогу вернёт и к ветле...

Не всё мы ещё отстрадали
На строгой байкальской земле.

Сегодня морозистый вечер,
И падают листья, крутятся,
У каждого путь есть конечный,
Есть смертная с Родиной связь.

За это в подарок судьбою
Даются нам светлые дни,
Закатные волны прибоя,
В селенье таёжном огни.

Весеннее

С.Б. Китайскому

Вскрылись проточные воды.
Вот и тепла дождалась.
Здравствуй, пора ледохода!
Здравствуй, зовущая жизнь!

Пахнет берёзовой смолкой.
Дни домоседства прошли.
То запоют, то замолкнут
В стане лесном журавли.

Выйду, пойду по-над плёсом,
Там, где пробилась трава.
Стали ясней мои вёсны,
Стала светлей голова.

Вспомню дороги, скитанья,
Вспомню тревожные дни.
Разноголосицей стайной
В сердце стучатся они.

Речка уносит омёты,
Чей-то оттаявший след.
Только всё жду я чего-то
От наступающих лет.

Снова под небом весенним
Верю, хоть громом убей,
В силу святых обновлений
Родины строгой моей.

Музе Анатолия Горбунова

Мой друг живёт в высоком доме,
Где пол-Иркутска, глянь в окно,
Пред ним лежит, как на ладони,
Лучами фар иссечено.

Я залетал к нему по дружбе,
Бездомьем слякотным гоним.
Стихи, рыбалка, лес и ружья —
Суть разговоров наших с ним.

Мы пили чай и водку пили.
Вбивали, крикнув, стопки в стол.
Трясли губами, говорили...
Роняя горькие в рассол.

А после брал мой друг гитару,
О вечном пел на злобу дня...
А за окном кружили фары
То на меня, то от меня.

И виден был небесный мостик,
От звёзд протянутый в лучах.
Сюда являлась Муза в гости
Средь бела дня и по ночам.

Друг воскреслял... Над словом
плакал...

Перебирал священный хлам
Земли родной, ржаного злака...
Делил с ней корку пополам.

И под метели злую ругань,
Когда ветрами путь прошит,
Дарила Муза слёзы другу
Для омовения души.

Воспоминание

Вспомнил я родимую сторонку,
Заводи в тенистых берегах,
Вспомнил ясноглазую девчонку,
Ситцевое платьице в цветах.

Звуки отдалённые баяна...
Тихо волны лижут берега.
И стоит у тополя Светлана,
Смотрит на заречные стога.

Летний вечер быстро угасает.
В тальнике смолкает птичий гам.
Золотые локоны свисают,
Ручейками льются по рукам.

И стою я рядышком безусый,
За спиной всего — семнадцать лет,
С милою девчонкой светло-русой
И с кульком дешёвеньких конфет.

Вечер на родине

Быстро надвинулся вечер осенний.
Холодно, сыро в опавшем лесу.
Еле заметные тощие тени
Метят по краю тропы полосу.

Солнце горит, как совиное око,
Медленно гаснет в брусничном яру.
Слышно с заимки: желна одиноко
Стонет в замшелом тяжелом бору.

Выкатит месяц серебряным слитком,
Тихо, задумчиво станет сиять...
Вот и твоя заскрипела калитка —
Ставни идёшь затворять.

Травы топтал я и снежную крошку,
Чтоб скараулить улыбку твою.
Сколько прождал вечеров у окошка...
Снова, вернувшись, как прежде, стою.

Минули годы. И что с нами стало?
В тёмной, разодранной, милой стране...
Знаю, не выйдешь, но хлопают ставни,
Чувства прекрасные будят во мне.

* * *

А.А.

Не ждала и не гадала,
Проходя полями,
Вдруг внезапно зарыдала
Осень журавлями.

Высоко проходят стаи,
Торопливо машут...
Что слобилось, не оставим,
Будет с нами, нашим.

Постоим, как было время,
У речной излуки

И с печалью сбросим бремя
Временной разлуки.

Птицей боль воспоминаний
Прокричит о лете.
Осень чувства не обманет,
Высотой отметит.

Жизнь пойдет обычным кругом.
Вновь пути сомкнутся...
Не грусти, моя подруга,
Журавли вернутся.

Осенний романс

Отдалённые крики гусей
Да у прясла поникший подсолнух.
И несёт говорливый ручей
Отшумевшие листья черёмух.

Отлетевшие светлые дни,
Грозные байкальские ночи,
Значит, были и правда они,
Если сердце забыться не хочет.

Я за листьями с грустью слежу,
Вспоминая о пройденном годе,
И от прошлого вдаль ухожу
Точно так же, как лето уходит.

Неотвратной прошла полосой
Между нами разлука-дорога...
Вот и осень подкралась лисой,
Неотступно стоит у порога.

Был ухабист, обрывист мой путь,
Отторженьем любви был отмечен...
Всё же ты про меня не забудь
В тот медовый божественный вечер.

А за ней, первопутком дразня,
Зазвенит ярым гоном округа...
Как живётся тебе без меня?
Добрим словом помянем друг друга.

Ильин день

Плач смородины красной
По краям пустырей.
Взор доверчиво-ясный
Из девических дней.

Потускневшее фото...
Травы сочные в рост...
Дикий гул самолёта
Сотрясает погост.

Нежный говор беседки
И зарю твоих кос
Мне напомнили ветки
Надмогильных берёз.

Сколько выцвело вёсен
Без тебя за окном...
Наша лодка без вёсел
Догнивает вверх дном.

* * *

*Светлой памяти
родителей*

Золотые нити сентябрь
Распускает по рощам и долам...
Как давно нет, родная, тебя
И отца, и отцовского дома.

Связан был из кедровых венцов,
С голубыми разводами окон.
Сколько вывел под кровлей птенцов...
Кто куда — разлетелись далёко.

Пели песнь сентября провода.
В чугулке доходила картошка.
И морщинулась в луже звезда
Вечерами под нашим окошком.

Было всё, как у добрых людей:
И ветла, и цветник возле дома,
Коновязь, где ковали коней,
И телятам подстил из соломы.

Не одна тут зима промела...
Нынче гость я залётный и редкий.
Где был дом, там пырей да зола,
В мир иной отошли мои предки.

Только нет, ничего не прошло,
Не исчезло во мраке бесследно.
Помню я и уют, и тепло,
Печку русскую с радостным хлебом.

Пусть не выведу в поле коня,
Нет ветлы, цветника, коновязи...
Всё ушло, но живу ещё я,
И с землёй не потеряны связи.

Моя звезда

С.Н. Есину

В неё поверил я ещё мальчишкой,
Поверил неотступно, навсегда.
Она была прекрасна, даже слишком,
Таинственно мерцавшая звезда.

Она лучилась ярко над овином
По августовским тёплым вечерам.
И веял бриз малиною и тмином,
И тишина царила по дворам.

Всё было необычным в мире этом,
От луговин до чуткой тишины.
И я взмечтал, что стану я поэтом
Полузабытой нашей стороны.

Безбрежной, вечной жизнь тогда казалась,
И сто дорог открыты были мне.
Шоссе, чугунка, суетность вокзалов,
Звезда моя, плывущая в окне.

И был мой путь к неведомым причалам
Сквозь шторм и штиль в неведомом краю.
Тогда звезда над мачтою качалась,
Напоминая родину мою.

И к леерам эсминца, точно к пряслу,
Я приникал на бешеном ветру...
Вот только бы звезда моя не гасла —
Молился я украдкой ввечеру.

И вновь объятья родина открыла.
Был светлым день, и вечер тёплым был.
В меня вливалась трепетная сила,
Я ничего из детства не забыл.

Родных небес бесценнейшим подарком,
Как в детские счастливые года,
Она взошла приветливо и ярко —
Моя неповторимая звезда!

* * *

Душа скучает по родному
По небу тёмно-голубому
С отливом розовым вдали,
Где облака, что корабли
Проходят парусной грядую
И исчезают за чертою...
И всё плывут, туда плывут
Где и меня, возможно, ждут
Отцовский дом, подсолнух, прясло.

Там воздух чист, и небо ясно,
Там лес, и поле, и цветы,
Не обманувшие мечты
Ещё живут, ещё со мною...
И то, что мы зовём судьбою,
В пути-дороги не сложилось,
И, принимая жизнь как милость,
Мне предстоит ещё познать
И скорбь, и Божью благодать.

* * *

Александр Москвитину

Плакали чайки, кричали
Над заливым камышом...
Полный страстей и печали,
Путь я немалый прошёл.

Шум отдалённый прибоя, —
Гальку шлифует волна.
Счастлив я снова с тобою,
Детства шального страна.

Не удивить, не расстроить
И не наплакаться влать.
Только мечталось порою
К родине милой припасть.

Нас разбирали дороги.
Всем ли достало подков?
Уж не увижу я многих
Из коренных земляков.

Как мне пейзаж её дорог.
В хвойно-багульный настой
Вновь забегу на пригорок
И окуную с головой.

Кто пригласит меня к чаю,
В ту ли калитку вошёл...
Плакали чайки, кричали
Над заливым камышом.

* * *

На опушку через гати,
За покосную межу
Каждый вечер на закате
Слушать песни я хожу.

Может, я в такую ж осень
К вам навеки отойду:
Руки в стороны разбросив,
Прямо в листья упаду.

Несмолкающие дали,
Птиц кочующих распев...
От любви к вам умирали,
Налюбоваться не успев.

А листва взметнётся роем
И засыплет с головой...
И пройдут высоким строем
Птичьи стаи надо мной.

Берёзовая святость

Я не пытал судьбы красивой.
Я просто жил, отмеривая вёрсты.
Познал страстей губительную силу,
Познал печаль родимого погоста.

Под куполом небес нетленно-синих
Мной без ответа ничего не взято.
За строгостью крестов, дорог и линий
Я постигал берёзовую святость.

От Радонежья до морей восточных,
Колечками берёсту завивая,

Всё шелестит о жизни непорочной,
Как вестница потерянного рая.

Она струит по всей Руси великой
Вдоль поездов, в пути гремящих глухо.
Она являет подлинные лики
В свечении Божественного духа.

И, грешным сердцем низко припадая,
Молюсь и я под образом светящим:
Храни нас, Богородица святая,
Покуда есть берёзовые чащи.

Под звездой Богородицы

Жить по вере, как исстари водится,
Князь Владимир оставил завет.
Воссияла звезда Богородицы,
Разливая спасительный свет.

Открывает страницу заглавную
Воскрешённый великий народ.
Монастырская Русь православная
Из руин обомшелых встает.

От восточных морей и до западных
Колокольная песня звенит.
И сердца ей навстречу распахнуты,
В небо чистое рвутся, в зенит.

Ты помилуй детей своих, Господи!
В град небесный врата отвори.
По церквям, по полям, над погостами
Бьём поклоны с утра до зари.

Утренняя чистая пороша
Побелила пустынь, монастырь.
Рано ты, сыночек мой хороший,
Приумножил древние кресты.

Про тебя ни слухом и ни духом...
Хоть бы голубь с вестью залетел...
Та земля да будет тебе пухом
И высок молитвенный удел.

14.12.2006

Молитва

Не покидай меня, молитва,
К нетленной радости зови.
Идёт невидимая битва
Во имя Света и Любви.

Не все исполнены обеты
По укрошению страстей.
Не все акафисты пропеты
В тиши молитвенных ночей.

Растленный мир и гнёт, и горбит...
Да минет ада западня.
Через мытарства, через скорби
Веди меня, спасай меня.

Да будет в радость это бремя —
Христу молитвою служить...
О дай, Господь, ещё нам время
Для очищения души.

20.11.2006

* * *

Тёмные воды. Светлое небо.
Золото осени тихо звенит.
Замерли сосны, замерли вербы,
Птицы со свистом уходят в зенит.

Бабьего лета к счастью довесок —
Как-то особенно хочется жить.

Снова кружу я окрайками леса.
Нравится мне так, забывшись, кружить.

И, погружаясь сердцем беспечным
В этот прозрачный хрупкий покой,
Хочется верить, жить будем вечно,
Вечно любить нашу землю с тобой.

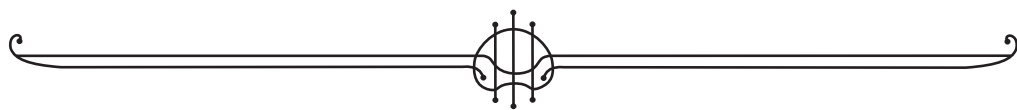
* * *

Невоплощённые мечты
Опять зовут меня в дорогу.
И снова поле и цветы,
И мир широк. И слава Богу.

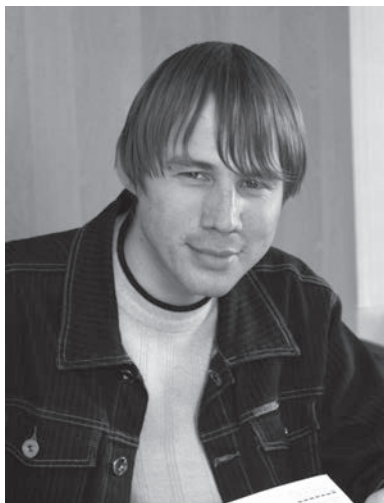
Косяк летящих журавлей
Над горизонтом уходящим,
И в звоне солнечных лучей
Ручей, прохладною звенящий.

Вон лебеда златит откос.
Пылит повозка мне навстречу.
За полем рошица берёз
Шумит себе под небом вечным.

Припасть к нему, скорей припасть!
Питать растроченные силы...
Привет, Божественная власть,
Не оставляй моей России!

ИГОРЬ КОРНИЕНКО

Пластмассовая война

У каждого своя...

РАССКАЗ

«Где мой язык? Он остался там», — первое, что написал сын. Потом: «Оставь меня в покое». И, наконец, я прочтала на смятом блокнотном листе: «Купи два игрушечных ружья, пластмассовые пули — пару коробок, десять гранат для начала».

Спрашивала: как? что? зачем? Читала в ответ: «Чтоб все они передохли» или «Иди в магазин»...

КОРНИЕНКО Игорь Николаевич родился в 1978 г. в Баку, республика Азербайджан. С 1994 года живёт в Ангарске. Работал корреспондентом, ответственным секретарем, заместителем редактора в различных СМИ города. Руководитель молодежной студии ангарского литобъединения «АЛО — Пишите правильно!». Член Союза писателей России с 2019 г. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Октябрь», «Москва», «Сибирские огни», «День и ночь» и др. Автор трех книг прозы. Лауреат ряда литературных премий, в том числе премии им. Виктора Астафьева (2006), им. Игнатия Рождественского (2016). Обладатель национальной премии России «Золотое перо Руси» (2005). Лауреат Всероссийской премии им. В.П. Астафьева в номинации «Проза» (2005-2006). Обладатель специального приза жюри Международного драматургического конкурса «Премьера 2010». Лауреат Шукшинской литературной премии губернатора Алтайского края (2019). Создатель и бессменный координатор литературного проекта «Дебют плюс» (Ангарск). Участник Всероссийского совещания молодых литераторов Союза писателей России, где стал «Лучшим молодым писателем России 2021 года». Живет в Ангарске.

С молчанием сталкивалась всюду, куда ни обращалась — ни военком мне не дал ясного объяснения, что с сыном, ни друг Геннадий, с которым они уехали служить в Чечню... Виталик был два месяца в плену, кто-то говорил «в тюрьме», «попал под обстрел», большинство в ответ хранит молчание. Большинству всегда есть что скрывать, потому как неправо...

Куда только письма не писала — тишина. Никому ничего не надо. Никто ничего не знает.

— Жив-здоров ваш сын — и ладно, этому и радуйтесь, — отвечают.

А почему не говорит?..

— Посттравматическое это у него, от шока, пройдет, — из нашей поселковой больницы лечащий с детства Виталию врач объяснила, — в горячих точках чего только не бывает. Такого насмотрятся. Напереживают. Многие оттуда с синдромом приезжают. Хорошо, не калека и не в психушку...

Успокоила...

Соседский паренек, девятиклассник, оставался с сыном, когда уходила на работу, он и купил Виталику всё, что тот попросил.

— Он написал, что хочет ещё и штык-нож, тетя Галя, — сказал мне Женя, — а лучше специальные наборы.

— Наборы?

— Продаются, — говорит, — сейчас каких только нет, чем дороже, тем лучше, конечно. Навороченнее. Есть и для солдат, и шерифы есть там, в общем, куча. С оптическим прицелом найти можно, с наручниками, с прибором ночного видения, в комплекте форма даже есть...

Всё это удовольствие обошлось мне в четыре тысячи рублей.

Страшно было первые дни после возвращения сына по ночам. Он выл, хрипел, стонал, плакал...

Порой мне казалось, что я различала во всей этой жути слова. В одну из бессонных ночей я разобрала слово «мама». Может, я хотела его услышать? Проревела всю ночь. Виталик не успокоился ни на минуту. А подойди я к нему — рычит, руками и ногами отбрыкивается: «не подходи», «убирайся», «не смотри»... Закрываю лицо руками — и рыдать на кухню или в ванную.

Виталия боится солнечного света, дня, радио и телевизора. Передвигается шажками, держась за стены, только по квартире с занавешенными окнами. Боится сигналов машин и криков со двора.

Купила ему специальные тампоны для ушей — беруши.

Часами может сидеть на своем разобранном диване и смотреть в угол потолка. Последний раз, когда я слышала его смех, видела, как мой сын улыбается, больше двух лет назад, до призыва... До Чечни.

«Почему всегда день?» — написал.

Отвечаю:

— Ну почему, сынок, день? Все, как и раньше.

И ошибаюсь. Не всё как раньше. Давно уже всё по-другому.

«Всё через ж... и кровь. По-звериному. Привыкай, мама, это закон джунглей, пора уже. Не ты — так тебя».

Невозможно читать его записи, он пишет в блокноте, и часто его мысли-фразы чудовищны. Это книга боли, книга жути, черни и унижения:

«Не стой — стреляй!»

«Вы поймите меня, и тогда я выпью ваши глаза, съем ваши языки и вместо

крови пушу в вас ваше же дерьмо. Будете жрать его сполна, и ваши женщины будут смотреть... (неразборчиво)».

«Капитан был неправ, выдержка не самое главное. Выправка тем более. Бронетранспортеры не говорят, они поют — это лебединая песня барана на бойне».

«Боюсь спать и видеть сны. Снова и снова приходят они и говорят, на нерусском говорят, говорят сквозь решетку и солнце, и пыль, сквозь крик и автоматную очередь. Будь проклят дедушка Калашников».

«Утром, при свете, умирать трудней, видел, Паша Таранов, противопехотная мина, грудь как у снегиря. Ночью легче — тьма рядом».

«Под Шали это было, во взводе сбора и эвакуации раненых, слева рванул фугас. Погас. Сереге оторвало обе ноги, лучше бы мне, его пристрелили, меня забрали. Забрали. Забрали. Забрали...» (и так раз тридцать).

Читала его записки, не все, те, что давал или выронил, искала в них ответы на мои вопросы. Что произошло там? Почему вместо слов — хрип и плач? Хочу услышать голос сына. Слышишь, Господи?! Хочу!

Женя попросил ещё денег:

— Виталику нужен бинокль.

— Конечно. А зачем?

— Для Чечни, — шепнул мальчик.

Схватила за сердце:

— Да как же?..

— Виталик написал. Это будет важная операция. Решающая. Во как.

— Но...

— Война войне рознь, тетя Галя.

— Это тоже Виталь?..

— Ага, — кивнул мальчик, — мы его выражения с пацанами во дворе наизусть заучиваем. Смотри врагу в лицо, когда его убиваешь, и увидишь тот свет. Во.

Смотрю, слушаю и словно не здесь, не на кухне, как с другого мира, потустороннего... Смотрю, слушаю, а голубоглазый мальчуган улыбается, и эти невинные ямочки на щеках, этот ангельский взгляд, тонкие, почти девичьи пальчики... Добавляет:

— На этот раз мы победим, точно, обещаем. Всех уничтожим.

И вприпрыжку к двери. Оборачиваюсь. Виталик стоит всё в той же пижамной рубашке и спортивном трико в проеме своей комнаты и что-то быстро записывает в блокнот.

— Сына, не надо босым, — выдавливаю из себя и, чтобы не расплакаться, кашляю в ладонь. Проглатываю слезы. Ему не нравится, никогда не нравилось, когда я перед ним плачу.

Вырвал из блокнота лист, протянул.

«Это будет наша Чечня. У каждого своя. Так надо».

Побоялась возразить. Спрятала лист в карман халата.

— Раз в тысячу лет и палка, сынок, стреляет.

Накарябал снова что-то, показал.

«А уж пластмассовые ружья тем более».

Отстранилась. Испуг скрыть не удалось. Виталик схватил меня за руку и протянул к себе. Смотрел мне в глаза, не моргая. Я сказала:

— Война закончилась, сынок. Ни к чему тебе это. Эта... Эта пластмасса...

Оттолкнул. Сильно оттолкнул.

«Война никогда не закончится, пока будут живы враги».

— У нас нет врагов, Виталик, — взмолилась.

«Они повсюду, главное вовремя разглядеть».

— Что вы хотите делать с этими игрушками, сына? Будете в войнушку играть? В игрушечную Чечню?

Он прыгнул на меня резко, неожиданно, я не успела отреагировать, отойти, Виталий налетел на меня, и мы вместе упали на пол в обнимку.

— Сынок?!

У него будто отказали ноги, он подполз ко мне и закричал в самое ухо, закричал не по-человечески, как раненое животное закричал. Я заплакала и заткнула уши. Он отрывал мои руки и кричал. Кричал... Пока я навзрыд не заплакала и сама не закричала:

— Хватит! Перестань, Виталик! Прекрати! Хватит!

Сын подполз к блокноту, потом подполз к ручке, покрутил их в руках и, издав последний вскрик, больше походивший на вой, швырнул свои «трофеи» в меня. Блокнот попал в грудь, ручка черкнула по щеке.

— Сын...

Как он заполз к себе, не видела, плакала, закрыв лицо, на полу, и не могла подняться. И не хотела.

— Мы сами себе враги, — шептала, — сами себе война. Чечня.

На следующий день:

«Погладь форму».

Погладила.

«Оставь нас с солдатами с часу до трех».

— С какими солдатами, Виталий?

«Исполняй приказ».

— Я тебе не солдат, — прикрикнула и тут же пожалела, — кто-то к тебе придет? Геннадий?..

«Пошел твой Геннадий. Солдаты, говорю же».

Больше ничего не стала спрашивать. Около часа Виталий стал надевать свою форму, неуклюже засовывая ноги в гачи.

— Тебе, может, помочь?

Яростно замотал головой.

Ушла. Вышла из подъезда, наткнулась на Женю и ещё троих ребят со двора.

— Вы к Виталию? — спросила.

Мальчишки переглянулись.

— Это секретная операция, тетя Галя, — ответил Женя, — Виталик не разрешил никому про неё рассказывать.

— А, ну понятно. Только не заиграйтесь. Игры в войну до добра не доведут.

— Мы не собираемся играть, — сказал белобрысый юнец, — мы учимся, как это делать. Воевать.

— Убивать, — поддержал друга лысый и отвернулся, — сейчас ещё пацаны должны подойти.

— Ох уж, и нет чем другим увлечься, взрослые вроде ребята.

— Вот поэтому и учимся, — ответил Женя, — Виталий нас научит, а мы...

— Продолжим, — закончил белобрысый.

— Это уж точно, — лысый.

— Продолжим?..

— Извините, тетя Галя, но Виталий...

— Да, да, понимаю — военная тайна.

— Вот именно, — подал голос всё это время молчавший малец в кепи, — идите, куда шли, а то похожи на шпиона. Того гляди заложите нас кому-нибудь.

Не нашла слов. К «квартету» приближалось ещё человек пять таких же мальчишек, я поспешила уйти. Мне было страшно. Было жутко не по себе, словно столкнулась с чем-то ужасным, ненормальным. Нездоровым...

Письма перестали приходить, когда Виталия перевели через полгода после призыва под Шали, в медицинскую роту санинструктором. Он написал в последнем письме, что уже у него двадцать боевых эвакуаций, что он с поля боя десятых саперов раненых вынес. А потом пропал на два года.

Из госпиталя в Моздоке пришла записка, что сын жив, переводится в госпиталь под Ростовом-на-Дону, оттуда... домой, это было полгода назад.

И началось — молчание. Бесконечное...

Порой казалось, я сама разучилась говорить. Не с кем. Не о чем. Зачем?..

Соседям говорила:

— Виталий был в плену.

Соседи жалели, молчали...

Молча вошла в квартиру. Три часа ходила по магазинам, безразлично разглядывая ценники. Всё дорожало.

Жизнь дорожала.

На полу у двери заметила красновато-коричневый размазанный след, кровь. Сердце кольнуло:

— Виталя, — позвала, — родной.

Заглянула к нему в комнату. Сын сидел на диване в форме с игрушечным «калашниковым» на коленях и смотрел в угол. Костяшки на правой руке были ободраны и кровоточили.

— У тебя кровь.

Ноль реакции.

— Виталий, что здесь произошло? В коридоре кровь... И у тебя... Виталий?..

Подошла, тронула за плечо. Виталий вскочил и направил на меня пластмассовое дуло автомата.

— Сынок?!

В его глазах не было ни капли от человека, от моего сына. Ноздри вздулись. Рот скривил оскал. Жилы на шее напряглись. Его трясло. Струйки пота прочертили штрих-пунктирные линии по щекам.

— Сынок?!

Не верила глазам, хоть и знала, что это игрушка и стреляет шариками из пластмассы, но черное дуло, направленное в живот... И палец сына на курке... Как я не потеряла сознание?.. Я смотрела в глаза сына и, как он, старалась не моргать. Главное не заплакать, твердила про себя, слезы могут убить.

— Сынок?!

Виталий моргнул и опустил автомат.

Ещё немного постояли, глядя друг на друга. Молча.

— Пойдем, перевяжу тебе руку.

Наконец позвонил Николай — отец Виталика. Мы в неофициальном разводе уже почти десять лет. У него другая семья, у меня — сын...

Виталик не захотел жить с отцом, узнав, что он встречается с другой женщиной. Не раз пытался поколотить изменника, я не разрешала. Так и разбежались.

Николай позвонил вечером, около шести, пообещал зайти к семи. Сказала сыну. Виталик написал:

«Пусть приходит, у меня для него патроны найдутся».

— Виталь, — положила руку ему на голову, думала, уберет, нет, — столько лет не виделась... Отец всё-таки... Ну, не сложилось у нас с ним...

«Предателям — расстрел».

— Ну, ради меня. Посидим, чаю попьем...

Он написал: «Водки».

Руку отцу Виталий не пожал.

Вышел к столу в форме и всё с тем же «калашниковым».

— Что, сын, никак с прошлым не расстанешься?

— Коля! — прикрикнула, — говорила же.

— Большой какой стал. Герой, поди.

Сын сел напротив, налил рюмку водки, выпил.

— О, и горючку как научился заглатывать. Вы там, слышал, спирт неразбавленный дуετε, чтобы меньше бояться. Страшно там, в Грозном, или где ты там был?..

— Коля!

Смотрю на Виталика, он снова наполнил рюмку, выпил, занюхал малосольным огурцом.

— В плену, рассказывают, побывал, на фугасе подорвались в очередной вылазке...

Николай налил себе водки.

— За тебя, сынок, чтоб не молчал.

Он не успел выпить, пластмассовый шарик попал прямо между глаз, потеряв равновесие, мужчина опрокинулся вместе со стулом.

— Что эт... бляха...

Виталий встал. Я вскочила:

— Не надо!

Сын направил автомат на отца, и второй шарик попал в лицо Николая. Коля закричал, прикрываясь руками от третьего и четвертого шариков.

Схватила за игрушечное дуло:

— Ты ему глаз выбьешь!

Оттолкнул меня и опять выстрелил в катающегося по полу отца, на этот раз попал в ладонь.

— Убери его от меня! Он убьет меня! Убери! — орал мужчина.

Виталий переключил что-то в игрушке, и теперь автомат ударил по Николаю очередью.

— У-б-е-е-р-р-и-и-и!

Сын стрелял, пока не закончились патроны.

Николай, свернувшись калачиком, мычал на полу.

Я плакала.

Виталий стоя выпил третью рюмку водки, закусил огурцом, перекинул автомат через плечо и победителем вернулся в свою комнату. Мне показалось, я увидела на его лице полуулыбку.

Помогла встать бывшему мужу, отряхнула; под правым глазом расплылся фиолетовый синяк, из носа текла кровь:

— Ему лечиться надо, — шептал Николай, — он псих. Чокнутый.

Молчала.

— Он и тебя так когда-нибудь пристрелит.

— Иди, — сказала, — и больше не возвращайся.

— Они оттуда все такие приходят. У Тоньки моей племянник пришел, вроде нормальный, а потом жену в штору завернул, завязал, от чеченцев спрятал и забыл, ушел пить с друзьями, её только через неделю по запаху нашли, если бы не запах...

— Всё, иди.

Николай сглотнул:

— Ты всё равно береги себя. У него ведь и настоящий может быть.

Женя разбудил, ещё не было и семи утра.

— Виталий приказал, — объяснил.

— Скажи, — спрашиваю, пропуская мальчика, — вот вы позавчера играли...

Он перебил меня:

— Мы не играли — это не игра. Учение.

— Пусть будет учение. Кровь откуда, Женя?

— Первое крещение, — как выплюнул он и показал разбитые кулаки, — Виталий говорит, это только начало. За силой будущее и победа. Я пойду, и так опоздал, а капитан этого не любит.

— Капитан?..

Женя закрыл за собой дверь. Следом за ним пришли ещё четверо незнакомых мне мальчишек. Последним был уже знакомый юнец в кепи. Вздрыгнула, когда его увидела. Ни здравствуйте, ни слова, молча, не разуваясь, он прошагал к закрытой двери комнаты Виталия и постучал условным сигналом: «Тук-тудук-тук-тук».

Дверь приоткрылась.

— И не вздумайте подслушивать, — пробасил мальчик.

Дверь закрылась.

В этот же день в мусорном ведре я нашла чек из магазина.

«Инструмент для пыток — 1500 рублей 00 копеек», — было выбито черным по белому.

Вместе ели редко. Чаще Виталик закрывался с едой в полумраке комнаты. Всегда чего-нибудь не доедал. Оставлял. Как ритуал...

Сегодня уговорила поужинать вместе. Приготовила его любимые голубцы, водочки налила. Надеялась поговорить. Положила под левый локоть новый блокнот с карандашом.

— Хочу спросить тебя, Виталь, что тебе нужно, чтобы я сделала, чтобы ты...

Он отшвырнул блокнот.

— Зачем ты так...

Отодвигает тарелку, выпивает половину графина водки одним залпом, берет со стола пачку салфеток, уходит.

— Поел бы...

В ответ хлопнула выстрелом дверь.

Вот и поговорили.

Перестала видеть сны. Спать перестала. Этой ночью Виталий кричал, метался, стояла возле двери, боясь войти, молча плакала. Он меня предупредил, как-то написав, что если вызову «скорую», он покончит с собой. А во мне уже который день сидела мысль: может, Виталию провериться у психиатра?.. Гнала эту мысль. Всё образуется, верю. Всё наладится.

«Там ноги перепутались с руками. Нашел одно тело и три руки, какая рука

лишняя? Долго гадал до следующей смены. Руку наутро забрали, сказали, у сержанта пропала левая рука. Да, но все три руки были левые».

«Что хуже, трусость или предательство? Убивать или быть убитым? Жить или воевать?»

«Только не трогайте мать! Только не мать! Не мать! Не мать!»

«Грызли землю, на вкус соленая, местами сладкая, местами горькая. Без сапог кровь ближе, набираешь в гильзу и пьешь собственную кровь, вампир».

«Пытка открывает рот, развязывает язык, закрывает глаза и сердце».

«Со мной были ещё несколько привидений. Мы давно умерли, с первым выстрелом. Живые мертвецы».

«Всё равно не сдамся. Сдашься, и тебя не станет».

«Достаем пули из головы, складываем на память, поближе к сердцу, чтоб грели. Наш склад памяти. Наши подарки близким. Мамам».

«Я не говорю по-вашенски. Дайте попить. Не трогайте Саньку! Только не бейте его! Стойте! Всё расскажу! Я скажу!»

«Не вспоминать. Не вспоминать. Не вспоминать» (и так на трех с половиной листах).

«Молчать...» (на десяти листах).

С кем поделиться своим горем? Боль излить кому?.. Страшно. Все чужие. Всем всё безразлично. Ты, твоя жизнь, твои беды и мечты... Эгоизм правит миром. Собственничество. Жестокость и безжалостность. Безразличие. Да здравствует век человека молчащего. Все молчат. А молчание — убийственно. Молчаливая война. Кругом война, Виталик прав. Враги...

На следующую встречу с сыном ребята пришли в солдатской форме. Все десять человек.

— Какие вы нарядные, — пошутила.

— Форма дисциплинирует, если чё, — съязвил тот, что был в кепи, теперь на нем — берет цвета хаки.

— Конечно, — проямлила.

— Мы к капитану.

Обождав минут десять, на цыпочках подкрадываюсь к двери, прислушиваюсь. Тишина.

Мертвая тишина.

Молчат.

Стою, слушаю. Минута, пять... Тихо.

И вдруг незнакомый грубый голос:

— Отложить карандаши. Так, сколько у нас патронов?..

Сердце замерло.

Боже, что же это такое?..

— С оптическим прицелом, — слышу, медленно скользя по стене в сторону спальни, — «лимонок» сколько?..

Узнала, хоть и огрубел голос и изменился, а узнала...

Голос.

— Виталик...

Свет проник сквозь закрытые веки. Открыла глаза. Лежу в своей кровати, укрытая пледом. Приподнялась, в коридоре аккуратно в несколько рядов штук двадцать пар солдатских берцев и сапог.

— Виталий, — позвала, — Вит...

В комнату заглянул Женя:

— Проснулись? Мы нашли вас в коридоре, должно быть вам стало плохо или уснули на ходу, у моей мамки такое было, она с тазиком в руках однажды заснула, шла до ванной и уснула, ну и шлепнулась.

— Я-а, я не помню... Вас там много?

— Это ещё не все, только самые-самые, человек двадцать точно будет.

— И, и что?.. У вас там что-то вроде собрания?..

— Вроде того.

— И Виталик говорит с вами?..

Женя посмотрел на меня как на дуру:

— Говорит.

— Как говорит?..

— Надо только уметь слышать, так он нас учит. Слова часто только мешают.

— Постой, постой...

— Мне нужно возвращаться, тетя Галя, мы там план боевой операции разрабатываем.

— Мой сын может говорить...

Мальчик в форме хмыкнул:

— Мои родители тоже меня давно уже не слышат.

Когда все ушли, постучалась к сыну. Вошла.

— Столько гостей у тебя сегодня было. Я так рада.

Он сидел в одних спортивных брюках, и я увидела, наконец, его спину. Спина была в шрамах, в крупных ожоговых пятнах, прыщах... Виталик поспешно натянул на себя футболку, я всё же успела рассмотреть — на левой груди у него не было соска.

— Уверена, всё, что ты делаешь, правильно. Правда. Человек, переживший столько боли, утрат, знает, что делает. А значит, значит, войны не миновать.

Виталик развернулся всем корпусом ко мне, встал передо мной, взял блокнот, написал:

«Спасибо, мама. Я верил в тебя всегда. Тебе лучше? Ты меня напугала».

— Просто не выспалась, вот и всё.

«Вера — сильная штука. Главное, научиться верить».

— Вера может двигать горы, как Иисус сказал. Я в тебя верю, сынок.

Обняла его. Он робко обнял меня. Кажется, он заплакал. Молча.

В эту ночь мы впервые уснули как нормальные люди.

И я увидела сон. Увидела Виталика, маленького, смеющегося, он бежал куда-то и звал меня. Я шла за ним, а когда поняла, что отстаю, побежала. Бежала, бежала и никак не могла догнать, и тогда, оттолкнувшись, полетела. О, эта невыносимая легкость, наполнившая меня, окрылившая...

— Я догнала тебя, сынок, — сказала и проснулась.

— Инструменты для пыток — это для пленных, понятно, — это был голос мальчика в кепи.

Вышла в коридор, а там всё цвета хаки, не соображу, сколько человек, но больше десяти. Все в форме и с оружием.

— Здравствуйте, — шепчу.

— Мы уходим, тетя Галя, — отвечает Женя, — надолго уходим.

— Может, и не вернемся, — вставил кто-то.

— Может, и навсегда, — ещё голос.

— Если мама будет спрашивать, — продолжил сосед, — вы ничего не знаете.

— Ты убегаешь из дома?!

— Мы все убегаем, — сказал мальчик в кепи, — ни слова о нас никому, это приказ!

— И мой, мой Виталя?..

Я растерялась, облокотилась на дверной косяк, чтобы не упасть, и раскрыла рот, не в силах выдать из себя звук. Только дыхание, которое вот-вот и покинет меня на веки вечные.

Мальчишки-солдаты переглянулись.

— Виталя, то есть капитан, тоже, — наконец сказал Женя, — он поведет нас...

Поворачиваю голову, вижу сына, он в форме собирает «калашников», вокруг него несколько молоденьких солдат, они смотрят не отрываясь за тем, как и что делают руки командира. Их глаза горят. Им не терпится в бой.

— Я пойду с вами, — говорю громко, чтобы сын слышал, — дайте мне ружьё или что у вас там. Живо!

Немая сцена. Все смотрят на меня. Молча.

— Не молчать! — закричала. — Хватит! Пора уже говорить. Кричать. НЕ МОЛЧАТЬ!

Кто-то чихнул, словно дал сигнал, команду к действию.

Вырываю автомат из рук мальчика в кепи, он пытается забрать своё оружие, бью его прикладом по голове, кепка слетает на пол, туда же отправляется и юный боец с большущей шишкой на лбу.

— Кто ещё хочет?! А?!

Молчание.

Расталкиваю мальчишек, пробираюсь к сыну. Здесь их больше двадцати, ловлю себя на мысли: все тридцать наверняка.

Виталик, так и не собрав «калашников», смотрит на меня, всё так же не моргая. Подхожу к дивану, беру блокнот сына.

«Я сказал, и меня не пристрелили, а я так хотел. Я хотел, чтобы мои глаза вытекли, чтобы мой язык провалился... Месть — вот, что остается всегда. Всегда остается...»

Разрываю блокнот на несколько частей. Ключья швыряю на диван:

— Хватит! Всё, хватит! Это и моя Чечня тоже, — сказала и протянула автомат сыну, — я готова помогать тебе во всем, сын. Идти за тобой. След в след. Если придется воевать, я буду воевать. За тебя! За нас с тобой! Сын! Только скажи! Скажи!

Теперь я увидела его слезы. Увидела его, того, кого уже думала, что потеряла, того мальчика, который так заразительно умел смеяться.

Виталик улыбнулся, шагнул ко мне, забрал автомат. Прижал меня к себе так сильно, что я услышала, как бьется его сердце — своим сердцем.

И он сказал:

— Мы победим, мама!

НИНА ЯГОДИНЦЕВА

Тоске не выискать обновы...

* * *

Первый заморозок. Сны
В глубине согретых комнат.
Так далёко до весны,
Что её никто не помнит.

А проснёшься поутру —
И глаза открыть не хочешь:
Дождь полощет на ветру
Рванный плащ осенней ночи,

Над долиною речной
Гаснет лучик обречённый,
И травую-тишиной
Зарастает двор мощёный.

И плывёт сквозь потолок,
Нарастая в нежной силе,
Голубиный топоток,
Шелест лёгких шестикрылий ...

ЯГОДИНЦЕВА Нина Александровна — секретарь Правления Союза писателей России, кандидат культурологии, доцент кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников Челябинской государственной академии культуры и искусств. Руководит межвузовской литературной мастерской «Взлётная полоса», ведёт Литературные курсы ЧГИК. Член Совета по критике Союза писателей России. Автор более 30 книг, лауреат ряда международных и всероссийских премий в области литературы, критики, перевода, науки и творческой педагогики. Живёт в Челябинске.

* * *

Кафешка, стёклышко, где мы с тобой сидели,
Где низок потолок, но всюду ариэли,
Летая по столам вперегонки,
Устраивали в сердце сквозняки...

Кафешка, закуток под боком шумной стройки,
Где окна в жалюзи линованы под строки:
Пиши что хочешь, благо не видна
По синеве чернил голубизна...

Кафешка сломана. Её хрустальный воздух
Блестит в пыли, змеится в острых звёздах
Рассыпанного по земле стекла...
Я плакала бы, если бы могла.

Но ариэлям, беспрестанно выющим нити
Для невесомой голубой канвы событий,
Нужна свобода. Воздух между строк
Бывает так же радостно жесток:

Погибшие слова лежат в столетнем хламе,
То, что не названо, в восторге бьёт крылами,
И ты стоишь в изнеможенье сил
Пред тем, что сам на волю отпустил...

* * *

...Они ещё волки и братья по крови волкам,
И жажда струится по их филигранным клыкам.

Их плоские лица и гибкие злые хребты
Прижаты к земле невесомым столбом высоты.

В косые прорехи светящихся золотом глаз
Холодными искрами чёрная ночь пролилась.

Они ещё волки, весёлые дети беды:
Сухие века пролегли от воды до воды,

И стая летит, ощущая волнистой спиной,
Как небо, подтаяв, лавиной скользит ледяной...

* * *

...Издали — как чужая — Но до мельчайших трат Я знаю тебя, я знаю, Как будто прошла стократ	В те поры, когда Везувий Возвысился в палачи И в жажде не кровной мести, Но права вершить закон Облизывал соль созвездий Пылающим языком...
Парадом твоих безумий В лохмотьях твоей парчи —	

* * *

Нам, переменчивым, как пламя, Как свет, горящий вдалеке, Нам трудно говорить с богами На скудном нашем языке.	Но наступает, как проклятье, Необратимый тайный час, Когда учителя и братья Уже не понимают нас...
--	---

* * *

Замки сновидений вскрыты, Развёрнуты на просвет Короткие птичьи вскрики, Косые крыла газет.	У ног на полу табличка, Рванный сырой картон. Слова читать неприлично, И просит-то не о том,
Секунды короче вдвое, И каждая горяча, И нищей стоит вдовою Покинутая печаль.	А просто стоит, сутула, На лестнице в переход — Руку не протянула, Мелочи не берёт.

Храм

Видно, крепко небо помнило Злую удаль здешних мест: Трижды в купол била молния, Трижды сбрасывала крест.	Только стёкла мелко брызнули! Но когда растаял дым, Над приземистыми избами Храм вознёсся, невредим,
Трижды с долгими молениями Вновь увенчивали храм. Уминали прах коленями, Лбы крестили по утрам,	Всеми главами точёными Над быльём и вороньём — Только лики стали чёрными В гневе горестном своём.
А потом порою шаткою В зябкой розовой пыли Появились со взрывчаткою — Заложили, подожгли...	Пронеслись десятилетия — Мастерская, школа, склад... Всё прожили — не заметили Обретений и утрат.

Но однажды встала молния
Вместо прежнего креста,
В колокольное безмолвие
Пала горькая звезда, —

А куда с крутого берега? —
Только в воды Иртыша...
И не заново поверила —
Болью вздрогнула душа:

Загудел набат над крышами,
Поднял стаи на крыло,
И очнулись, и услышали:
Горе-горькое пришло.

Копоть смыли, сажу счистили,
Сцеловали боль и гнев,
В самой светлой Божьей истине
Усомниться не посмев...

* * *

Июльский ливень лип, рискующий пролиться,
Держащий на весу немислимую цвет...
Как слёзы на глазах наивного провидца,
Сквозь молодую жизнь увидевшего смерть.

Всё камень и металл — но липы вдоль проспекта,
И предвечерний час — над ними, на весу.
Всё музыка вокруг — и ничего не спето,
И я иду одна и музыку несусь.

Вот-вот сорвёт струну растерянного взгляда,
Вот-вот обрушит мрак и ливень разольёт,
И цвет собьёт в траву, и жёлтой каплей яда
Горячая луна над городом взойдёт!

Но если удержать, не покачнувшись, если
Всей музыкою стать, всей дождевой водой,
Опомнишься: они из вечности воскресли
Для радости твоей, со-бытия с тобой.

* * *

Вернись в тот сон, где ты была
Любима и светла от счастья,
Где Богородица прошла
В окно к соседке постучаться,

Где тайну нянчит белый сад
И на ветру смеются вишни,
Где материнский лёгкий плат
Печали шёлковые вышили...

Ты помнишь — всхлипнуло дитя,
Когда калитка заскрипела,

Сухою веткою тебя
За сердце яблоня задела —

И словно чёрным чертежом
Вдруг отчеркнула безвозвратно:
В каком-то городе чужом
Ты сны чужие смотришь жадно,

И эти кровь, и смерть, и блуд,
Придуманные воспалённо,
В твой сад, пока ещё зелёный,
Волною огненной идут.

* * *

Тайная жизнь одиноких деревьев полна
Шёпота, шелеста, полупрозрачного гула...
Словно в забытый колодец душа заглянула
И не увидела дна.

Там, в глубине, обретая родные черты,
Имя и голос, одежды из ветра и света,
Что-то волнуется, плещется, ищет ответа —
И осыпается белой пылью с высоты...

Очи деревьев темны и замкнуты уста —
Небо своё обживают они бессловесно.
Нас прижимает к земле многозвёздная бездна —
Их, словно мать, поднимает к лицу высота.

Это они, погружаясь по грудь в забытьё,
Как невода, заплетают немymi ветвями
Чистое, гулкое, неумолимое пламя —
Нежное и невесомое пламя Твоё.

* * *

Тоске не выискать обновы —	О неизбежном и суровом,
Ну разве что среди полей	О неизбывном и родном!
У края полога льняного	Не словом, Господи, не словом,
Увидеть журавлей,	А словно сном...

Домой летящих бездорожьём	Так заслоняют лёгкой тканью
Весны небесной и земной...	Свет, обжигающий глаза —
О Господи, как осторожно	И не бывает проще тайны,
Ты говоришь со мной	И разгадать нельзя.

* * *

Болотины да пожарища,	На ветер сквозной нанизаны
Да неба сырая ржа...	Домики вдоль реки —
Зима-то не госпожа ещё,	Ни ласточек под карнизами,
Вестимо, не госпожа.	Ни взгляда из-под руки.
Разок бы на вкус испробовать	Да сожаленью позднему
Серебряного пшена...	Калёного — не обжечь...
Но встретимся до Покрова ли,	Скорей бы в дорогу, по снегу —
До белого полотна?	В пожар долгожданных встреч!

* * *

И нас переплетает реками —
Как наши доли и леса,
Такими долгими и крепкими,
Что разорвать уже нельзя.

И нас метелями захлёстывает —
И нет вернее этих пут,
Когда под огненными звёздами
Мы выбираем страшный путь.

И нас просвечивает памятью,
И нам идти на этот свет,
Пока над вечной Божьей пажитью
Иного знака в небе нет.

Надрывно голоса над язвами
Все те, кто предал нас вчера.
Но не иссякнут воды ясные,
Дыханье не прервут ветра.

ГАЛИНА ТУЮКИНА

Плюс-минус час

РАССКАЗ

В тот год отмечали столетие со дня рождения Бунина. Эмигрант, ненавистник советской власти, прощён, наконец, на Родине. Всё же первый из русских писателей Нобелевский лауреат.

На юбилейную конференцию в Орёл от Иркутского госуниверситета полагалось поехать доценту, защитившему диссертацию по Бунину, но его назначили деканом нового факультета журналистики, и кафедра рекомендует студентку-старшекурсницу — меня, то есть. Подарок судьбы! Да, посещала научный кружок, да, научную работу на всесоюзном конкурсе отметили. И всё же — редкостное везение!

ТУЮКИНА Галина Прохоровна. Родилась в 1949 г. в селе Михайловском Зиминского района Иркутской области. С 1959 г. жила в Ангарске. Окончила историко-филологический факультет Иркутского госуниверситета. Работала учителем русского языка и литературы в Голуметской средней школе Черемховского района, затем в школе № 75 Иркутска. С 1973 г. живет в Москве. Окончила аспирантуру Московского государственного института культуры, преподавала на библиотечном факультете детскую литературу. Кандидат педагогических наук, доцент. В течение семи лет в должности профессора заведовала кафедрой русского языка в Тимирязевской сельскохозяйственной академии; преподавала русский язык и культуру речи, русский как иностранный в Московском торгово-экономическом университете, в Российском экономическом университете им. Плеханова. Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. Автор научных статей, пособий для студентов, соавтор учебника «Русская литература для детей» (1997, 1998). Рассказы опубликованы в альманахе «Белая радуга» (Ангарск, 2018) и сборнике «Друзей моих прекрасные черты» (Иркутск, 2018).

Приказ подписан — надо соответствовать. Предъявить свои суждения высокому собранию — всё равно, что перед самым мэтром отчитаться. Впрочем, в его незримом поле нахожусь давно. Небольшой портрет Ивана Алексеевича, где он в полупрофиль, с тростью, изысканно одетый, утонченно-интеллигентный, прикреплен на стенке в общежитии. Идеал писателя, идеал мужчины.

А между тем в разгар летней сессии в университетском вестибюле появилось объявление: формируется студенческий путинный отряд, для переработки сайры на острове Шикотан. И не ко времени вроде, но как не поехать! Такой случай может никогда не повториться.

В сводный отряд влились студенты из разных сибирских городов. Нас, иркутян, больше всех, но прибыли и омичи, и красноярцы, заполнили весь состав поезда «Москва — Владивосток». Девяносто процентов его составляли девушки. Когда этот горластый десант в голубых блузах, с погончиками, яркими эмблемами на груди, половодьем растёкся по улицам Владивостока, горожане изумились:

— Девчонки, куда вас? Неужели — во Вьетнам?

Пятый год там война. Через Владивосток идёт наша интернациональная помощь азиатским братьям. Но мы — другая армия, трудовая, мирная, озорная.

Шикотан находится на самой оконечности Курильской гряды. Наш корабль «Советский Союз» неспешно прошёл Японское море, миновал пролив Лаперуза, вышел в открытый океан. На третий день плавания верилось, что за дымкой вдали виднеется японский остров Хоккайдо. А там, глядишь, и до Вьетнама рукой подать.

В полночь подошли к причалу. «Поющие гитары» всей мощью динамиков приветствовали новых островитян.

*Синий-синий иней лёг на провода,
В небе темно-синем синяя звезда. О-о-о-о...*

Под песни модных тогда ВИА девчачьи бригады разделявали и укладывали в консервные банки серебрившуюся рыбку. Иначе двенадцать часов на конвейере не выстоять, особенно в ночную смену. А в выходной под ту же музыку, но в исполнении стройотрядовской музкоманды (там уж только мальчишки!), принаряженные студентки танцевали до упада на отрядном плацу.

Главная достопримечательность Шикотана — мыс Край света. Почти на километр он уходит от берега и на десятки метров вздымается над океаном. От лагеря путь неблизкий, но дойдёшь — не пожалеешь. Сверху даль открывается неоглядная. Мощь ветра и волн — и ты стоишь, былинка, пёрышко.

Внизу уютная бухточка, но крутой, каменистый спуск преодолеть не так-то просто. Страху добавляет и запрет пограничников не приближаться к морю, о чём строго предупреждают на отрядной линейке. Только отчаянность моего спутника, бас-гитариста Паши, помогает нам пробраться к тихоокеанской воде и поплескаться у прибрежных валунов.

Незабываемых впечатлений было много. В какой-то момент близко к краю, да почти что и к концу света, почувствовали себя уже все наши путинники, когда ночное небо внезапно расколосось от грохота. Хлынул тропической силы ливень, завывла сирена на причале, остров погрузился в кромешную мглу. Цунами, однако!

Мой Бунин за полвека до того, обогнув на корабле Индию, сожалел, что не удалось доплыть до Японии и других экзотичных юго-восточных земель. Банально не хватило средств. Но он побывал на Цейлоне.

*Окраина земли,
Безлюдные пустынные побережья,
До полюса открытый океан.*

Вернувшись домой, на подъёме сдаю педпрактику, благо, с классом знакома ещё по прошлому году. Мои ученики в восторге от рассказов о Курилах, после этого и хрестоматийный Грибоедов идёт на ура.

Когда ж постранствуешь, воротись домой...

Но главная дорога впереди. Орёл! Последние штрихи — и будущий доклад готов, с научным руководителем детально обговорен. Мои скромные изыскания посвящены роману «Жизнь Арсеньева», а по сути — молодым годам самого Ивана Бунина.

В ту осень первый снег выпал рано, ещё в октябре. Всё казалось сказочным: перелёт из заснеженного Иркутска — в золотую осень Орловщины, из школьного класса — в сообщество учёных.

Всех участников конференции поселили в лучшей гостинице города. Маститые авторы проживали в соседних номерах, шутили за обедом, выбирали сувениры, фотографировали достопримечательности. Во всем царила смесь академизма и хорошей домашности. Казалось, сам Бунин незримо пребывал в эти дни на родине.

На собрании в драмтеатре мне выпало место рядом с особенной гостьей этого торжества, приехавшей из Тарту. Оказалось, что эта немолодая, изысканно вежливая дама гимназисткой видела Бунина и даже получила его автограф. Пятьдесят лет, да что там — сто, будто переместились, уже не казались запредельно далёкими.

А что же я? Почтенные коллеги благожелательно приняли доклад сибирской студентки, не поскупились на напутствия. Всё вдруг показалось достигаемым, возможным.

Прощальная прогулка по городу. «Тургеневский бережок» в парке над Окой, белокаменная беседка в старинном вкусе, улочки с деревянными домами, остатки тех ещё дворянских усадеб.

Все дороги в нашем государстве пролегают через столицу. После конференции у меня в запасе несколько дней, чтобы побывать и в Ленинграде, о чём давно мечталось. На вокзале, простившись с попутчицами, беру билет на вечерний поезд и сразу — обратный.

На Площади Революции приостанавливаюсь у схемы метро, прикидываю, как лучше провести время до отправления поезда. Мимо течет людской поток, но в Москве я уже второй раз, растерянной провинциалкой себя не чувствую. Ко всему прочему, на мне новенькая легкая дубленка, длинный шарф, перчатки в тон. Всё, кажется, как положено. Привет тебе, Шикотан! Наш ударный труд был неплохо оплачен.

Отвлекает чей-то необычный, мягкий голос:

— *Здра-туй-те!*

Обернувшись, вижу неуверенно улыбающегося шафранно-смуглого паренька. По комплекции почти подросток, но — полувоенный плащ, сумка-планшет через плечо. Вьетнамец? Скорее всего. Они нам как родные: военные репортажи из пылающих джунглей в каждом выпуске теленовостей.

Как можно доброжелательнее отвечаю:

— Здравствуйте!

— *«Ин-тур'иста» кд'е, пожал'уста?*

— Гостиница «Интурист»? Это рядом, совсем рядом, на углу улицы Горького (теперь это «Националь»).

Для убедительности показываю направление. Товарищ не понимает. Отрицательно качает головой, с надеждой смотрит на меня. Ну что ж, нельзя оставить человека без помощи, к тому же, считай, земляка.

Выходим из метро, знакомимся. Ле Ван Туан — студент Ленинградского кораблестроительного института.

— А я учусь в университете в Иркутске.

— *Я знаю! Я знаю! Сиб'ир!* — обрадовано реагирует Туан. Ещё бы: Иркутск на полпути из Ханоя в Москву.

Мой новый знакомый возвращается в Ленинград после каникул. В «Интуристе» для иностранцев были специальные кассы. Я простодушно сообщаю, что тоже еду сегодня в Ленинград. Это вызывает энтузиазм моего потенциального попутчика.

Распрощаться перед входом в гостиницу теперь оказывается делом практически невозможным. Туан с мягкой настойчивостью пропускает меня вперед, усаживает на кожаный диванчик. Сам подходит к стойке кассира-администратора. Разглядываю публику в холле: индусы, африканцы, молодые, оживленные. Экзотичные одежды, экзотично звучащая речь.

От стойки раздается строгое:

— Девушка! Подойдите сюда!

Оглядываюсь. Действительно, это ко мне. Кассирша, посчитав, что я отлыниваю от своих обязанностей переводчицы, предлагает подключиться к покупке билета.

Туан передает мне документы и деньги, отодвигается в сторону. Я прошу билет на сегодня. Надо выбрать время отправления — расписание лежит передо мной. И тут я иду на хитрость: держа в уме время отхода своего поезда, беру на тот, что уйдёт часом раньше. Туану же пытаюсь как можно убедительнее объяснить, что на мой поезд билетов нет. Он огорчён.

Дорого же обошлось мне потом это лукавство!

Так или иначе, билет получен. Что делать дальше? Во всяком случае, до вечера мы неразлучны. Три-четыре часа на Красную площадь — многовато, предлагаю поехать на ВДНХ. Соображения простые: в дороге время пройдёт быстрее, да и не каждый иностранный гость, будучи в Москве проездом, самостоятельно туда доберётся, а посмотреть есть на что. Мой вьетнамский друг доверчиво соглашается.

Возвращаемся в метро, пересаживаемся на оранжевую ветку. Несколько долгих прогонов. Шум освобождает от разговора. Можно обойтись короткими репликами, так и внимания к нам меньше.

Кожаные пружинистые сиденья в уголке вагона по-своему уютны. Руки соседа лежат поверх полевой сумки. Тонкие запястья, но пальцы цепкие, со следами шрамов. Заметно проступают вены. Сколько ему лет? По азиатскому лицу угадать невозможно. Двадцать? Двадцать два? А может, все тридцать? Взрослость — во внимательности взгляда, в сдержанности жестов, особой собранности, жёсткости случайного прикосновения плеча. И как тут я, со своим снисходительным покровительством!

В стильный, позднеоктябрьский вечер народу на ВДНХ мало, воскресенье к тому же. Многие павильоны уже закрылись. Подходим к безводному фонтану с золочёными статуэтками. Какие-то парни, похоже, не московские, со смешком ко-

сятся на нас. Высокая девица, хлипкий смуглый иностранец — та ещё парочка! Сама бы раньше отнеслась к этому с юмором.

Туан спрашивает о моих родных. Сколько лет сестрам, брату? Чем занимаются? О себе говорит скупой, несколько фраз. Насколько поняла, семья его жила на побережье. Отец и мать погибли в начале войны. Он сам служил в Народной армии, год назад направлен на учёбу в Советский Союз. Уточнять ничего не решаюсь, твержу общие слова поддержки.

Тем временем на открытом пространстве уроженец морских субтропиков совсем озяб, даже нос расклеился. Я солидарно подхватываю его под руку, чтобы быстрее спуститься в метро, в спасительное тепло.

На вокзале ждёт новое испытание. Из камеры хранения Туан получает чемодан невероятных размеров. Таких я не видела ни до, ни после. Кажется, в него свободно можно упаковать самого хозяина. Мне предлагается поклажа легкая, но тоже объёмная. В одной руке несу изящную модель парусного фрегата, схваченную шпагатом, в другой — связку плетёных соломенных сумочек. Вопрос о носильщике, разумеется, не возникает.

Мы тащимся по грязной привокзальной каше. Туан короткими пробежками переносит свой чемодан. Я вынуждена тоже постоянно останавливаться. Моментально на меня набрасывается жадная до дефицита толпа.

— Почём ваши сумочки?

— Не продаются! Не продаются!

— Где сами брали?

— Во Вьетнаме!!!

Выразительный взгляд на согбенного Туана — и народ отстает. Всё же добираться до нужного вагона. Проводник помогает подняться. В купе мой повеселевший спутник извлекает из глубин чемодана декоративную тарелочку, тоже соломенную, кладет в неё несколько зелёных, мелковатых, вроде недозрелых лимонов, фруктов.

— *Галина, подарит' т'еб'е!* — с великодушной улыбкой произносит мой спутник.

— Спасибо! Большое спасибо!

А я уж было подумала, что будет презентована одна из симпатичных сумочек, да, видно, все они предназначались для продажи. Такова бедность в воюющей стране.

Радуюсь уже тому, что всё закончено, но мой знакомец так не считает. Он просит у меня записную книжку, пишет каллиграфическим почерком адрес своего общежития, номер комнаты.

— *Завтра, веч'ер завтра, Галина! Приходит'! Есть мой сос'ед, студ'ент Франц'ия...*

Этого ещё не хватало! Париж, Сорбонна, 68-й год. Тут уж другой интернационал! Согласно киваю и улыбаюсь, улыбаюсь, улыбаюсь.

Туан берет меня за руку, взгляд его увлажняется. Ну, это совсем против правил! Неловкий поцелуй размазывается по моей щеке — я дёргаюсь и ускользаю из купе, из вагона.

—частливого пути, Туан!

Уф! Свою миссию я выполнила и, кажется, не задела человека.

До отхода моего поезда остается час.

Утром уже Ленинград. Панорама привокзальной площади кажется старинной гравюрой, местами неярко подсвеченной. Легкий туман усиливает это впечатление.

В троллейбусе прилипаю к окну. Слева и справа проплывают здания на Невском, тоже словно иллюстрации к знакомым книгам. Вот мост через Фонтанку, знаменитые кладовские кони, царственная Екатерина с фигурами сподвижников. Вот и Гостиный двор, канал Грибоедова. Всё удивительно и всё узнаваемо, будто была здесь когда-то.

Застаю до ухода на работу хозяина квартиры. Его адресом поделились московские дамы-попутчицы, квартировавшие у него прежде. Петр Капитонович — слугитель Русского музея. Высокого роста, степенный, седовласый. Наверное, так мог выглядеть не окончательно постаревший чеховский Фирс. Надев очки, Петр Капитонович просматривает мой паспорт. Сообщает, сколько я должна заплатить за три дня. Потом показывает маленькую гостевую комнату, объясняет, какой посудой можно пользоваться на кухне. Собственно, кроме чайника, мне больше ничего и не надо.

С утра до вечера я странствую по городу. Днем пропадаю в музеях. Первым делом отправляюсь на Мойку, в квартиру Пушкина. В необъятном Эрмитаже пунктирно проскакиваю по центральным залам. В Русском музее задерживаюсь дольше, с тех пор и полюбила его.

Опять же везёт с театром. По принципу «лишнего билетика» попадаю в прославленный товстоноговский БДТ. Правда, спектакль (наверное, то была «Луна для пасынков судьбы» О'Нила), не очень трогает меня. Когда ты на взлёте, чужие горести не западают в душу.

Зато последний ленинградский вечер превосходит все ожидания. Из афиш узнаю: в Большом зале филармонии состоится концерт Ираклия Андроникова. Его искромётные рассказы часто звучат по радио, его знают и любят, кажется, все.

Послушать живую человека-легенду хотелось многим, тем более что это выступление особенное: его будет снимать Ленинградское телевидение. Первые ряды занимает почтенная публика.

И вот на сцену быстро выходит невысокий, округлый человек с характерными чертами лица. Раскланивается, улыбается, садится за столик, объявляет своим бесподобным раскатистым голосом: «Первый день на эстраде». Самый знаменитый рассказ — о феерическом провале дебютанта на этой самой сцене. Голос-оркестр Ираклия Луарсабовича звучит то плавно, то заговорщицки понижается, то взлетает ввысь, рокошет, переливается руладами. Благоговейная тишина в зале сменяется взрывами смеха. Мастер!

В антракте, расхрабрившись, здороваюсь с профессором из ЛГУ. Весной он приезжал к нам на факультет с лекциями по стиховедению. В ответ тот приветливо кивает — великодушие интеллигентного человека! Становится ещё теплее в этом зале: здесь не чужие, не случайные люди, и тысячи километров, разделяющие Ленинград и Иркутск, — простая условность.

Открывается второе отделение. Ираклий Луарсабович вновь за своим уютным круглым столиком. Золотится узорчатая скатерть, под рукой чашка чая. Изрядно повеселившись над зловключениями начинающего лектора, персонажа первого рассказа, публика погружается в историю другого рода. Андроников теперь, как знаток литературы, как исследователь, раскрывает тайну имени возлюбленной Лермонтова — знаменитой Н.Ф.И. Основа романтическая, а сюжет прямо-таки детективный.

И этот рассказ чудесного ленинградского грузина пленяет слушателей. Аплодисменты нескончаемы.

Расставаться с чародеем не хочется. Почти последней покидаю зал. Мне на встречу — юноша:

— Вам понравилось?

Ничуть не удивившись, радостно:

— Очень!

У него ответная улыбка, и держится он так просто, будто мы с детства дружны. Но откуда он взялся?

Догадливый молодой человек поясняет:

— Я сидел на балконе и приметил вас сверху. Не успел подойти в перерыве, решил подождать сейчас.

Вот как! Что тут сказать — нашлась не сразу.

Мы спускаемся к гардеробу. Украдкой смотрюсь в большое зеркало на стене и встречаюсь со взглядом моего визави. Смеёмся.

На Площади искусств немногочленно. Волна театрально-концертной публики в основном схлынула. Одиноким прохожим поспешно направляются к метро. Пушкин от Русского музея то ли приветственно, то ли прощально простирает руку.

Грустить мне? Радоваться? Когда ещё доведётся здесь побывать, неизвестно, но рядом — такой провожатый! Его зовут Олег, и это имя ему очень идёт.

Он хорошего роста, движется легко, ловко, короткое пальто ему не помеха. Клетчатая кепка (кепи?) так и летает в его руке в такт разговору. А светлые русые волосы и озорные глаза я отметила ещё в старинном зеркале.

Разговор поначалу определяет: кто есть кто, откуда. Выясняется: мой спутник заканчивает Технологический институт и его распределяют в далёкий Ангарск.

Силы небесные!

— Так это же мой родной город! Там мой дом, живут родители. В Иркутске я только учусь.

Поражены оба. Конечно, бывают совпадения, но не до такой же степени! Кто управляет всем в этом мире?

Останавливаемся у парапета канала. По воде плывут первые льдинки. Долго молчим. «Ангел пролетел», — говорят в таких случаях.

Олег приходит в себя первым, оживляется, начинает расспрашивать о нашем городе. Вспоминаю кстати, что Ангарск проектировали и строили ленинградские инженеры — так, по крайней мере, утверждают старожилы. Он и выглядит в чем-то как сколок города на Неве: строгая геометрия кварталов, простор улиц и площадей, присутствие незримого духа интеллигентности, что отмечают все приезжие. В этой похожести тоже видится некое предопределение.

Подойдя к подъезду дома, всерьёз не прощаемся. Утром увидимся на вокзале, возле памятника Ленину, за час до отхода моего поезда.

Легкое полуобъятие. Взлетаю по лестнице. Завтра! До завтра!

В комнате наскоро складываю вещи. Сумка заметно утяжелелась: добавились книжки, открытки. Достаю паспорт, из него выпадает билет.

Но что это? Быть того не может! Время отправления — восемь часов. Я же была уверена, что поезд в девять! Поэтому за час, на восемь, и назначена наша встреча на вокзале. Ну как я могла спутать?

Лихорадочно роюсь в папке с документами. Нахожу билет Москва — Ленинград. Тот был на девять вечера. Восьмичасовым я отправила бедного Туана. Только сейчас я о нём и вспомнила.

Выходит, отправить я его отправила, но непокой в душе остался. Вот и сместился в памяти этот час.

В который раз бесцельно перекаладываю вещи. Из плетеной тарелочки покатились по полу нераспробованные зеленые плоды.

Утром, простившись с Петром Капитонымчем, безрадостно отправилась на Московский вокзал. Спешить ни к чему. Время теперь работало против меня. Безнадёжно постояла у бронзового Ильича. Побрела на перрон.

Что я могла сделать? В Москве меня встречают дальние родственники. Сдать билет, отложить отъезд — не решилась.

Ветрено было на платформе, пустынно у моего, самого последнего вагона, все пассажиры заняли свои места. Через пару минут раздался сигнальный гудок, состав тронулся.

Много обещаний дарит нам безоглядная юность — нечасто они исполняются.

* * *

Много лет минуло с той поры. После окончания университета я переехала в Москву, учила русскому языку иностранных студентов. Как-то раз на канале «Культура» встретила программа, посвящённая Ираклию Андроникову, мелькнули кадры его выступления в филармонии. А не с того ли они концерта, где мне посчастливилось присутствовать?

Ныряю в интернет, нахожу на YouTube телевизионный фильм «Первый день на эстраде». Узнаю зал, сцену. В центре внимания легендарный рассказчик, его неповторимые жесты, мимика, но камера время от времени скользит и по зрительским рядам, на мгновения удерживая лица.

Как помнится, я сидела тогда где-то в центре зала, ряду в десятом-двенадцатом, первой от прохода. Всмотриваюсь, всматриваюсь. Пятнадцать минут, шестнадцать, семнадцать... Стоп! Что-то знакомое. Неужели это я?

Увеличиваю размер кадра. Да! Белая блузка, темный жилетик, припылённая стрижечка, в лице — восторг и обожание. Два-а-дцать лет!

Несбывшееся зовет нас. Как только выдаются свободные дни, беру на поезд билет. Случались, конечно, и прежде поездки в нашу северную столицу, но в короткой командировке не до сантиментов.

Прибываешь теперь не в Ленинград — в Санкт-Петербург. В здании Московского вокзала нет памятника Ленину, у которого встречались отъезжающие-приезжающие, его сменил бюст Петра. На привокзальной площади масса машин, много людей. Ранним утром общая панорама, как и прежде, в технике сфумато. В лёгкой пелене здания, круглый фасад метро напротив, вид на Невский.

Заселившись в гостиницу (отель!), отправляюсь бродить по центру. Конец ноября, весь день не то снег, не то дождь. Но что мне погода! Прикидываю: дом, в котором жил Петр Капитонович, находился где-то между Мойкой и каналом Грибоедова, по-видимому, в районе нынешних Конюшенных улиц. Обошла и Большую, и Малую, и переулок. Красиво, ярко, современно, но с моим прошлым нет ассоциаций.

Дом, похожий на тот, что сохранило моё воспоминание, краснокирпичный, в пять этажей, всё же встретился в одном из дворов. Классический городской дом, дом на все времена. В него хотелось войти, увидеть живущих там счастливых. Но двор безлюден, подъезды неприступны. Где те прежние парадные?

На вечер куплены билеты на концерт в Большой зал филармонии — «одно из лучших мест на земле», по словам незабвенного Ираклия Луарсабовича. Торже-

ственным строем обступают партер светлые мраморные колонны. Сияние люстр, уют нарядных кресел. Публика неспешно занимает места. Я вглядываюсь в лица входящих, пытаюсь представить, кто из них мог бы присутствовать тогда в этом зале.

Концерт абонементный, в программе Рихард Штраус. Возвышенно трагична исполненная вначале симфоническая поэма «Смерть и просветление». Её печаль мудро уравнивает свет и радость сочинения о весёлых проделках Тили Уленшпигеля. Знатоки и ценители музыки чутко реагируют на нюансы исполнения, для меня же всё как открытие и чудный дар.

Побывала в музее, посмотрела спектакль в Ленсовете — словом, почти повторила программу моей первой поездки. На том душа и успокоилась.

Возвращалась ночным поездом. Едва заняла своё место у окна, напомнил о себе мобильный: пришло сообщение от дочери. Накануне они с мужем улетели отдыхать во Вьетнам. На экране высветилось: «Мы в Нячанге. Море, солнце, загораем. Как тебе нравится этот отель?». И снимок: многоэтажное, в разноцветных огнях здание, с крупной вывеской: «GALINA».

Мистика! А если?

Далее моя мысль не пошла. Сказалось утомление дня, обилие впечатлений. А плавный ход «Сапсана» усыпляет не меньше, чем стук колёс.

* * *

Жёлтый шар солнца поднимается над заливом, освещает мачты яхт у причалов. Многочисленные лодочки рыбаков и мелких торговцев рассыпью отплывают от берега.

Недалеко от берега большой современный дом. Высокие окна. Просторная терраса декорирована растениями. Ещё рано, но в доме заметно движение. Сдвинуты жалюзи. На террасу выходит девушка. Ловкими движениями она протирает столик, кресла, поливает цветы. Через несколько минут на столике стоит поднос с чайными предметами.

В двери появляется немолодой, но ещё крепкого сложения невысокий мужчина. На нем светлая лёгкая рубашка, бейсболка. Он подходит к перилам, привычно оглядывает просторы залива. Отмечает перемены в местоположении крупных судов.

Как всегда по утрам, он не спеша пьёт свой чай. Затем помощница приносит газеты. Он надевает очки, просматривает новости: электронное чтение не по нему.

В условленный час звонит дочь. Традиционный деловой разговор, но вначале — о здоровье родителей. Его дочь — настоящая бизнес-леди, и он гордится ею. Все вопросы она решает сама, но из уважения просит совета у отца. Сейчас её главная забота — новый отель. Дело это непростое. Отель ещё не приносит крупного дохода. В сезон дождей всегда спад туристов, важно гибко менять цены. И реклама, реклама...

Впрочем, его дочь отлично со всем справляется. Она умна и энергична. В свои 36 лет дела ведёт не хуже мужчин-предпринимателей, не зря была лондонская школа бизнеса.

Этот отель — подарок отца. Она теперь полноправная хозяйка, во всё её идеи, её управление. Вот только название отец сам предложил. Всегда мяг-

ко направляя свою любимицу, здесь он проявил твердость. Она согласилась, из деликатности не задавая вопросов. Удивилась, конечно, столь необычному для юго-восточного курорта названию — «GALINA HOTEL».

— Почему GALINA? Давняя история...

Приятный женский голос выводит из полудрёмы:

— Уважаемые пассажиры! Наш поезд прибывает на станцию Чудово. Стоянка — одна минута.

Москва. 2018 г.

ПОЭЗИЯ

ЛЕОНИД ИЗОСОВ

«У костра среди вечной ночи...»

Белая любовь

Памяти Л. Е. Т.

Как пела белая любовь
В объятьях яблонь в гуще сада!
И трелей соловьиных боль
Текла, как вышня я услада.

Как лепестки — была любовь.
И сквозь цветы сочилось небо.

А трелей соловьиных боль
Быль перевоплощала в небыль.

Как песня — кончилась любовь.
Тот сад заглох, не плодоносит.
И трелей соловьиных боль
Лишь эхо издали доносит.

ИЗОСОВ Леонид Александрович родился в 1940 году. После окончания геологического факультета Воронежского Государственного университета с 1962 по 1989 год работал в Приморском Геологическом управлении Министерства геологии СССР. Прошёл путь от старшего техника-геолога до начальника геологической партии. Бывший несовершеннолетний узник фашистских концлагерей, Отличник погранвойск КГБ СССР. Ветеран труда, доктор геолого-минералогических наук. Ныне — главный научный сотрудник Тихоокеанского Океанологического института ДВО РАН (Владивосток). Публиковался в журналах «Дальний Восток» (2006 г., №1) и «Русское Литературное Эхо» (Израиль, 2019-2021 гг.), в разное время: в газетах «Красное Знамя», «Арсеньевские Вести», «Дальневосточный Учёный» и др., издал трилогию «Звезда над Дорогой» (Ганновер, 2022 г., 486 с.).

Как в юные года

*Памяти моей бабушки
Людмилы Никифоровны Антименко*

Под лепет тополей она меня встречала...
Ещё моя Душа не плакала от ран,
Когда я приставал к родимому причалу,
Оставив позади тревоги дальних стран.

...Эх, паровозным дымом ещё вокзалы пахнут!
И город свои раны ещё не зализал....
На все четыре стороны он был ветрам распахнут.
И тонкой флейтой пела в речной дали лоза.

В просторах пустырей я шел как по погосту.
И пепел чёрной тучей взвивался из-под ног.
О, белые булыжники, печальные как кости —
Вы тяжестью свинцовой легли душе на дно.

В дороге без конца, в дороге без начала
У памяти огня становится теплей...
... Как в юные года она меня встречала!
И плыл зелёный звон вечерних тополей.

Пыль и пепел

Мне не заснуть — томит стихий возня.
Я вышел в мрак — чтоб быть поближе к Богу.
Как пахнет гарью мировой сквозняк!
Да, в этой пыли пепла слишком много.

И память хлынула, как чёрная вода.
И вынесла идейки и мыслишки.
И зазияла пропастью беда.
Да, в этой пыли пепла много слишком.

Мы по дорогам шли, глотая пыль.
А те дороги приводили в пекло.
Как рассказать потомкам эту быль?
Да, в этой пыли слишком много пепла.

Измученный посулами народ...
В какие ж дали мы так долго плыли?
Вперёд—вперёд, вперёд—вперёд! Вперёд?
Да, слишком много пепла в этой пыли.

В пути

*Памяти моего друга
Виктора Фёдоровича Коваленко*

Языки позёмки... Трасса вдруг приснится.
В голубой пучине тонет горизонт.
То ль — слеза мерцает, то ль — звезда в ресницах.
И раскрыт дырявый ночи чёрный зонт.

Крутятся колёса, фары режут темень.
И плывёт машина — словно кит в ночи.
Старое осталось за холмами теми.
От восторга зубы стисни и молчи.

Ты молчи и слушай хриплый клёкот ветра,
Арию мотора, хор стихий ночных.
То ль — мелькают годы, то ли — километры.
Но ты не печалься — снова всё начни.

Эк, позёмка лижет... Аж асфальт лоснится.
Время тоже лижет лица, имена...
Но опять приснятся мокрые ресницы —
И глаза разлуки взглянут на меня.

Чёрный романс

Памяти Сергея Есенина

Кусты остыли над водою.	Берёзы сбросили серёжки.
Умолкли листья-языки.	Черствеет неба каравай.
И — будто полнится бедою —	А звёзды — словно хлеба крошки.
Звучанье зимней музыки.	Смотри и взгляд не отрывай.

Увяли волны, тяжелее	Всё ясно в вечер чёрный этот.
Реки густеющая кровь.	Всё ярче холодеет даль.
Лишь хлещет ветер, не жалея,	...А в глубине души поэта
Понурых осени коров.	Поёт огонь в пучине льда.

Угадай... Улови...

Угадай стратегию Мира.	То — факиром с тоненькой дудкой —
Улови мелодию Века.	Перед коброй дремлет в тюрбане.
И увидишь в звёздном эфире	
Весь Земной Расклад Человека.	То — нагонит тоски могильной —
	Беспредельной, нечеловечьей.
Время — то озлобившись жутко —	То — восторженно грянет гимны.
Загрозочет на барабане.	То — затеплит Надежды свечи.

И в спиральных ревущих Галактик
Мы несёмся со скоростью Света.
То — смеяться, а то — и плакать
Заставляет Солнечный Ветер.

Ты — мишень вселенского тира?
Стрелка, чувствующая вектор?
Угадай стратегию Мира.
Улови мелодию Века.

По временам и местам

Ну, начну я бродить по местам,
Тем, что сердце помнит всегда.
Припаду я устами к устам
Родников — где живая вода.

Уследить невозможно за мной —
Ветер действует не по уставу.
Я пустился в свой путь земной,
Дом родимый навек оставив.

Моя жизнь — как цветной ковёр —
Из бесчисленных нитей связана.

У себя я — безжалостный вор —
Часто крал из души алмазы.

Часто верил пустым словам,
Продавал подлецам улыбку,
В мутной луже порой ловя
Золотую — казалось — рыбку.

Но Великой Природы дары
Получал я по полной программе.
Выбирался из чёрной дыры
И молился в Священном Храме.

* * *

... Окунусь в Океаны вины,
Поплыву по волнам веселья.
... Вот — смердят руины Войны
И сквозь них пробивается зелень...

Вот — мелькают, как на экране,
Чёрно-красные блики огня,
Озарившие детство раннее...
И — волшебная грива коня,

И ночёвки в степи глухой,
И бескрайней тундры болота,
Над тайгою — полёт лихой,
Хохот выпившего пилота,

Завыванья морских стихий,
Восходящего солнца приветы,
Наплывающие стихи,
В дебрях — хлёткие плети веток,

Незнакомцы в чужих городах,
Сон глубокий в лесной избушке,
И бича-чудака борода,
Крепкий чай, поднесённый в кружке,

Выстрел — падающий олень,
В Бесконечность плывущие Звёзды,
И ночная Всемирная лень —
Льётся в лёгкие вольный воздух!

* * *

Рюкзаков свинцовое бремя,
Гор бесчисленные табуны,
И кругами плывущее Время,
И свиное око Луны,

Недра старой Земли разъятые,
И холодная жёлтая глина,

И прощальные милой объятья,
И печаль на тропинках длинных,

Ветра шёпот в кедровых вершинах
И осенняя красота,
Пыль дорог у машин на шинах,
Благодать золотая — Креста,

И заброшенные дороги,
С детства тополь любимый мной,
И друзей похоронные дроги,
И таинственный мир иной,

Свежесть острая раннего утра,
И листвы восхитительный лепет,
Огоньки далёкого хутора,
Сладкий вкус деревенского хлеба,

И церковные вечные своды,
На ручьях — прозрачный ледок,
И поющие вешние воды,
И восторга в груди холодок,

И ребята, сидящие тесно
У костра среди вечной ночи,
Под гитару — Высоцкого песни,
И весёлые «чёрные очи»...

* * *

Как работалось и как нам пелось!
Жизнь! Весёлая голова!
Словно зёрна — тяжёлая спелость —
Наполняет теперь слова.

Путь Великий, в котором — нет ли?
Ни начала и ни конца...
Всех дорог паутинные петли
Не запутают бег гонца.

Свет великий! Он ярко светит
Всем, открывшим заветные двери,
Всем на том и на этом свете,
Всем — кто в Господа верит и верит...

Я — вам — глаз, глядящий беспечно,
Я — вам — конь, летящий над миром,
Я — вам — пламя, горящее вечно,
Я — вам — вечно звенящая лира.

Среди вас я — в поток вошедшие.
Пью я воду того же источника.
Настоящее, будущее, прошедшее —
Всё — одно. Уверен я. Точно так.

ВЛАДИМИР ХОДИЙ

Литературная хроника Прибайкалья 1937-1991 годы*. Часть 1

1937 год

1 января. Литературный конкурс на лучшие повесть, рассказ, стихи, отражающие современную жизнь, объявили Восточно-Сибирское книжное издательство и правление организации Союза советских писателей. Премированные произведения будут напечатаны в альманахе «Новая Сибирь».

29 января. Встреча писателей со стахановцами и инженерно-техническими работниками состоялась на заводе имени Сталина. На ней со своими произведениями выступили И. Гольдберг, А. Балин, П. Петров, Е. Жилкина, И. Молчанов. Стихи прочитали также заводские литкружковцы.

— Издана новая книга «В гостях у Горького» авторов знаменитой «Базы курносых». Она вышла тиражом 15 тысяч экземпляров под редакцией поэта И. Молчанова.

12 февраля. Торжественное заседание, посвященное памяти великого русского поэта А.Пушкина, состоялось в областном драматическом театре. В президиуме первый секретарь обкома ВКП (б) М.Разумов, председатель облисполкома Я. Пахомов. После доклада, который сделал ответственный редактор газеты «Восточно-Сибирская правда» Е. Шапиро, выступили писатель П. Петров, поэт И. Молчанов, а главный режиссер драмтеатра Н. Буторин прочел стихотворение Э. Багрицкого «Пушкин». Участники собрания высказали предложение присвоить имя поэта областной библиотеке и недавно построенной школе № 47.

20 мая. До недавнего времени в областной писательской организации видную роль играли писатели И. Гольдберг, П. Петров и поэт А. Балин. Правление организации возглавлял бывший заведующий областным отделом народного образования М. Басов. Теперь эти литературные «корифеи» разоблачены как враги народа.

28 ноября. Вышел и поступил в продажу изданный областным книжным издательством сборник стихов поэта К.Седых «Родная степь». В сборнике лирические стихи и поэма на историческую тему о Нерчинской каторге.

22 декабря. В системе народного образования Аларского аймака до последнего времени продолжали орудовать враги народа — троцкисты и буржуазные националисты. В десятилетке улуса Алзохига заведующим учебной частью назначен

---

*Составлена на основе книг автора: *Время газетной строкой. Летопись Иркутской области. 1937-1981 годы.* — Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2022. — 640 с. и *Время строкой ТАСС. Летопись Иркутской области. 1981-2011 годы.* — Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2015. — 592 с.

и работает по сей день Валентин Вампилов, в прошлом один из активных руководителей контрреволюционной организации. Благодаря беспечности аймачного комитета партии, отсутствию какого-либо руководства со стороны отдела народного образования, обнаглевшая банда врагов народа, возглавляемая Вампиловым, довела школу до полного развала.

— Выходит из печати изданный областным книжным издательством первый том сочинений старейшего сибирского писателя И. Оммулевского. Второй том, куда вошли его стихотворения, уже увидел свет. В первом томе — проза. В романе «Шаг за шагом», действие которого разворачивается в старом Иркутске (в тексте — губернский город Ушаковск), автор рисует сибирскую действительность конца XIX века.

24 декабря. Подведены итоги объявленного в начале этого года областной писательской организацией и книжным издательством конкурса на лучшие произведения в прозе и стихах. В прозе жюри решило первую и вторую премии не присуждать. Третьи премии получили С. Марголис за рассказ «Далеко от Москвы» и Ю. Федоров за рассказ «Как допели песню». Первая премия за стихи также никому не присуждена. Вторую вручат К. Седых за цикл стихотворений «На родине». Третьи получают И. Луговской за стихотворение «Девушка на аэродроме» и Ю. Федоров — за стихотворение «Молодой матери». Решено установить две четвертые премии, которые вручаются В. Медведю за цикл «Пограничная зона» и Е. Жилкиной за стихотворение «Разговор с сыном». Часть произведений остальных авторов рекомендовано напечатать в альманахе «Новая Сибирь».

1938 год

13 февраля. Только один литературный вечер проведут в помещении театра юного зрителя художники слова из Москвы Натан Эфрос и Петр Ярославцев. В программе Пушкин, Чехов, Некрасов, Вересаев, Маяковский и другие.

30 мая. Выпускается в свет областным книжным издательством поэма А. Ольхона «Большая Ангара». В ней показана старая каторжная Сибирь и Гражданская война в Прибайкалье.

23 июля. В отделении Союза советских писателей прошел творческий вечер поэта, автора изданных в Иркутске стихотворных сборников «Огнеупор», «Покорение тайги», «Зарядка» Василия Непомнящих.

30 сентября. Начал посещать литературный кружок завода имени Сталина начинающий поэт Василий Федоров. Он прибыл на завод по распределению после окончания Новосибирского авиационного техникума.

1939 год

18 января. «Стихи и легенды о Байкале» — так называется сборник, выпущенный Иркутским областным книжным издательством. Его составили и подготовили к печати ученый-фольклорист А. Гуревич и поэт И. Молчанов-Сибирский. Сборник открывается разделом «Каторга и ссылка», второй рассказывает о борьбе за советский Байкал и так далее. В книге помещено несколько вариантов легенд о Шаманском камне, дочери Байкала Ангаре, острове Ольхон.

20 января. Рекомендовать в члены творческого союза поэта А. Ольхона, автора сборника поэм «Большая Ангара», фольклориста А. Гуревича, кандидатами в члены союза — Г. Кунгурова, автора повестей «Топка» и «Артамошка Лузин», и А. Калининко, написавшего книгу об Ангаре «Аквамариновая река», — постановило бюро областной организации Союза писателей СССР.

6 февраля. К открытию XVIII съезда партии областной театр юного зрителя готовит спектакль по пьесе «Высота Советская», написанной П. Маляревским и И. Молчановым-Сибирским. Постановка расскажет о героическом подвиге красноармейцев и командиров Красной Армии, давших сокрушительный отпор японской военщине на озере Хасан.

3 апреля. Литературный вечер, на котором с творческим отчетом выступил писатель Г. Марков — автор выходящего в этом году романа «Строговы», состоялся во Дворце труда областного центра. Рассказав о пятилетней работе над ним, Марков, не ограничившись сухим фактическим материалом, раскрыл методы своей работы, познакомил собравшихся со своей писательской лабораторией. Живо и интересно он рассказал о своих встречах с писателями И. Бабелем, П. Павленко, А. Макаренко, давшими отзыв о его романе.

15 апреля. Сборник стихов «Родной партии» готовится выпустить к XVIII съезду ВКП (б) Иркутское областное книжное издательство. Своеобразная записка в нем — стихотворение И. Молчанова-Сибирского «Когда открывается съезд». В сборнике также помещены поэтические произведения К. Седых, И. Луговского, А. Ольхона, Е. Жилкиной и других.

16 августа. Первые стихи и очерки опубликовал в многотиражной газете Иркутского завода имени Сталина молодой поэт Василий Федоров. Одно стихотворение, «К матери» — в областной газете «Советская молодежь».

1940 год

30 января. Путевые очерки и письма родным и знакомым А. Чехова к 50-летию его известного путешествия на Сахалин под названием «По Сибири» выпустит в свет областное книжное издательство.

18 февраля. Творческий вечер писателя Г. Маркова прошел в Иркутском педагогическом институте. Выступившие на вечере отмечали, что герои создаваемого им романа «Строговы» «жизненно правдивы, и роман безусловно войдет в большую советскую литературу». Приглашенные на вечер артисты драматического театра прочитали отрывки из первой книги романа, а сам автор — главу из второй книги.

4 марта. «Сибирский литературный календарь» библиографа В. Жеребцова готовит к печати областное книжное издательство. Это краткий биографический и библиографический справочник о крупнейших сибирских писателях и писателях не сибирских, но творчество которых связано с Сибирью от конца XVII века до наших дней.

14 марта. В актовом зале педагогического института состоялся творческий вечер поэта Константина Седых. Выступавшие отмечали особую ценность исторического цикла его стихов, в которых отразилась Сибирь каторги и ссылки, героическая борьба партизан с белогвардейцами и интервентами. Сам автор прочел несколько лирических стихов и, отвечая на многочисленные вопросы присутствующих, сказал, что сейчас работает над историческим романом «Даурия».

17 марта. Начался сбор экспонатов создаваемого литературного музея Восточной Сибири. Поэт И. Молчанов-Сибирский передал ценный материал о «Базе курносых», в том числе известное письмо ребятам М. Горького и ряд фотографий, где они изображены вместе с писателем. Областное государственное издательство подарило будущему музею 28 изданных в Москве книг иркутских писателей, некоторые из них уже стали библиографической редкостью. Сами писатели тоже передают свои рукописи и книги.

11 мая. Творческий вечер бурят-монгольского сказителя Аполлона Тороева прошел на его родине — в административном центре Боханского аймака. Он прочитал отрывки из героического эпоса о Шонэ-батыре, рассказал одну из народных сказок, пропел несколько своих новых песен. На вечере выступили прибывшие из Иркутска фольклористы А. Гуревич, М. Мельхеев и поэт И. Луговской.

12 мая. Спектакль по пьесе П. Маляревского на мотивы бурятского фольклора «Счастье» показал зрителям областной драматический театр. Режиссер-постановщик Г. Боганов, в главных ролях артисты М. Леонтьев (Аламжи), О. Волин (хан), И. Матвеев (Церен).

12 июня. Встреча пограничников и местных жителей с бригадой поэтов и писателей Иркутска — И. Молчановым-Сибирским, А. Ольхоном, И. Луговским и Г. Марковым — состоялась в клубе железнодорожной станции Отпор в Забайкалье.

21 декабря. Отправилась в специальную поездку по Восточно-Сибирской железной дороге группа иркутских писателей. В течение месяца они познакомятся с работой важнейших участков магистрали, встретятся с людьми, проведут литературные встречи в клубах и школах. В составе группы И. Молчанов-Сибирский, И. Луговской, А. Ольхон, Г. Марков и К. Седых. Творческим итогом поездки станет книга очерков.

1941 год

6 февраля. Встречей писателей с командирами, политработниками и их семьями открылся месячник культурного обслуживания Иркутского гарнизона. Аудитория Дома Красной Армии тепло встретила выступления Г. Маркова, И. Молчанова-Сибирского, А. Ольхона, И. Луговского, прочитавших ряд своих оборонных произведений. С большим успехом прошли выступления солистов областного радиокомитета, исполнивших песни поэтов, музыку для которых написал композитор Г. Ланэ.

16 мая. Литературный вечер, посвященный творчеству талантливого земляка, народного улигерши Аполлона Тороева, прошел в Боханском аймачном Доме культуры. К этому событию подоспел выход в свет его первой книги сказок и песен.

27 июня. Военная комиссия отделения Союза советских писателей созывает сегодня общегородское совещание писателей, начинающих авторов и литкружковцев. В повестке дня — доклад председателя комиссии И. Молчанова-Сибирского «Задачи литературы в условиях Великой Отечественной войны».

10 июля. Выпуск первой оборонной программы на тему Великой Отечественной войны по монтажу П. Маляревского спешно готовят артисты областного драматического и Бодайбинского театров, филармонии и других коллективов. Она рассчитана для постановки в клубах, красных уголках, на предприятиях во время перерывов, перед началом киносеансов, после митингов и собраний.

22 июля. Сборник песен, маршей и стихотворений «За Родину, за честь, за свободу», посвященный Великой Отечественной войне, выпущен областным книжным издательством. В нем участвуют поэты и писатели А. Ольхон, И. Молчанов-Сибирский, М. Тимофеев-Терешкин, К. Седых, М. Рыбаков, А. Гайдай, Е. Жилкина, П. Маляревский. Художественное оформление Н. Шабалина.

27 июля. Торжественный вечер-концерт, посвященный 100-летию со дня гибели великого русского поэта-патриота М. Лермонтова, состоялся в Иркутске. Его открыл председатель областного Лермонтовского комитета поэт А. Ольхон, с докладом выступил секретарь обкома ВКП (б) И. Рассказов. В концерте прозвучали произведения поэта «Бородино», «На смерть поэта», «Думы», «Отчизна».

31 июля. Выпущен бригадой художников, писателей и журналистов Иркутска первый номер «Агит-окон ТАСС», посвященный Отечественной войне.

8 августа. «За Советскую Родину» — так называется литературно-музыкальный монтаж иркутского драматурга П. Маляревского, сделанный по произведениям поэтов Маяковского, Симонова, Суркова, Асеева и песен композиторов Дунаевского, Покраса, Блантера, Дзержинского. Весь монтаж, исполняемый не только с театральной сцены, но и во многих клубах и садах города, проникнут верой в победу. Режиссер — В.Бурдин, исполнители — актеры областного драматического театра и филармонии.

5 октября. Второй сборник оборонных стихов сибирских поэтов под названием «Бомба и знамя» выпущен Иркутским книжным издательством. Эпиграфом к нему взяты строки В. Маяковского «Песня и стих — это бомба и знамя». Авторы сборника — К. Седых, И. Рождественский, И. Молчанов-Сибирский, Е. Жилкина, А. Ольхон, А. Гайдай и другие.

8 октября. К постановке на сцене боевых теа-сборников приступил областной драматический театр. В первый выпуск включены монтаж П. Маляревского по произведениям М. Лермонтова и В. Соловьева «1812», одноактная пьеса «Мы их не звали в нашу страну», очерк В. Василевской «Дети», оборонные частушки, фельетон И. Эренбурга.

26 октября. Подготовило для библиотек военных госпиталей 15 книжных наборов Иркутское отделение Союза советских писателей. В них вошли отдельные издания и сборники писателей и поэтов Восточной Сибири, в том числе все книги Иркутского издательства, вышедшие за последние четыре месяца.

1942 год

27 июня. Большой литературный вечер пройдет 28 июня в иркутском Доме Красной Армии. Его откроет представитель Союза писателей СССР С. Мстиславский. Писатели Забайкальского военного округа и Иркутска Г. Марков, И. Молчанов-Сибирский, А. Ольхон, К. Седых и другие выступят с чтением произведений, посвященных Великой Отечественной войне.

5 июля. Началась работа над созданием антологии «Сибирь в Отечественной войне», сообщил на конференции областной писательской организации председатель военной комиссии Г. Кунгуров. С отчетным докладом об итогах творческой работы за год войны выступил ответственный секретарь организации А. Ольхон, с ее критическим обзором — представитель Союза советских писателей С. Мстиславский.

9 августа. Объявили конкурс на лучшие произведения, отражающие участие трудящихся области в Отечественной войне (фронт и тыл), областной радиокomitee и отделение Союза советских писателей. В прозе — на рассказ и художественный очерк, в поэзии — поэму, цикл и отдельное стихотворение.

20 сентября. Конкурс на лучшую одноактную пьесу, в которой бы отразились темы Отечественной войны, объявил областной отдел культуры совместно с отделением Союза советских писателей и областным Домом народного творчества. В конкурсе могут принять участие как профессиональные писатели, так и начинающие авторы.

7 октября. «С подарками на фронт» — называется книга, выпущенная областным издательством. Писатель Г. Кунгуров рассказывает о поездке в действующую армию делегации области, встречах с бойцами и командирами. Автор, лично видевший гитлеровских бандитов, рисует их в главах «Пленные» и «Мораль скотов».

3 ноября. Сегодня в областном драматическом театре премьера спектакля по одной из лучших пьес, созданных советской драматургией с начала Великой Отечественной войны, — «Фронт» А. Корнейчука. Также к 25-й годовщине Октябрьской революции готовит премьеру театр музыкальной комедии — по пьесе П. Маляревского «Под небом Праги».

17 ноября. Подведены итоги литературного конкурса, объявленного областным радиокomitee и отделением Союза советских писателей. Единственная по разделу прозы премия (вторая в сумме 1000 рублей) присуждена за рассказ «Плавка № 2063» молодому автору Е. Хмельницкой. По разделу поэзии лучшим оказался цикл стихов И. Молчанова-Сибирского («Яблонька», «Письмо дочери» и другие).

1943 год

17 января. Защита диссертации писателем Г. Кунгуровым на тему «Литературные интересы сибирского общества XVIII-XIX веков» состоялась в Иркутском госуниверситете. Официальными оппонентами на ней выступили доктор филологических наук профессор М. Азадовский и кандидат исторических наук Ф. Кудрявцев, а в прениях — кандидат исторических наук доцент М. Гудошников, поэт А. Ольхон. На защите присутствовало около 200 человек. Ученый совет присвоил Г. Кунгурову степень кандидата филологических наук.

14 февраля. Вышла из печати первая книга романа К. Седых «Даурия», посвященного участию забайкальского казачества в Октябрьской революции и Гражданской войне.

24 апреля. Скончался после тяжелой болезни в Иркутске известный советский писатель, автор романа «1917 год» и повести «Грач — птица весенняя» С. Мстиславский.

4 июля. Заслушаны творческие отчеты членов организации на собрании писателей Иркутска. Г. Марков сообщил, что в ближайшее время закончит вторую книгу романа «Строговы». К. Седых работает над продолжением романа «Даурия» и готовит к печати книгу стихов. Также о своих планах рассказали Г. Кунгуров, А. Кузнецова, Б. Костюковский и другие.

1944 год

21 марта. Творческая конференция писателей Восточной Сибири начинает работу в Иркутском Доме Красной Армии. Кроме хозяев, в ней участвуют поэты и писатели Бурят-Монгольской АССР и Забайкальского фронта.

2 апреля. «Освоим бычковый промысел на Байкале» — книгу под таким названием написал ученый-ихтиолог Д. Талиев, и ее выпустило Иркутское областное издательство. «Бычок до сих пор не был в почете, считался за «мелкую рыбешку». Между тем это вкусная, питательная рыба, ее можно ловить без особых трудов, любыми средствами — удочкой, вентерями, сетями, неводом, сачками и даже «вилкой». Рыбаки гослова, колхозов, любители и школьники в дни каникул — все должны заняться бычковым промыслом», — отозвался о содержании книги поэт А. Ольхон.

— Прошел в атмосфере тесного содружества работников культуры и искусства большой вечер в областном центре, названный «Литературно-музыкальный альманах». В исполнении солистов, хора и оркестра Киевского академического театра оперы и балета имени Т. Шевченко прозвучали произведения иркутских композиторов Г. Ланэ, Э. Хинкиса, Л. Гурова, Ю. Матвеева, Д. Розенцвейга, Л. Левитовой на слова поэтов К. Седых и И. Молчанова-Сибирского. Тепло приняла аудитория и выступления писателей Г. Маркова, Г. Кунгурова, А. Ольхона.

11 апреля. Посетил ряд колхозов Эхирит-Булагатского аймака, а также встретился с рабочими и интеллигенцией окружного центра певец бурят-монгольского народа улигершин Аполлон Тороев. Он познакомил собравшихся со своими новыми произведениями. Особенно большое впечатление на слушателей произвели его глубоко патриотичные сказы «Тулаев-батор», «Советский герой», «Сталинград».

16 июля. 40-летие со дня смерти А. Чехова вылилось в знаменательное событие в жизни областного центра. На здании рядом с бывшей гостиницей «Амурское подворье», где проездом на Сахалин жил писатель, ему установлена мемориальная доска с бронзовым барельефом работы скульптора Л. Дубиновского. По этому случаю у дома на углу улиц Карла Маркса и Фурье состоялся митинг с участием работников слюдяной, швейной фабрик, других предприятий города, интеллигенции, студентов и преподавателей вузов, представителей партийных, советских и комсомольских органов.

15 октября. Три года назад — в начале Великой Отечественной войны — группа иркутских художников под руководством заслуженного деятеля искусств, профессора Д. Штеренберга выпустила значительным тиражом первый номер «Агит-окон ТАСС». Мастера кисти вместе с поэтами К. Седых и А. Ольхоном все свои творческие силы и опыт переключили на борьбу с заклятым врагом. Отдельные выпуски «Окон» были посвящены труженикам Черембасса, весенним полевым работам, уборке урожая и так далее. Всего выпущено около 500 рисунков с текстами.

17 ноября. По случаю 100-летия со дня смерти И. Крылова Иркутский театр юного зрителя принял к постановке театральную композицию «Не в бровь, а в глаз» по произведениям великого баснописца. Композицию в форме эстрадного представления подготовил писатель П. Маляревский на основе басен «Лисица и ворона», «Кот и повар», «Квартет» и других.

17 февраля. Вышла в свет после значительного перерыва 15-я книга альманаха «Новая Сибирь». Она открывается статьей секретаря обкома ВКП (б) по пропаганде М. Смирнова «Иркутские писатели в дни Отечественной войны». Проза представлена четырьмя именами, в том числе С. Мстиславского, поэзия — К. Седых, А. Ольхона, И. Молчанова-Сибирского, А. Гайдая, М. Рыбакова, Е. Жилкиной, И. Луговского и других.

17 апреля. Показал спектакль по пьесе П. Маляревского «Падение острова Блютенбайль» областной театр юного зрителя. Постановка овеяна романтикой, в ней много фантастики, герои располагают к себе благородством, находчивостью и мужеством.

18 мая. Во время очередной «Литературной среды» в редакции «Восточно-Сибирской правды» была продемонстрирована компактная походная радиостанция армейского типа. Другую подобную станцию установили на автомашине, которая находилась в районе долины реки Каи, и между ними в присутствии собравшихся радисты открыли двухстороннюю разговорную связь. В заключение был показан звукозаписывающий и звуковоспроизводящий аппарат. Он записал выступления на «Литературной среде» поэта К. Седых и художественного руководителя облдрамтеатра Н. Медведева и тут же их воспроизвел.

— Совершил большую творческую поездку по Осинскому аймаку бурят-монгольский сказитель Аполлон Тороев. За месяц он побывал в 23 сельхозартелях, где выступил с чтением своих новых произведений. Собранные на литературных вечерах деньги в сумме 1500 рублей он передал в Фонд помощи детям фронтовиков.

13 июля. Областной отдел искусств и отделение Союза писателей объявили конкурс на лучшее драматургическое произведение для театров драматических, музыкальной комедии и юных зрителей. На конкурс могут быть представлены пьесы на темы жизни Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны и в новый период мирного развития, прошлого Сибири и Дальнего Востока, пьесы, поднимающие темы любви, дружбы, семьи, музыкальные комедии на любую тему по выбору автора.

19 октября. Ряд писателей и поэтов Восточной Сибири во время военных действий против Японии находились непосредственно в частях действующей армии и сейчас готовятся к творческим отчетам о пребывании на фронте. Г. Марков пишет повесть «Солдат пехоты», И. Молчанов-Сибирский, И. Луговской, А. Гайдай — циклы стихов, Б. Костюковский публикует очерк о боевых буднях Забайкальского фронта.

25 ноября. Сборник песен народов Восточной Сибири — бурят, якутов, эвенков (тунгусов), ненцев (самоедов), нганасанов и эвенков (ламутов) — выпускает к предстоящим выборам в Верховный Совет СССР Иркутское книжное издательство. В нем три раздела: Великая Отечественная война, песни труда, лирические и бытовые. Переводы, включенные в книгу, — итог 15 лет работы собирателя и исследователя национального фольклора поэта А. Ольхона.

4 декабря. В гарнизонном Доме офицеров состоялась встреча иркутских писателей с офицерами гарнизона. Гости Г. Кунгуров, Б. Левантовская, А. Ольхон, А. Шмаков выступили с рассказами о творческих планах и чтением своих произведений.

1946 год

2 апреля. После окончания войны в литературное объединение молодых авторов при областном отделении Союза советских писателей влилось немало новых людей разных возрастов, образования, профессий. Наиболее зрелые стихи и поэмы пишут вернувшиеся с фронта офицеры Л. Стекольников, Ю. Левитанский, а также молодые поэтесса Б. Левантовская и работник Дворца культуры завода имени Сталина В. Стародумов. Способными прозаиками показали себя рабочий завода имени Сталина М. Васильев, военврач Е. Баранчикова и особенно ихтиолог рыбтреста О. Серова, написавшая книгу новелл о Байкале.

5 апреля. Спектакль по пьесе П. Маляревского «Костер», посвященной послевоенной Сибири, поставил областной драматический театр. Герой спектакля — вернувшийся с фронта молодой врач. Как отметил поэт А. Ольхон, «“Костер” — глубоко правдивое и искреннее оптимистичное произведение. Постановка его на сцене нашего театра с большими чувствами встречена зрителем».

20 апреля. Выпускает много новинок в этом году областное книжное издательство. Увидят свет книги Г. Кунгурова и И. Сороковикова о Монголии — «Аратская революция», А. Ольхона — о пребывании Фрунзе в Сибири, исторический очерк Ф. Кудрявцева «Город Иркутск», труд профессора М. Кожова о животном мире Байкала. По договору с издательством В. Шерстобоев пишет книгу «Илимская пашня XVII-XVIII веков». Художественная литература насчитывает 15 названий, в том числе вторая книга Г. Маркова «Строговы».

16 июля. Чтение и обсуждение пьесы молодой иркутской писательницы Б. Левантовской «Дмитрий Стоянов» прошли в областном драматическом театре. Итоги подвел его художественный руководитель М. Ляшенко, отметивший актуальность темы и выразивший желание поставить пьесу. Для этого автору рекомендовано доработать образы отдельных героев, особенно главного — Дмитрия Стоянова.

15 сентября. Подведены итоги объявленного облисполкомом конкурса на лучшую пьесу для театров области. Жюри рассмотрело произведения 20 авторов из разных сибирских областей. Первую премию решено не присуждать, а второй (15 тысяч рублей) удостоен П. Маляревский, написавший пьесу «Костер», известную по постановке в Иркутском областном драматическом театре. Третью премию поделили авторы из городов Новосибирска и Бийска (Алтайский край). Жюри конкурса рекомендовало облдрамтеатру включить в план пьесу Б. Левантовской «Дмитрий Стоянов».

24 сентября. Вопросам идеологической работы, задачам, вытекающим из постановлений ЦК ВКП (б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», о репертуаре драматических театров и о кинофильме «Большая жизнь», посвящено состоявшееся в Иркутске собрание писателей, творческих работников театров, художников и преподавателей общественных наук вузов города. В докладе, с которым выступил секретарь обкома ВКП (б) по агитации и пропаганде М. Смирнов, сурово критиковались лишённая всякого общественного смысла и полная тоски поэзия Е. Жилкиной, произведения Б. Костюковского, искажающие советскую действительность, увлечение историческими темами писателей Г. Кунгурова, Г. Маркова и К. Седых, стихи А. Ольхона, не показывающие современного человека, постановки облдрамтеатра «Проклятое кафе» и ТЮЗа — «Преступление на улице Марата», недостатки в работе областной филармонии.

2 октября. Создали ряд новых музыкальных произведений иркутские композиторы Г. Ланэ и Ю. Матвеев. Первым написаны для хора и фортепиано «Песня о Славе» и «День Победы» на слова поэта А. Ольхона и одна прелюдия. Второй работает над музыкой к пьесе Б. Лавренева «За тех, кто в море», и еще одно его произведение посвящено сюжету из эпохи Отечественной войны 1812 года.

9 октября. Литературно-музыкальный лекторий по примеру прошлого года открывает в Иркутске областная филармония. Намечены циклы лекций о музыке и литературе, иллюстрируемые выступлениями артистов филармонии, радио и театров. К работе лектория привлекаются профессора А.В. Абрамович, С. Баранов, доцент А.Ф. Абрамович, музыковед В. Сухиненко и другие. Вечера лектория будут проходить в актовом зале педагогического института и затем повторяться в Доме культуры завода имени Сталина, авиатехучилище и Доме офицеров.

12 ноября. К новому году в областном центре откроется Дом работников искусств, литературы и науки. Решение об этом принял облисполком. Дому передастся помещение по улице Литвинова, дом 1.

1947 год

7 мая. Приобрела библиографическую редкость — поэму известного писателя XVIII века М.Хераскова «Россиада», изданную в 1779 году, — научная библиотека Иркутского университета. Книга была напечатана в Императорском Московском университете, и на ее титульном листе сделана надпись: «Из библиотеки Иркутской семинарии».

21 октября. Прошло в областном отделении Союза советских писателей обсуждение очерков поэтессы Е. Жилкиной, которая в течение лета нынешнего года работала в одной из геологоразведочных партий в Восточных Саянах. Выступившие указали автору на отдельные недостатки очерков и рекомендовали к опубликованию их в альманахе «Новая Сибирь».

— Объединение молодых прозаиков, поэтов, драматургов, критиков с целью усиления помощи им создается при областной организации Союза советских писателей. Руководит объединением писатель Г. Марков.

18 ноября. Несколько публичных лекций организует до конца года областное отделение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. В их числе «Литература советской Сибири за 30 лет» (писатель Г. Марков), «Достижения советской физики» (профессор И. Парфионович), «Конституция СССР и ее международное значение» (председатель облисполкома И. Никольский).

1948 год

20 марта. 25 начинающих авторов вступили в литературное объединение, созданное при областном отделении Союза советских писателей. Занятия проходят по воскресеньям, руководит ими писатель Г. Марков. Уже прочитаны и обсуждены стихи студентов М. Гантвангера и Р. Смирнова, рассказы служащего И. Дворецкого и других молодых поэтов и прозаиков.

30 апреля. Первый сборник стихов «Солдатская дорога» молодого поэта Ю. Ле-

витанского выпустило Иркутское книжное издательство. Также увидела свет новая книга стихов А. Ольхона «Окраины малой Отчизны».

11 августа. Обсудили новый вариант пьесы П. Маляревского «Испытание чувств» художественный совет областного драматического театра совместно с отделением Союза советских писателей. Поэты И. Молчанов, А. Гайдай, Ю. Левитанский, актриса Г. Крамова, режиссер З. Вин и другие высказали мнение, что тема пьесы актуальна, она имеет большое воспитательное значение.

8 октября. Песни, посвященные 30-летию комсомола, написали иркутские поэты. И. Молчанов подготовил «Песню об Ангаре» и «Походную песню сибирских пионеров», А. Ольхон — «Марш лесорубов» и «Молодую рыбачку», А. Гайдай — «Вальс десятиклассников», И. Луговской — «Колхозную», Ю. Левитанский — «Сибирскую студенческую» и «Песню о Сибири». Музыка к текстам пишут иркутские композиторы Г. Ланэ, Ю. Матвеев, Э. Хинкис, П. Гоголев.

3 ноября. Обсуждение новой пьесы драматурга П. Маляревского «Канун грозы», посвященной периоду, предшествовавшему расстрелу горняков Лены в 1912 году, состоялось в областном комитете ВКП (б). Высказано единодушное мнение, что тема для театра нужная, представляет интерес. Вместе с тем, в пьесе есть серьезные недостатки и недоработки. В обсуждении приняли участие работники искусства, писатели, журналисты, работники обкома партии, представители общественности.

1949 год

19 марта. С возмущением и гневом говорилось о космополитах и их приспешниках на прошедшем в областном центре собрании писателей, художников, артистов, музыкантов и других творческих работников. С докладом на нем выступила секретарь горкома ВКП (б) Г. Мусина. В обсуждении приняли участие писатель Г. Марков, главный режиссер театра музыкальной комедии А. Орлов, заведующий кафедрой литературы госуниверситета А. Абрамович, ответственный редактор газеты «Восточно-Сибирская правда» С. Бройдо и другие.

30 апреля. Роман «Даурия» Константина Седых — плод его 15-летнего труда — выпустило в свет областное книжное издательство. Как считает автор, обсуждение первой части романа, которое прошло еще в 1940 году в правлении Союза советских писателей, помогло ему и вдохновило на дальнейшую работу.

1 июня. В областном отделении Союза советских писателей состоялось обсуждение романа начинающего писателя Ф. Таурина «В глубоком тылу». Автор — директор одного из предприятий столицы Якутской АССР — описывает жизнь коллектива завода в годы Великой Отечественной войны. Принявшие участие в обсуждении писатели Г. Марков, И. Молчанов-Сибирский, А. Кузнецова, А. Ольхон и другие признали работу начинающего коллеги интересной, высказав ряд замечаний и пожеланий.

7 июня. Торжественное заседание, посвященное 150-летию со дня рождения А. Пушкина, прошло накануне в областном драматическом театре. С докладом выступил заместитель председателя областного отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, писатель Г. Кунгуров. После доклада состоялся театрализованный концерт по произведениям великого поэта.

26 июня. Рассмотрев пьесу П. Маляревского «Канун грозы», разрешил ее к постановке в театрах страны Главный экспертный комитет Министерства культуры СССР. Написанная для Иркутского областного драматического театра, она также включена в репертуар и готовится к постановке в столичном театре имени Моссовета. Пьеса посвящена одной из ярких страниц истории революционного движения — Ленским событиям 1912 года.

22 июля. Народный сказитель Бурят-Монголии Аполлон Тороев совершил поездку по населенным пунктам Черемховского и Усольского районов. Он выступил со старинными народными песнями, улигерами, отрывками героического эпоса «Шоно-батор», прочел собственные стихотворения и отрывки из последней поэмы «Генерал-герой Болдынов». С особым интересом выступления сказителя прошли в клубах и на полевых станах колхозов Одинского сельского Совета Усольского района, где проживают китойские буряты.

21 сентября. Областная конференция писателей открылась в Иркутске. Зал облдрамтеатра заполнили более тысячи представителей коллективов заводов, фабрик, колхозов, научных и учебных заведений, школ, библиотек, областных и городских партийных и советских организаций. Вместе с известными прозаиками, поэтами, драматургами на конференцию собрались начинающие писатели, литературный актив Иркутска, Черемхова, Усоля-Сибирского. Для участия в ней прибыли представители секретариата Союза советских писателей Б. Горбатов, В. Ажаев, С. Васильев, А. Яшин, С. Кожевников, критик Г. Колесникова, представители писательских организаций Красноярского и Хабаровского краев, Новосибирской области, Бурят-Монгольской и Якутской АССР. В повестке доклады первого секретаря обкома ВКП (б) А. Хворостухина «Перспективы развития Иркутской области и задачи писателей», Б. Горбатова «Советская литература после постановления ЦК ВКП (б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», ответственного секретаря Иркутского отделения ССП И. Молчанова-Сибирского о работе отделения.

26 октября. Сборник стихов Ю. Левитанского «Встреча с Москвой» выпустило областное книжное издательство. В него вошли песни о Сибири, стихи, тепло встреченные читателями и «Литературной газетой», — «День рождения», «Черты генерального плана», «Комсомольская юность», «В таежном гарнизоне» и другие.

11 ноября. Третье, заключительное обсуждение пьесы П. Маляревского «Канун грозы» с участием литературной и театральной общественности прошло в отделе пропаганды и агитации обкома ВКП (б). Автор исправил ряд недостатков в прежних текстах произведения, в том числе отказался от увлечения историзмом, облек материал в художественную форму, пьеса насыщена действием, она активна, политически остра, — отметили участники обсуждения.

30 декабря. Показал в дни 70-летия И. Сталина областной драматический театр свою новую работу — посвященный событиям 1912 года на Ленских золотых приисках спектакль «Канун грозы» по пьесе П. Маляревского. Его постановку осуществил главный режиссер театра, народный артист Белорусской ССР В. Головчинер, художник А. Ханамиров. В спектакле занят весь творческий состав театра.

31 декабря. К изданию в Иркутске «Библиотеки сибирских писателей» приступили отделение Союза советских писателей и областное книжное издательство. Серия включает 35 томов. Уже вышли в свет «Повести и рассказы» Г. Кунгурова и «Повести» А. Кузнецовой, на очереди — «Даурия» К. Седых, «Строговы» Г. Маркова, «Дерсу Узала» В. Арсеньева, «Великое кочевье» А. Коптелова, произведения других авторов от Урала до Тихого океана.

1950 год

3 января. За создание «Песни о нашем городе» исполком областного Совета наградил почетными грамотами композитора Ю. Матвеева и поэта Ю. Левитанского.

10 марта. Иркутскому писателю К. Седых постановлением Совета Министров СССР присуждена Сталинская премия второй степени за роман «Даурия».

6 августа. Поэтический сборник «За мир» выпустило областное книжное издательство. В нем стихи, посвященные борьбе за мир, в защиту детей, против поджигателей новой войны, написанные И. Молчановым-Сибирским, И. Луговским, А. Ольхоном, Ю. Левитанским, А. Гайдаем и другими авторами.

23 сентября. Решение о созыве в Иркутске в следующем году конференции молодых писателей приняло бюро обкома ВКП (б). Будут работать четыре секции — прозы, поэзии, детской литературы и критики. На состоявшемся заседании оргкомитета утвержден состав молодых авторов, произведения которых будут обсуждаться на конференции.

14 ноября. Творческий коллектив областного драматического театра начал работу над восстановлением спектакля по пьесе П. Маляревского «Канун грозы». Автор учел критические замечания, сделанные после прежней постановки, и внес в текст значительные изменения. Ряд ведущих ролей будет поручен новым исполнителям, изменится сценическое решение и оформление отдельных картин.

14 декабря. Завершается подготовка, и 17 декабря состоится премьера обновленного спектакля «Канун грозы» в областном драматическом театре. Как уже сообщалось, автор пьесы П. Маляревский внес в нее существенные изменения, и сам спектакль претерпел ряд новшеств, некоторые роли поручены новым исполнителям. В спектакль вводится оркестр. Композитор Ю. Матвеев заканчивает его музыкальное оформление.

1951 год

10 января. Конкурс на очерк и рассказ, отражающие коммунистическое строительство в СССР, труд, быт и культуру рабочих, колхозников и интеллигенции области, объявили редакция газеты «Восточно-Сибирская правда» и отделение Союза советских писателей. Лучшие из представленных произведений будут удостоены одной первой, двух вторых и двух третьих премий.

24 мая. Первая конференция молодых писателей области начнет работу в конце месяца в Иркутске. Участвовать в ней будут также представители писательских организаций Якутии, Бурят-Монголии, Приморья и других областей и краев. Из Москвы прибудет делегация правления Союза советских писателей в составе Л. Сейфуллиной, Г. Горностаева и М. Лисянского. Конференция продлится четыре дня.

31 мая. 75 начинающих поэтов и прозаиков участвуют в открывшейся в Иркутске первой областной конференции молодых писателей. Они прибыли из Черемхово, Тайшета, Тыретского и Боханского районов, из частей Восточно-Сибирского военного округа, Бурят-Монгольской и Якутской АССР. С докладом на конференции выступил писатель Г. Марков.

18 сентября. Состоялась областная конференция сторонников мира. С докла-

дом «Советский народ в борьбе за сохранение и укрепление мира» выступил поэт И. Молчанов-Сибирский. На конференции образован областной комитет защиты мира.

31 октября. Посетили Иркутск известный советский писатель Илья Эренбург и лауреат Международной премии мира чилийский поэт Пабло Неруда. Они побывали на Байкале, познакомились с работой лимнологической станции АН СССР. В теплой товарищеской обстановке прошла встреча гостей с иркутскими писателями. Эренбург рассказал о работе над новым романом «Девятый вал». Чилийский гость прочитал свои новые стихи, в том числе написанное в пути стихотворение «В поезде, идущем через Сибирь».

30 ноября. Подведены предварительные итоги объявленного в феврале нынешнего года редакцией газеты «Восточно-Сибирская правда» и областным отделением Союза советских писателей конкурса на лучший очерк и рассказ. Из почти 200 представленных рукописей жюри одобрило и рекомендовало к печати 16 и, кроме того, 20 авторам рекомендовано доработать свои произведения.

4 декабря. Поэт и драматург, лауреат Сталинской премии С. Михалков прибыл в Иркутск. Сегодня он выступит на литературном вечере в концертном зале областной филармонии. А накануне прошла его встреча с журналистами города. Гость рассказал о литературной и театральной жизни столицы, поделился творческими планами, ответил на многочисленные вопросы. В заключение Михалков прочел несколько своих басен.

5 декабря. Пионерский костер Мира торжественно зажжен на сцене областного драматического театра в присутствии почти тысячи мальчиков и девочек. Приветствовать детей пришли представители комсомола, коллективов трудящихся, общественности, писатели, в том числе прибывший в город на Ангаре поэт и драматург, трижды лауреат Сталинской премии С. Михалков.

1952 год

1 марта. Итоги конкурса на лучший очерк и рассказ, объявленного в феврале 1951 года, подвели редакция газеты «Восточно-Сибирская правда» и областное отделение Союза советских писателей. На суд жюри поступило 195 рукописей. По его решению второй премии удостоены инженер Ю. Федоров и врач В. Чуланов за рассказы «Подарок» и «За жизнь», третьей — учитель А. Бальбуров и директор Преображенской семилетней школы в Катангском районе И. Марков за рассказы «У нас в Зергетуе» и «Зимовье на Ченке».

18 марта. Сталинских премий за 1951 год удостоены за роман «Строговы» иркутский писатель Г. Марков, за пьесу «Канун грозы» — драматург П. Маляревский, за спектакль «Канун грозы» в областном драматическом театре — заслуженная артистка РСФСР Е. Баранова, артисты В. Лещев, Р. Юренева, Р. Байкова, В. Серебряков, А. Терентьев, Н. Харченко.

20 апреля. Вечера сибирской литературы состоятся в конце апреля в Москве. Для участия в них из Иркутска выехали писатели лауреат Сталинской премии Г. Марков, И. Молчанов-Сибирский, Г. Кунгуров, И. Луговской, Ю. Левитанский.

25 мая. Пьесу иркутского драматурга А. Самсония «Всходы гнева», разоблачающую лживость американской демократии и нравы жизни за океаном, поставил областной драматический театр. Режиссер спектакля — главный режиссер

театра В. Тихонович, в ролях заняты лауреат Сталинской премии А. Терентьев, заслуженная артистка РСФСР Г. Крамова, лауреат Сталинской премии, заслуженный артист РСФСР Н. Харченко и другие.

1953 год

4 мая. 50 лет со дня рождения исполнилось поэту И. Молчанову-Сибирскому. С юбилеем его поздравили руководители Союза писателей страны и коллеги-земляки.

1 июля. Ряд произведений новых авторов обсужден в последнее время в областной организации Союза советских писателей. Среди них роман работника Гражданской авиации Л. Кукуева о путях-дорогах молодых советских людей в годы Великой Отечественной войны. Между тем книги известных иркутских писателей начали издаваться в странах народной демократии: в Польше — «Строговы» Г. Маркова и «Повести и рассказы» Г. Кунгурова, в Чехословакии на словацком языке — «Даурия» К. Седых.

4 октября. Работу над новым большим романом «Соль земли» заканчивает писатель, лауреат Сталинской премии Г. Марков. В произведении показано, как в послевоенное время советские люди раскрывают и используют природные богатства, действующие в нем лица — ученые, охотники, краеведы, партийные работники. Полностью «Соль земли» намечена к опубликованию в альманахе «Новая Сибирь».

25 декабря. 60 лет исполнилось народному сказителю, автору замечательных улигеров, бурят-монгольскому поэту А. Тороеву. Он написал и опубликовал десятки поэм, в том числе «Сталин-багша», «Ленин-багша», «Советский герой», «Защита Москвы», «Тулаев-батор», «Генерал Балдынов» и другие. С 1939 года Тороев — член Союза советских писателей.

27 декабря. Большой труд по истории театра в Иркутске заканчивает драматург П. Маляревский. Исследование ведется с XVII века и до наших дней. Написана будущая книга в форме очерков. Автор использовал обширный материал, почерпнутый не только из литературы, но и из русской периодической печати.

— Объявили новый конкурс на лучший очерк и короткий рассказ редакция газеты «Восточно-Сибирская правда», отделение Союза советских писателей и областное книжное издательство. Он проводится с 1 января по 1 мая 1954 года. Для лучших произведений установлены одна первая премия, две вторых и три третьих.

1954 год

27 января. Побывали в райцентре Кутулик писатель, лауреат Сталинской премии Г. Марков и поэт-орденоносец И. Молчанов-Сибирский. Они встретились со старшеклассниками местной средней школы и в дружеской беседе познакомили их с творческими планами иркутских писателей и характером писательского труда. Особый интерес вызвали рассказы Г. Маркова о его поездке по стране и работе над романом «Соль земли» и И. Молчанова-Сибирского о Первом съезде советских писателей и встрече иркутских школьников с А. Горьким.

17 марта. Разговор о новых произведениях поэта Ю. Левитанского шел на «литературной пятнице» в областном отделении Союза советских писателей. Выступавшие отметили его творческий рост, наличие своего почерка. Вместе с тем товарищи по перу посоветовали Левитанскому расширить круг жизненных наблюдений, чаще обращаться к нашей сегодняшней действительности.

4 августа. За последнее пятилетие 150 раз в количестве, превышающем 3,5 миллиона экземпляров, изданы произведения писателей Иркутска. Их книги выходят в свет в Москве, во многих краях и областях нашей страны, а также в Германской Демократической Республике, Китае, Польше, Чехословакии, Болгарии, Венгрии, Монголии. А за 15 лет издания альманаха «Новая Сибирь» в нем опубликованы произведения 72 авторов, из которых 25 приняты в Союз советских писателей.

15 сентября. Свыше 200 работ поступило на конкурс, объявленный редакцией газеты «Восточно-Сибирская правда», отделением Союза советских писателей и областным книжным издательством. Подводя его итоги, жюри решило первую премию не присуждать. Второй премии удостоены рассказы писателя И. Дворецкого «Страницы дневника» и журналиста В. Пугачева «Первые шаги», третьей — очерк В. Шорора «День бетонного завода», рассказы учительницы школы участка Белый Свет Тангуйского района О. Левченко «Мачеха» и работника Братского химлесхоза В. Николаева «Незнакомый друг».

28 сентября. С московскими писателями поэтессой М. Алигер, драматургом А. Арбузовым и прозаиком Д.Осиным встретила литературная общественность Иркутска на очередной «пятнице» в областном отделении Союза советских писателей. Аудитория тепло приняла гостей. М. Алигер прочитала свои стихи, А. Арбузов — сцену из пьесы «Годы странствий».

7 октября. Состоялось в преддверии второго съезда Союза советских писателей отчетно-выборное собрание его Иркутского областного отделения. С докладом выступил ответственный секретарь отделения И. Молчанов-Сибирский. В работе собрания приняли участие секретари обкома КПСС А. Хворостухин и Б. Щербина и прибывшие из Москвы поэтесса М. Алигер, драматург А. Арбузов, прозаик Д. Осин. Делегатами на съезд избраны И. Молчанов-Сибирский, Г. Марков, Г. Кунгуров.

14 декабря. На очередной «Литературной пятнице» в областном отделении Союза писателей молодой поэт Петр Реутский познакомил с циклом лирических стихотворений и прочитал первую часть поэмы «Две судьбы», посвященную людям сибирских золотых приисков. Принявшие участие в обсуждении отметили несомненные способности автора, отдельные удачи, и вместе с тем указали на то, что он еще не нашел свой поэтический голос, критиковали за условное, схематическое изображение людей.

28 декабря. На завершившем в Москве работу втором съезде Союза писателей СССР в состав его правления избран иркутский писатель Г. Марков.

1955 год

26 февраля. На собрании литературного актива области, посвященном итогам второго съезда писателей СССР и задачам областной организации, с докладом выступил И. Молчанов-Сибирский. Он отметил, что «иркутские писатели в по-

следние годы стремятся в своих произведениях откликнуться на актуальные темы современности, но большинство этих произведений имеет значительные художественные недоработки». На собрании выступил первый секретарь обкома КПСС А. Хворостухин.

12 марта. Литературное объединение молодых авторов создано при областном отделении Союза советских писателей. Некоторые из его участников, например, П. Реутский, А. Преловский, уже выступили со своими произведениями в местных газетах и альманахе «Новая Сибирь». Руководят секциями прозаик Ф. Таурин и поэт Ю. Левитанский.

8 июля. «У меня сложилось впечатление, — рассказал посетивший Иркутск его уроженец писатель Павел Нилин, — что люди, управляющие городом, все еще не договорились о том, как должен в ближайшем будущем выглядеть он, расположенный на берегу великой реки, уже сегодня привлекающей внимание всей страны. А завтра, когда эта река заблещет могучей светоносной силой ангарского каскада, сюда, в Иркутск, хлынет невиданный поток экскурсантов и туристов из многих стран. Удобно ли будет принимать этих гостей в единственной, плохо оборудованной гостинице, которая есть сейчас, в тех, мягко выражаясь, неуютных ресторанах и столовых со звучными названиями «Байкал», «Сибирь», «Ангара» и прочих, для которых еще не придуманы названия, и придумывать их, скажем откровенно, нелегко?»

18 декабря. Новый сборник стихов «Молодая Ангара» выходит в областном книжном издательстве. В нем произведения поэтов В. Киселева, М. Сергеева, П. Реутского, А. Преловского, Г. Эдельмана и других.

1956 год

3 января. Теоретический семинар по теме «Некоторые вопросы эстетики» состоялся в областной организации Союза советских писателей. Доклад сделал доцент госуниверситета, кандидат филологических наук А. Абрамович. В своих выступлениях Л. Огневский, А. Самсония, Р. Смирнов и другие отметили актуальность и важность поставленной на обсуждение темы, говорили о необходимости более полного и яркого изображения жизни в литературных произведениях.

9 марта. Подготовил к постановке новую пьесу П. Маляревского «Крутые перекаты» областной драматический театр. В ней ставятся вопросы борьбы за укрепление советской семьи, и в репетициях заняты заслуженные артисты РСФСР Е. Баранова и А. Терентьев, артисты М. Агаджанова, М. Бойко, В. Егунов и другие. Также в театре начата работа над пьесой другого иркутского драматурга, Б. Левантовской, — «Дмитрий Стоянов».

23 мая. Поставил спектакль по пьесе иркутского драматурга А. Самсония «На Байкале» Черемховский драматический театр. Это первый в истории коллектива опыт совместной работы с автором. Спектакль, действие в котором происходит в наши дни и затрагивает ряд острых вопросов современности, тепло принят зрителями.

29 мая. Выступил с докладом о задачах литераторов в связи с решениями XX съезда КПСС на открытом партийном собрании областной организации Союза советских писателей первый секретарь обкома партии Б. Кобелев. В обсуждении приняли участие Ф. Таурин, Г. Кунгуров, П. Маляревский, К. Седых, И. Дворецкий и другие.

14 ноября. Премьера спектакля по пьесе иркутского драматурга Б. Левантовской «Дмитрий Стоянов» прошла в областном драматическом театре. Спектакль поставил режиссер Е. Табачников, в нем заняты заслуженные артисты РСФСР Г. Крамова, Н. Харченко, артисты лауреат Сталинской премии В. Лещев, Л. Бронева и другие.

1957 год

31 июля. К гастроллям в Москве готовится областной драматический театр. Они начнутся 24 августа и продолжатся до середины сентября. В помещении театра имени Маяковского сибиряки покажут две свои оригинальные работы — «Поэма о хлебе» по пьесе П. Маляревского в постановке заслуженного артиста РСФСР М. Куликовского и «Дмитрий Стоянов», созданную сценическим коллективом в содружестве с другим иркутским драматургом — Б. Левантовской. «Также мы включили в гастрольную афишу еще не шедшую нигде пьесу Д. Кедрина «Рембрандт» в постановке режиссера С. Казимировского, «Баню», «Маскарад», «Последнюю остановку» по Э. Ремарку и другие спектакли», — рассказал директор театра О. Волин.

8 сентября. На проходящие в Москве гастроли Иркутского драматического театра и, в частности, на показанный им спектакль «Дмитрий Стоянов» по пьесе Б. Левантовской откликнулась газета «Правда» статьей народного артиста РСФСР С. Межинского. Среди удачной игры других актеров автор отмечает «несомненно, способного Л. Броневого, хорошо играющего Яшу Дубровского». Он пишет: «Если в первых сценах и есть у него некоторые комедийные излишки, то сцену на квартире у Стоянова после возвращения с войны он проводит мягко, просто и мужественно».

12 сентября. Под названием «Ангара» согласно решению бюро обкома КПСС будет выходить четыре раза в год и распространяться по подписке с 1 января 1958 года альманах «Новая Сибирь». В нем, кроме существующих разделов прозы, поэзии, публицистики, критики и библиографии, появится раздел сатиры и юмора и будут печататься графические работы художников.

1958 год

5 января. Премьера спектакля по пьесе иркутского драматурга А. Самсония «На Байкале» состоялась в областном драматическом театре. Спектакль поставил заслуженный артист РСФСР А. Терентьев, в нем заняты заслуженный артист РСФСР Н. Харченко, артисты Л. Бронева, Д. Попова, В. Лещев, В. Егунов, С. Чичерин и другие. В 1956 году эта пьеса была поставлена в Черемховском драматическом театре.

19 марта. Среди авторов изданной в Москве к 40-летию Великого Октября двухтомной «Антологии русской советской поэзии. 1917-1957» есть ряд поэтов, которые родились, жили или живут в Прибайкалье. Это Иосиф Уткин, Джек Алтаузен, Михаил Скуратов, Иван Молчанов-Сибирский, Анатолий Ольхон, Юрий Левитанский, Евгений Евтушенко.

2 апреля. После тяжелой и продолжительной болезни в Иркутске на 55 году

жизни скончался ответственный секретарь областного отделения Союза советских писателей И. Молчанов-Сибирский.

13 апреля. После 20-летнего перерыва областное книжное издательство выпускает в свет повесть П. Петрова «Саяны шумят», сборник рассказов «Путь, не отмеченный на карте» И. Гольдберга и роман «Два мира» В. Зазубрина.

20 апреля. Уже в первый день появления на прилавках книжных магазинов раскуплено три тысячи экземпляров вышедшего в Иркутском книжном издательстве сборника стихов Сергея Есенина. Его составитель и автор вступительной статьи — доцент госуниверситета В. Трушкин, художник — Г. Леви.

29 мая. Литературное объединение, руководит которым кандидат филологических наук В. Трушкин, создано в этом учебном году при редакции многотиражной газеты «Иркутский университет». Недавно в областном отделении Союза писателей состоялось обсуждение произведений членов объединения В. Гусенкова, Л. Ханбекова, А. Вампилова и других. Стихи и рассказы студентов подверглись серьезной критике. Лучшие из них предложено опубликовать в альманахе «Ангара».

13 июля. Создано областное отделение Общества дружбы и культурной связи СССР — Китай. Председателем правления отделения избран писатель Г. Кунгуров.

23 июля. Отделение Общества дружбы и культурной связи СССР — Япония создано в области. Председателем его правления избрана профессор госуниверситета В.Ларина, заместителем — писатель К. Седых.

18 ноября. «Камень-птица» — спектакль под таким названием по одноименной пьесе П. Маляревского поставил областной драматический театр. Он посвящен творческим дерзаниям советской молодежи, борьбе с происками разведок империалистических государств.

1959 год

20 марта. Перед премьерой спектакля по повести молодого писателя А. Кузнецова «Продолжение легенды» на строительство Иркутской ГЭС приехали артисты областного театра юного зрителя. После знакомства и рассказа режиссера Е. Меркуловича о работе коллектива над инсценировкой повести было показано несколько отрывков из будущей постановки. Завязался заинтересованный разговор, в ходе которого хозяева сделали несколько существенных замечаний, посоветовав, например, использовать в спектакле настоящую рабочую одежду бетонщиц. Закончилась полезная встреча приглашением гостей на генеральную репетицию.

31 марта. Премьера спектакля «Продолжение легенды», показывающего жизнь и труд строителей Иркутской гидроэлектростанции, состоялась в театре юного зрителя. Инсценировку по одноименной повести А. Кузнецова осуществил режиссер Е. Меркулович, оформление выполнил художник А. Якимчук, музыку написал композитор П. Гоголев. Главные роли исполняют Г. Бойченко, М. Рощин, П. Дубовцев, А. Боженко, К. Мыльникова и другие. Накануне премьеры на свою генеральную репетицию творческий коллектив пригласил строителей ГЭС.

7 апреля. После перерыва в 15 лет вышел в свет сборник стихотворений Е. Жилкиной «Сердце не забывает». Два больших достоинства произведений поэтессы отмечает литературовед А. Абрамович: «В ее стихах есть характерные приметы прошлого и настоящего, истории и современности. А с другой стороны, она умеет в лирических строчках раскрывать большое эпическое содержание».

21 апреля. Обсуждение новых стихов молодого поэта Анатолия Преловского состоялось на очередной «Литературной пятнице» в областном отделении Союза писателей. Его творчество уже известно читателям по сборникам «Багульник» и только что выпущенной Иркутским книжным издательством «Просеке». Участники обсуждения отметили растущее мастерство автора, его поиски новых форм, звучной рифмы, зримых образов и в то же время указали на очевидные недостатки.

8 мая. Областное совещание молодых писателей открывается в Иркутске. В нем, созванном по инициативе обкома ВЛКСМ и отделения Союза писателей РСФСР, принимают участие члены литературных объединений на местах. «Все это люди разных профессий, — сообщает газета «Восточно-Сибирская правда». — В. Алексеев — инженер, В. Баранова — студентка пединститута, Г. Волович — сотрудник многотиражной газеты. Они всегда в гуще жизни. У строителей железной дороги Тайшет — Абакан, у тружеников сельского хозяйства учится С. Куняев мужественной простоте. Недавно пришедший из рядов Советской Армии С. Иоффе немало душевных строк посвятил солдатской службе».

21 мая. Горячий спор разгорелся при обсуждении юмористических рассказов студента госуниверситета А. Вампилова на прошедшем в Иркутске областном совещании молодых писателей. «Его опыты признаны успешными: острые замыслы, сложные ситуации, хлесткие фразы — все это обуславливает удачу рассказов», — резюмировал писатель В. Киселев. В то же время автору был дан совет «больше набираться жизненного опыта, наблюдений...»

1960 год

24 января. Пьесу «Взрыв», рассказывающую о людях одной сибирской стройки, написал иркутский драматург И. Дворецкий. Ее обсуждение состоялось в отделении Союза писателей и затем в областном драматическом театре, где к ней отнеслись с большим интересом.

20 марта. С успехом в Москве на сцене Большого театра СССР прошла премьера балета на музыку молодого композитора Р. Щедрина «Конек-Горбунок». Либретто для него в содружестве с известным деятелем советского балета В. Вайононом написал иркутский драматург П. Маляревский.

29 апреля. Первая крупная публикация Валентина Распутина в «Восточно-Сибирской Правде» — очерк о молодом строителе Братской ГЭС Александре Лаврентьеве.

22 ноября. Премьера спектакля по пьесе Б. Левантовской «От всего сердца» состоялась на сцене областного драматического театра. Постановщик — заслуженный артист РСФСР Ю. Коршун, в спектакле заняты Ю. Уральская, С. Чичерин, А. Рыбакова, заслуженные артисты РСФСР Р. Юренева, А. Терентьев, Н. Харченко и другие актеры.

13 декабря. По пьесе иркутского драматурга И. Дворецкого состоялась в областном драматическом театре премьера спектакля «Взрыв». Постановка режиссера Е. Табачникова, художник — А. Патрикеев. В ролях заняты заслуженные артисты РСФСР В. Серебряков, Н. Харченко, В. Попов, Р. Юренева, артисты Ю. Уральская, В. Лещев и другие.

1961 год

25 февраля. Областной библиотеке в связи с ее 100-летием постановлением бюро обкома КПСС и облисполкома решено присвоить имя поэта и общественно-го деятеля И. Молчанова-Сибирского.

9 марта. На 57-м году жизни в Доме творчества под Москвой скончался драматург П. Маляревский. Выпускник Иркутского госуниверситета, он в 1934 году написал свою первую пьесу, а всего им создано более 30 пьес, а также ряд прозаических произведений и объемный труд «Очерк из истории театральной культуры Сибири. 1851–1951».

12 марта. Конкурс на создание песни о городе объявлен в связи с подготовкой и празднованием 300-летия Иркутска. Попробовать свои творческие силы в нем приглашаются поэты и композиторы, музыканты, участники художественной самодеятельности, работники культурно-просветительных учреждений.

4 апреля. Конференция «Молодость, творчество, современность» открылась вчера в Иркутске пленарным заседанием в областном драматическом театре, а сегодня развернется работа секций. У начинающих прозаиков и поэтов их возглавили Ф. Таурин и М. Сергеев, к которым присоединились москвичи А. Громова и М. Соболев. У молодых артистов и режиссеров секцию ведет председатель областного отделения Всероссийского театрального общества В. Лещев, художников — также руководитель отделения творческого союза В. Рогаль, самодеятельных композиторов — директор Дома народного творчества Г. Люрис, кинодокументалистов — главный редактор Восточно-Сибирской студии кинохроники А. Розин.

28 сентября. Первая публикация в газетах Иркутской области произведений поэта Е. Евтушенко — на первой странице «Восточно-Сибирской правды» стихотворения «Ты идешь по земле...» («Здравствуй, тысячный день!»).

15 октября. Подведены итоги конкурса на лучшую песню об Иркутске в связи с его 300-летием. Из 35 представленных произведений первую премию жюри присудило композитору Г. Ланэ за песню «Сказ об Иркутске» на слова М. Гезунгейта, третьи премии — П. Рукосуеву за текст и музыку «Песни об Иркутске», музыканту Р. Новосаду и поэту И. Луговскому за «Иркутскую песню».

1962 год

3 января. «Литературные портреты» — книга под таким названием вышла в свет в областном издательстве. Ее автор литературовед и критик В. Трушкин рассказывает о сибирских писателях советской эпохи — от забытых в последние десятилетия В. Зазубрина, П. Петрова, И. Гольдберга до совсем недавно набравших известность Ф. Таурина, Л. Кукуева, В. Козловского и других.

29 августа. Пьеса иркутского драматурга И. Дворецкого «Большое волнение» издана за рубежом — в Германской Демократической Республике. Ее постановка уже до конца этого года состоится здесь в шести театрах. После Болгарии и Чехословакии это третья страна, где идут пьесы сибиряка.

11 ноября. Организационное собрание творческого объединения молодых (ТОМа) состоялось при областном отделении Союза писателей РСФСР. Решено, что, кроме начинающих прозаиков и поэтов, в него войдут молодые художники и музыканты. На следующем собрании выступят поэты — студенты вузов.

1963 год

23 января. Резкой критике на совещании творческих работников Иркутска подверглись произведения членов ТОМа (Творческого объединения молодых) — художников С. Старикова и В. Пинигина, прозаиков А. Санина (Вампилова) и Г. Машина, поэта Ю. Файбышенко. Они названы «не только слабыми в художественном отношении, но и явно претенциозными, с налетом пессимизма и пошлости, а подчас подражающими образцам западного абстракционизма и формализма».

10 февраля. Роман писателя К. Седых станет основой балета с одноименным названием, музыку для которого пишет композитор, главный дирижер Иркутского театра музыкальной комедии А. Кулешов. В ее предварительном прослушивании и обсуждении приняли участие художественный руководитель областной филармонии В. Рождественский, главный режиссер областного драматического театра И. Колтынюк, поэт И. Луговской, директор театра музыкальной комедии Н. Загурский и другие.

17 февраля. Самым издаваемым произведением писателей Иркутска является роман Константина Седых «Даурия». В нашей стране он выходил в свет 29 раз общим тиражом около двух миллионов экземпляров, причем в Чите — четырежды, в Иркутске и Новосибирске — трижды. За границей роман выдержал 22 издания, в том числе десять — в Германской Демократической Республике.

6 июля. Вечера писателей Азербайджанской ССР начались в Прибайкалье. Первая встреча с литераторами солнечной республики прошла в областном Доме политпросвещения. Перед собравшимися выступили председатель правления писательской организации Азербайджана Наби Хозри, Бахтияр Вагабзаде, Владимир Кафаров, Алевия Бабаева и другие. Такие вечера состоятся также в Ангарске, Братске, Черемхово, Усть-Ордынском.

17 ноября. Отметил первый год со дня рождения ТОМ — Творческое объединение молодых при отделении Союза писателей РСФСР. Во вступительном слове на заседании ТОМа поэт М. Сергеев отметил, что объединение доказало свою жизнеспособность многими произведениями молодых авторов. У него были срывы в работе, но при дружной помощи старших товарищей оно сейчас на верном пути.

30 ноября. Исполняется 70 лет бурятскому народному сказителю Аполлону Тороеву. На его родине в Боханском районе проходят встречи читателей со своим земляком. Одна из них состоялась в колхозе имени Кирова. Юбиляр рассказал о своих творческих планах, исполнил несколько сочиненных им бурятских песен.

1964 год

4 апреля. К очередной областной конференции «Молодость, творчество, современность», которая откроется в конце апреля, члены ТОМа (Творческого объединения молодых) идут с произведениями, достойными широкого внимания и обсуждения. Геолог Геннадий Машкин написал романтическую повесть «Синее море, белый пароход», журналист Александр Вампилов закончил трехактную пьесу о студенчестве «Ярмарка», подготовлен к печати коллективный поэтический сборник.

5 мая. Новый выпуск устного журнала «Глобус» состоялся в клубе «Энергетик» Братска. Перед слушателями выступил поэт Евгений Евтушенко, который

в сентябре прошлого года побывал на стройке и недавно закончил писать поэму «Братская ГЭС». Многочисленная аудитория очень тепло встретила прочитанные фрагменты из нее.

8 мая. На завершившейся областной конференции «Молодость, творчество, современность» большой интерес вызвала повесть Г. Машкина «Синее море, белый пароход», положительную оценку получили рассказы А. Гурулева, П. Забелина, стихи Н. Винокурова, Г. Кольцова, И. Красикова, Л. Бендер, В. Смирнова, В. Ярмицкой, музыка В. Грозина, И. Земцова, Ю. Филлера. Приятное открытие имен молодых творческих людей произошло и на других секциях. В конференции приняли участие московские писатели А. Межиров, М. Соболев, В. Корнилов, Б. Костюковский.

10 мая. Встреча поэта Евгения Евтушенко с иркутянами состоялась в областном Доме политпросвещения. Среди слушателей были также известные чехословацкие путешественники И. Ганзелка и М. Зикмунд. Присутствующие с большим вниманием, тепло приняли прочитанные поэтом главы из поэмы «Братская ГЭС».

11 июля. Написанная иркутским драматургом Игнатием Дворецким пьеса-комедия «Мост и скрипка» («Буря в стакане»), уже идущая с успехом в столичном театре Ленинского комсомола и Ленинградском театре комедии, поставлена на сцене областного драматического театра. Спектакль режиссера Б. Райкина в оформлении Г. Леви с интересом встречен зрителями. Веселый смех и аплодисменты сопровождают игру артистов С. Семеновой, В. Космачевского, В. Венгера, С. Чичерина, заслуженного артиста РСФСР Н. Харченко и других.

5 ноября. Творческая общественность областного центра поддержала решение редколлегии альманаха «Ангара» выдвинуть на соискание Ленинской премии роман писателя Ф. Таурина «Далеко в стране Иркутской». На читательской конференции в научной библиотеке госуниверситета за это единодушно высказались преподаватели вузов, писатели, художники, другие работники культуры.

1965 год

6 января. Праздничным для любителей литературы Иркутска стало последнее воскресенье ушедшего года, когда в магазине на углу улиц Карла Маркса и Литвинова состоялся книжный базар, в котором приняли участие молодые писатели города. Оживленно шла продажа коллективного сборника начинающих прозаиков «Ветер странствий» — за прилавками стояли журналисты Б.Новгородов и В. Жемчужников, геологи Д. Сергеев и Г. Машкин. Здесь же можно было получить автографы авторов альманаха «Ангара» В. Шугаева и В. Соколова, поэтического сборника «Бригада» В. Березина, Г. Пакулова, М. Трофимова.

11 марта. «Над славным морем, священным Байкалом нависла серьезная беда — строительство завода, пускающего колоссальное количество сточных вод и омертвляющего его воды», — эти слова произнес с трибуны второго съезда Союза писателей России ответственный секретарь его Иркутской областной организации Франц Таурин. Он призвал делегатов съезда «поддержать людей, борющихся за Байкал» и, «если мы — писатели — сделаем все для защиты славного моря, сколько сделали ученые, то славное море, священный Байкал будет служить нашему великому русскому народу».

15 сентября. Получило высокую оценку на закончившемся в Чите семинаре

молодых писателей Восточной Сибири и Дальнего Востока творчество иркутян. Яркое дарование драматурга обнаружилось в пьесах Александра Вампилова «Нравочение с гитарой» и «Прощание в июне». В числе отмеченных руководителями семинара — прозаики Дмитрий Сергеев, Леонид Красовский, Вячеслав Шугаев.

21 ноября. Радостная весть пришла в областное отделение Союза писателей — участники Читинского семинара молодых писателей Восточной Сибири и Дальнего Востока Дмитрий Сергеев, Леонид Красовский, Юрий Самсонов, Вячеслав Шугаев и Александр Вампилов приняты в члены Союза.

1966 год

17 марта. Широкоэкранный фильм «Баргузинская долина» готовит к 50-летию Октябрьской революции Восточно-Сибирская студия кинохроники. Он расскажет о крае романтики — северной Бурятии, где рядом прижились юг и север, цветут яблони и бродят олени. Сценаристы — А. Вампилов и В. Шугаев, оператор — М. Дегтярев.

2 апреля. Завершила работу в Ангарске четвертая традиционная конференция «Молодость, творчество, современность». Три дня начинающие прозаики, поэты, художники, артисты, музыканты, кино- и фотолюбители вели горячие споры о качестве представленных на обсуждение произведений, о призвании и мастерстве, о следовании правде жизни.

28 мая. Совсем тоненькая книжка, на обложке которой изображены пробирающиеся сквозь таежную чащу смуглые скуластые люди на оленях, причем олени рога перемешаны с ветками, и название — «Край возле самого неба». Это выпущенная Восточно-Сибирским издательством к 50-летию Советской власти первая книга молодого прозаика Валентина Распутина.

1967 год

25 марта. Премьера спектакля по пьесе Б. Левантовской «Валерий Нечаев» состоялась вчера в областном драматическом театре. Зрители с интересом встретили новую постановку сценического коллектива, в которой героем выступает наш молодой современник — непростой и ищущий, ошибающийся и обретающий силу в первых жизненных пробах.

15 апреля. «Пятая четверть» — так называется новая повесть детского писателя из Братска Геннадия Михасенко. Это уже четвертая книга автора, написанная на материалах города, в котором он живет.

1968 год

5 апреля. По инсценировке повести молодого иркутского писателя Геннадия Машкина «Синее море, белый пароход» поставил спектакль областной театр юного зрителя. Режиссер Т. Асейкина, в ролях артисты В. Неделько, М. Рошин, Е. Люстрицкая, Т. Лавров, Б. Кондратьев, В. Климанова, А. Матеосов и другие.

9 апреля. Под условным названием «Заповедник» по сценарию драматурга

Игнатия Дворецкого начинаются съемки художественного фильма в селе Большое Голоустное на Байкале. Режиссер-постановщик картины — А. Граник, снявший ранее картины «Алеша Птицын вырабатывает характер», «Максим Перепелица», «На диком берегу». В главных ролях актеры В. Кашпур и Д. Риттенбергс.

23 апреля. Областную премию имени поэта Иосифа Уткина учредил обком ВЛКСМ. Об этом вчера сообщил, выступая с докладом на открывшейся в Ангарске очередной конференции «Молодость, творчество, современность» первый секретарь обкома комсомола Г. Куцев. Премия будет присуждаться ежегодно за наиболее значительные работы в области литературы и искусства. На конференцию собралось более 200 молодых писателей, художников, артистов, начинающих композиторов, кино- и фотодокументалистов.

30 октября. Первыми лауреатами премии имени поэта Иосифа Уткина, учрежденной бюро обкома ВЛКСМ за яркие, самобытные работы в области литературы, изобразительного, музыкального, театрального искусства, стали прозаики А. Гурулев за опубликованный в альманахе «Ангара» роман «Росстань», В. Распутин — за повесть «Деньги для Марии», художник из Братска Г. Мамилов — за серию гравюр об ударных комсомольских стройках и заслуженный работник культуры РСФСР В. Патрушев, много сделавший для эстетического воспитания молодежи.

1969 год

21 февраля. Вышел в свет очередной — третий — сборник произведений молодых поэтов — «Бригада-68». В нем семь авторов — Ю. Скоп, П. Пиница, А. Кобенков, Л. Болдырева, Е. Варламов, Н. Винокуров, В. Сажин.

6 апреля. Постановку спектакля «Деньги для Марии» по повести В. Распутина осуществила Иркутская студия телевидения. Режиссер-постановщик Г. Люстрицкий, в ролях артисты иркутских театров А. Шатравка, И. Климов, Е. Волошина, И. Агафонов, В. Лобанов.

2 августа. Уделяет немало внимания повышению мастерства молодых литераторов Иркутская областная писательская организация. На стационаре Литературного института имени А. Горького учится поэт Петр Пиница, заочниками являются ангарчане Вера Захарова и Анатолий Кобенков. В этом году заканчивает Высшие литературные курсы в Москве детский прозаик из Братска Геннадий Михасенко, Высшие режиссерские курсы — Юрий Скоп.

24 августа. Захоронение известного советского писателя и исследователя-геодезиста Григория Федосеева состоялось нынешним летом в центре Восточных Саян. Он был одним из тех, кто «закрывал» белые пятна во многих местах страны, а его первую книгу «Мы идем по Восточному Саяну» туристы и геологи и в наше время используют как энциклопедию.

20 ноября. Спектаклем молодых можно назвать премьеру комедии иркутского драматурга Александра Вампилова «Старший сын» на сцене областного драматического театра имени Н. Охлопкова. Его поставил молодой режиссер В. Симоновский, оформил молодой художник Ю. Суракевич, среди актеров тоже большинство молодых — В. Лобанов, В. Алексеев, Т. Панасюк, Г. Марченко, Г. Шипунов и другие. Да и автору комедии всего 32 года.

7 декабря. «Я написал совсем немного, — рассказал перед открывающимся завтра в Иркутске областным совещанием работников литературы, искусства и

учреждений культуры молодой прозаик Валентин Распутин. — Кроме очерков, собранных в две книжки, есть еще книжка рассказов и вышедшая в этом году в издательстве «Молодая гвардия» повесть «Деньги для Марии». Стараюсь брать нравственную проблему в отношениях между людьми. Считаю ее самой важной в воспитательной роли литературы и, видимо, не откажусь от нее».

1970 год

25 января. Мемориальная доска в память об одном из родоначальников сибирской советской литературы П.П. Петрове будет установлена сегодня в Иркутске на доме № 29 по улице Марата, где он жил и работал. С этой инициативой выступило областное отделение Союза писателей РСФСР.

17 марта. Фестиваль сибирской книги открылся в Прибайкалье. Он посвящен 100-летию со дня рождения В.И. Ленина и совпал с 40-летием Иркутского книжного издательства, выпустившего за это время свыше 80 миллионов экземпляров более пяти тысяч наименований книг. В фестивале участвуют авторы многих из них, а также гости из других городов Восточной и Западной Сибири.

23 апреля. Премьерой балета «Даурия» отметил 100-летие со дня рождения В.И. Ленина Иркутский театр музыкальной комедии. Либретто на основе романа К. Седых написал режиссер Э. Корсаков, музыка композитора и дирижера спектакля А. Кулешова, балетмейстер-постановщик — Н. Пасикова.

27 октября. Шестая по счету конференция «Молодость, творчество, современность» открылась вчера в областном центре. Кроме молодых поэтов, прозаиков, художников, музыкантов, артистов, режиссеров, кино- и фотолюбителей, впервые в конференции участвовали архитекторы и журналисты. В работе ее творческих секций примут участие гости из Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Красноярска, Читы.

18 ноября. Около двух тысяч иркутян собрались в городском цирке на встречу с поэтом Евгением Евтушенко. В первом отделении звучали стихи, в том числе недавно написанный им «Байкал», во втором — поэмы. Было и чтение на «бис», включая исповедальное и полное драматизма стихотворение «Идут белые снега». Далее поэта ждут в Братске и Усть-Илимске.

22 ноября. Сотый спектакль по пьесе Александра Вампилова «Старший сын» состоялся в областном драматическом театре имени Н. Охлопкова. В нем заняты в основном те же артисты, что и в первом. Поставленный режиссером В.Симоновским спектакль с большим успехом шел на сцене театра целый год.

31 декабря. Премьера второй пьесы иркутского драматурга Александра Вампилова «Прощание в июне» прошла на сцене областного драматического театра имени Н. Охлопкова. Как и первая, «Старший сын», она посвящена молодежи, острым нравственным проблемам. Поставил спектакль режиссер В. Чертков, в нем заняты артисты В. Алексеев, Е. Мазуренко, Ю. Красик, Г. Шипунов, И. Климов, А. Берман и другие.

1971 год

1 мая. Начались съемки художественного фильма по роману К. Седых «Даурия». Режиссер-постановщик картины — В. Трегубович, в главных ролях — Виталий и Юрий Соломины, В. Шукшин, Е. Копелян, С. Головина и другие.

2 мая. Повести иркутского прозаика В. Распутина «Деньги для Марии» и «Последний срок» вышли в юбилейном 25-м томе издающейся по решению ЦК ВЛКСМ и Союза писателей СССР библиотеки «Молодая проза Сибири». Ранее в этой серии увидели свет произведения В. Шугаева, Г. Машкина, А. Гурулева и в коллективном сборнике — рассказы В. Гусенкова.

3 июля. Открыл гастроли в Иркутске спектаклем «Жестокость» по повести П. Нилина Ленинградский театр имени Ленсовета. Его выступления в течение месяца будут проходить на двух сценических площадках — в театрах драмы и музыкальной комедии. На афише гостей имена А. Арбузова, Б. Брехта, И. Дворецкого и других.

18 сентября. Вечер поэзии с участием Булата Окуджавы, Марка Соболя, Ильи Фоянкова, Марка Сергеева и других состоялся в Доме культуры завода имени Куйбышева. Гости встретились также с учеными Академгородка, а Б. Окуджава побывал в редакции газеты «Восточно-Сибирская правда».

16 ноября. Семинар молодых литературных критиков с участием гостей из Москвы, Омска, Новосибирска, Барнаула и других городов Сибири открылся в Иркутске. На нем обсуждаются проблемы художественной литературы и критики, «продукция» журналов и альманахов «Сибирские огни», «Байкал», «Енисей», «Огни Кузбасса», «Алтай», «Сибирь».

1972 год

7 января. Показ снятого по роману К. Седых двухсерийного художественного фильма «Даурия» прошел в Иркутске и Ангарске. Состоялось его обсуждение на собрании творческих работников областного центра. «Само время Гражданской войны, жестоких столкновений родных по крови и ставших чужими по убеждениям людей, конфликтные события, помогающие раскрыть характеры, — вот что мы хотели показать», — сказал на обсуждении режиссер-постановщик и сценарист картины В. Трегубович.

29 января. Лекторий имени декабриста В. Раевского открылся в селе Олонки Боханского района. Эта форма культурного шефства возникла по инициативе преподавателей вузов Иркутска и областной писательской организации. В программе лектория, который будет проводиться раз в месяц, беседы и лекции на темы культуры и воспитания, выступления ученых, писателей, артистов. На открытии мероприятия присутствовали уроженец Олонок, доктор исторических наук, профессор госуниверситета Ф. Кудрявцев, литературовед Г. Богач, писатель В. Шугаев.

28 мая. Побывала с отчетом в Усть-Илимске творческая группа областного отделения Союза писателей в составе прозаика Валентина Распутина, поэтов Владимира Смирнова и Василия Козлова, композитора Валерия Стукова. Они посетили строительство гидроэлектростанции, выступили перед бетонщиками, механизаторами, автомобилистами, познакомили их со своими произведениями, рассказали о планах.

1 июня. Известный итальянский писатель Альберто Моравиа и его супруга писательница Дачия Марайни побывали в Иркутске. После знакомства с достопримечательностями города они в Доме дружбы с народами зарубежных стран встретились с местными писателями — рассказали о своем творчестве, ответили на вопросы, интересовались жизнью сибиряков.

19 августа. Безвременно погиб в расцвете сил и таланта писатель, драматург

Александр Вампилов. «Мы, его друзья и товарищи, знаем, как много еще он мог сделать для читателей, зрителей, для литературы, какой недюжинный и редкий талант был у него. Мы видели всегда в Александре Вампилове человека открытого, честного, доброго товарища. Таким и останется он в наших сердцах», — говорится в опубликованном от имени Иркутской писательской организации некрологе.

21 ноября. Собралась в Иркутске на свою седьмую по счету конференцию творческая молодежь области. Будет работать десять секций — поэтов, писателей, художников, композиторов, режиссеров, артистов, архитекторов, журналистов, кино- и фотолюбителей. Как всегда, приглашены гости из Москвы и других городов.

25 ноября. Присудил посмертно драматургу Александру Вампилову премию имени И.Уткина в дни работы завершившейся в Иркутске конференции «Молодость, творчество, современность» областной комитет ВЛКСМ.

1973 год

1 января. Исполнилось 80 лет бурятскому народному сказителю, заслуженному деятелю искусств Бурятской АССР Аполлону Тороеву. Он известен как исполнитель героических сказаний, создатель новых песен о счастливой доле народа, детских сказок. В различных издательствах вышло около 20 его книг на бурятском и русском языках.

5 января. Книга-кассета «Пьесы иркутских драматургов» увидела свет в Восточно-Сибирском издательстве. В нее вошли драма П. Маляревского «Канун грозы», в 1952 году удостоенная Государственной премии, две пьесы — «От щедрости сердца» и «Терзания певчих птиц» — Б.Левантовской, комедии А.Вампилова «Прощание в июне» и «Предместье».

31 марта. Музей писателя В. Шишкова решено открыть в районном центре Катангского района — Ербогачене. Он разместится в доме А. Верхотуровой на берегу Нижней Тунгуски, где останавливался автор «Угрюм-реки», и примет первых посетителей в октябре этого года — к 100-летию со дня его рождения. Также решено, что набережная Ербогачена будет названа именем Шишкова, как и районная библиотека и средняя школа.

15 июля. Показал спектакль «Провинциальные анекдоты» по А. Вампилову гастролирующий в Иркутске Амурский областной театр драмы. Это третья пьеса рано ушедшего из жизни иркутского драматурга, увидевшая сцену на родной земле.

19 сентября. Открыт в Ербогачене музей писателя В. Шишкова. 60 лет назад автор замечательного романа «Угрюм-река» жил и работал на Нижней Тунгуске. На открытие музея прибыла группа писателей из Москвы, Иркутска, Красноярска, Читы.

23 октября. Премьера нового художественного фильма «Пятая четверть», созданного на киностудии «Ленфильм», прошла в Братске. Интерес местных зрителей к картине вызван тем, что она снята по одноименной повести живущего в городе детского писателя Геннадия Михасенко. Сейчас он заканчивает новую повесть, посвященную воспитанию ребят в семье и школе.

22 декабря. По пьесе А. Вампилова «Валентина» («Прошлым летом в Чулимске») прошла премьера спектакля в областном драматическом театре имени Н.Ох-

лопкова. Это уже третье произведение безвременно ушедшего из жизни драматурга на его сцене. Ранее поставленные «Старший сын» и «Прощание в июне» до сих пор в репертуаре театра. Первый выдержал 227 представлений, второй — около 150. В новом спектакле, поставленном Б. Преображенским, заняты заслуженный артист РСФСР В. Егунов, артисты Т. Хрулева, В. Малинин, Т. Олейник, Ю. Уральская и другие.

1974 год

1 января. Ударным оказался писательский 1973 год, рассказал ответственный секретарь областной организации СП РСФСР Марк Сергеев. Отчеты на бюро обкома партии по вопросу «Современность в творчестве писателей-иркутян» и о работе с молодыми — на секретариате Союза писателей РСФСР, выход альманаха «Сибирь» на всесоюзные рубежи (право подписки на него отныне наравне с журналами), новые книги в столичных издательствах. Таким же ожидается и наступивший год: в Иркутске состоится семинар молодых писателей Восточной Сибири и Дальнего Востока, начнется работа над коллективной книгой о людях девятой пятилетки, составлена обширная программа встреч с читателями в различных городах и районах Прибайкалья.

13 марта. Создание музея драматурга Александра Вампилова началось в Кутуликe. В семейных архивах жителей поселка идет поиск фотографий, собираются воспоминания о нем, опубликованные в печати рецензии на спектакли по его пьесам. Подготовлена первая выставка будущих экспонатов музея.

9 июня. 16-страничная газета «Литературный Иркутск» появилась в киосках областного центра. Ее издание приурочено к открытию в городе на Ангаре зонального семинара молодых писателей Восточной Сибири и Дальнего Востока, подобного тому, что проходил в 1965 году в Чите. Выпуск открывается статьей секретаря обкома КПСС Е. Антипина и текстами приветствий от секретариатов правлений Союзов писателей СССР и РСФСР.

13 июня. Зональный семинар молодых писателей Восточной Сибири и Дальнего Востока начал работу в Иркутске. В течение пяти дней 49 начинающих литераторов будут заниматься в творческих семинарах — трех поэтических и четырех прозаических, которыми будут руководить Виктор Астафьев, Марк Соболев, Евгений Носов, Георгий Семенов, Ольга Кожухова, Валентин Распутин, Владимир Соколов, Дмитрий Ковалев и другие.

17 июня. Мемориальные доски писателям Вячеславу Шишкову и Леониду Соболеву установлены и соответственно их именами названы улицы в новом микрорайоне Иркутска — Юбилейном. На торжественном митинге присутствовали и выступили участники семинара молодых писателей Восточной Сибири и Дальнего Востока. Сибирь была одной из основных тем творчества В. Шишкова, а Л. Соболев родился в Иркутске.

28 ноября. Городское литературное объединение создано в Ангарске. В него вошли уже выпустившие свои первые книги поэты и прозаики Валерий Алексеев, Алла Стародубова, Вера Захарова, Алла Конова, Иннокентий Новокрещенных, Анатолий Кобенков и другие. Возглавил объединение журналист Михаил Шаганский.

1975 год

13 марта. Автор повестей «Деньги для Марии», «Последний срок», «Живи и помни» прозаик Валентин Распутин утвержден членом редакционной коллегии журнала «Наш современник». Он также входит в состав редколлегии еженедельника «Литературная Россия», журнала «Сибирские огни» и альманаха «Сибирь».

16 апреля. Писатель Валентин Распутин в свой последний приезд в поселок Аталанку Усть-Удинского района, где он вырос и где живет его мать, встретился с учителями средней школы. Он сообщил, что завершил работу над пьесой «Деньги для Марии», которую заказал ему Московский театр имени Ермоловой.

1976 год

14 января. 150-летие восстания декабристов областной драматический театр имени Н. Охлопкова отметил премьерой спектакля по пьесе М. Сергеева «Записки княгини Волконской». Его постановку осуществил режиссер В. Чертков, художник Ю. Суракевич, в ролях Л. Добронравова, заслуженные артисты РСФСР В. Венгер и И. Климов, артисты Ю. Ицков, Б. Райкин, А. Крюков, вся труппа и студенты Иркутского театрального училища.

28 февраля. Пьеса «Сибирский экспресс» («Дорога») иркутского журналиста и писателя Леонида Шинкарева поставлена режиссером В. Чертковым (художник Ю. Суракевич) на сцене областного драматического театра имени Н. Охлопкова. В спектакле заняты заслуженные артисты РСФСР В. Венгер, В. Егунов, И. Климов, А. Рыбакова, артисты А. Шаланов, Ю. Ицков, Е. Мазуренко, С. Чичерин и другие.

13 марта. Чтения, посвященные творчеству драматурга Александра Вампилова, открываются сегодня в Кутуликской средней школе. В них участвуют профессор Иркутского госуниверситета В. Трушкин, прозаик В. Шугаев, кандидат филологических наук Н. Антипьев и другие.

3 апреля. Поэтический сборник «Автографы века» выпустило Восточно-Сибирское книжное издательство. Это первый опыт объединения стихов разных авторов, посвященный строителям БАМа.

20 июля. Декада советской литературы началась в Прибайкалье. В числе гостей известные поэты и писатели, в том числе Роберт Рождественский, Евгений Долматовский, Михаил Стельмах, Людмила Татьяничева, Иосиф Нонешвили, Франц Таурин. Их ждут встречи с читателями Ангарска, Братска, Усть-Илимска, БАМа, Усть-Ордынского Бурятского автономного округа, Слюдянки и других городов и районов области.

24 сентября. Комедией И. Дворецкого «Мужчина 17 лет» в постановке главного режиссера, заслуженного деятеля искусств РСФСР Л. Титова Иркутский театр юного зрителя открыл новый сезон. В нем заняты ведущие актеры, в том числе М. Рошин, А. Матеосов, В. Елисеев, Г. Солуянова, А. Булдаков, В. Зикора.

19 ноября. Спустя четыре года сегодня начинается работа в Иркутске очередная — восьмая по счету — конференция «Молодость, творчество, современность». Кроме пленарных заседаний и секционных занятий, в Доме художников открылась выставка тех, кто пробует свои силы в изобразительном искусстве, во Дворце спорта — архитекторов, в Доме политпросвещения — фотографии. Вечер кино состоится на Восточно-Сибирской студии кинохроники, вечер поэзии и

музыки — в политехническом институте. Творческие отчеты участников конференции пройдут также в научной библиотеке госуниверситета, Домах культуры Академгородка и завода имени Куйбышева, в ИВАИТУ, городе Шелехове и селе Карлук.

1977 год

15 марта. С солидным творческим багажом — повестями «Деньги для Марии», «Последний срок», «Живи и помни», «Прощание с Матерой» — пришел к своему 40-летию иркутский писатель Валентин Распутин. Оправдываются слова большого мастера отечественной словесности Леонида Леонова, назвавшего его «надеждой русской литературы».

20 апреля. К выпуску новой серии — «Литературные памятники Сибири» — приступает Восточно-Сибирское книжное издательство. Планируется издать более 20 книг, и первые две — «Житие протопопа Аввакума» и роман В.Зазубрина «Два мира» — выйдут в свет в следующем году.

19 июня. 60-летию Великого Октября посвящен новый спектакль Иркутского театра музыкальной комедии «Помолвка в декабре» на музыку композитора В. Дружинина и либретто писателя М. Сергеева. Поставил спектакль М. Лукавецкий, роли исполняют заслуженные артисты РСФСР Н. Хохолков и В. Жибинов, артисты Н. Данилина, Н. Таланова, Б. Куманцев, Г. Данилин и другие.

4 сентября. Поэт Евгений Евтушенко уже не первый раз приезжает в Прибайкалье, чтобы встретиться с земляками, посетить родные места, прочитать новые стихи. Вернувшись на этот раз из Колымы, он побывал в верховье реки Оки, на восточной стороне Байкала и выступил перед любителями поэзии во Дворце спорта в Иркутске.

2 октября. Дни литературы и искусства открываются в Усть-Илимске. Сюда из Иркутска и Братска приехали писатели М. Сергеев, В. Распутин, Г. Михасенко, Л. Кукуев, С. Иоффе, Б. Лапин, художники В. Рогаль, А. Алексеев, Е. Конев, В. Ольховик, Б. Бычков и другие. Первые выступают на большом литературном вечере, вторые представят свои произведения на выставках. Также покажет свои работы Восточно-Сибирская студия кинохроники, областной ТЮЗ познакомит со спектаклем «Квадратура круга» по В.Катаеву, областная филармония — с новыми концертными программами.

22 октября. К открытию 50-го сезона областной театр юного зрителя готовит спектакль по пьесе П. Нилина, В. Малько «Жестокость» и «Белеет парус одинокий» по В. Катаеву. В планах коллектива также «На дне» А. Горького, «Тристан и Изольда» А. Бруштейн, «Милый Эп» Г.Михасенко.

1 ноября. Имя Александра Вампилова отныне будет носить одна из улиц рабочего поселка Кутулик, в котором жил и учился до поступления в Иркутский университет будущий драматург. Также в местной средней школе открыт музей.

8 ноября. Рассмотрев предложения Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры при Совете Министров СССР, ЦК КПСС и Совет Министров СССР постановил присудить Государственные премии СССР 1977 года большой группе деятелей культуры, в том числе писателю В.Г.Распутину за повесть «Живи и помни».

31 декабря. «Для областной писательской организации этот год, — рассказал ее ответственный секретарь Марк Сергеев, — был знаменателен большими серьезными делами как на поприще литературном, так и на поприще общественном. Вместе со всеми нашими земляками мы гордимся присуждением Государственной премии СССР Валентину Распутину за повесть «Живи и помни», повесть сложную, неординарную, остро ставящую перед читателем вопросы патриотизма, ответственности перед народом за все, что сделал ты в жизни, за то, какой в ней выбрал путь».

1978 год

22 апреля. Осуществил новую версию «Старшего сына» Александра Вампилова под названием «Свидания в предместье» областной драматический театр имени Н. Охлопкова. Вновь был приглашен режиссер-постановщик В.Симоновский, который более месяца репетировал с актерами. В итоге зрители снова увидели на сцене народного артиста РСФСР А. Тишина, артистов Т. Хрулеву, Т. Панасюк, Г. Марченко, который сыграл все 343 спектакля «Старшего сына», и тех, кто выступал в нем позже, а также новое поколение исполнителей.

20 мая. Показал премьеру спектакля по инсценировке повести Валентина Распутина «Деньги для Марии» областной драматический театр имени Н. Охлопкова. Драматическая история в двух частях поставлена главным режиссером театра Г. Жезмером. В ролях заняты народный артист РСФСР А. Тишин, заслуженный артист РСФСР И. Климов, артисты Т. Кулакова, Л. Слабунова, С. Чичерин и другие. Зрители тепло приняли спектакль, приветствовали автора повести букетами цветов, долгими аплодисментами его и артистов.

31 мая. К гастролям в Москве — через 20 лет после прошлых — готовится областной драматический театр имени Н.Охлопкова. Они пройдут с 7 по 18 сентября, и столичным зрителям предполагается показать «Иркутскую историю» А. Арбузова в постановке В. Симоновского, им же восстановленного «Старшего сына» А. Вампилова, а также «Деньги для Марии» В. Распутина, «Записки Марии Волконской» по пьесе еще одного иркутского автора М. Сергеева, «Характеры» по мотивам произведений В. Шукшина.

3 сентября. Временно переключившись на прозу, уроженец Прибайкалья поэт Евгений Евтушенко познакомил читателей «Восточно-Сибирской правды» с одной из глав романа «Ягодные места». «Он посвящен моей родной Сибири, — сообщил автор. — Действующие лица в нем — крестьяне, рабочие, геологи, старики и молодежь».

21 сентября. Завершил с успехом гастроли в столице нашей Родины областной драматический театр имени Н. Охлопкова. Столичная пресса широко осветила работу театра, отметив самобытность репертуара, добротную режиссуру, ансамблевость, хорошую актерскую игру, спектакли «Иркутская история», «Макбет», «Записки княгини Волконской», «Деньги для Марии», «Старший сын».

24 октября. Книжная серия «Литературные памятники Сибири» готовится к выходу в свет со следующего года. Она откроется «Житием протопопы Аввакума», романами В.Зазубрина «Два мира» и «Горы», повестью И.Новокшенова «Потомок Чингисхана».

6 декабря. Декада военно-патриотической литературы «Писатели — воинам

родной армии» началась в Прибайкалье. Ее открытие прошло в Иркутском гарнизоне в Доме офицеров. Среди известных гостей, участвующих в декаде, прозаик Юрий Рытхэу, поэт, автор песен «Фронтовики, наденьте ордена», «Сыновья», «Идут батальоны» Владимир Сергеев, прозаик и драматург Виктория Токарева и другие. Впереди у писательского десанта встречи с читателями во многих городах области.

1979 год

17 апреля. Семинар молодых драматургов Сибири и Дальнего Востока открывается сегодня в Иркутске. Его проводят Министерство культуры РСФСР, Союз писателей РСФСР и Всероссийское театральное общество. На семинаре собрались пробующие свои силы в этом виде литературы молодые писатели от Тюмени до Петропавловска-Камчатского. Руководит им известный советский драматург, уроженец Прибайкалья Игнатий Дворецкий.

5 июня. Премьерой спектакля «Последний срок» по инсценировке Валентина Распутина начались вчера в Иркутске гастроли Улан-Удэнского государственного русского драматического театра. Зрители тепло приняли постановку.

30 августа. Решение установить мемориальные доски на домах, где жили известные писатели Иван Молчанов-Сибирский, Анатолий Ольхон и Павел Маляревский, принял исполком Иркутского городского Совета.

24 ноября. Ушел из жизни на 71-м году писатель, лауреат Государственной премии СССР, автор романа «Даурия», выдержавшего более 100 изданий в нашей стране и за рубежом, его продолжения «Отчий край», а также ряда стихотворных сборников К.Ф.Седых.

5 декабря. Девятая по счету конференция «Молодость, творчество, современность» открывается сегодня в Иркутске. Ровно 20 лет назад на первой конференции работали две секции — прозы и поэзии, а нынче их будет девять. Так что, кроме рукописей восьми прозаиков и 18 поэтов, на конференции будут обсуждаться произведения 99 начинающих мастеров изобразительного искусства из Усть-Илимска, Тайшета, Зимы и других городов и районов, творчество около 20 молодых актеров и так далее.

1980 год

21 февраля. Авторские встречи писателя, лауреата Государственной премии Валентина Распутина прошли в Усть-Илимске. Они состоялись в городской библиотеке, Доме пионеров, на стройплощадке лесопромышленного комплекса. Гость ответил на многочисленные вопросы, рассказал о замысле новой повести.

12 апреля. К 35-летию Победы в Великой Отечественной войне областной театр юного зрителя поставил спектакль по приключенческой повести иркутского литератора В.Имшенецкого «Секрет лабиринта Гаусса», адресованный детям среднего школьного возраста. Режиссер — Б. Преображенский, художник — Ю. Суракевич, роли исполняют О. Мокшанов, С. Истомин, Л. Комлева, В. Михайлов, А. Матеосов.

1 мая. Премией Иркутского комсомола имени И.Уткина за 1980 год награжде-

ны народный театр драмы медицинского института, областной театр юного зрителя, поэт Анатолий Кобенков и художник Галина Новикова.

4 июня. Дни советской литературы открылись вчера в Прибайкалье. Участие в них принимает большая группа поэтов, прозаиков, литературоведов, родившихся или трудившихся на сибирской земле, а теперь живущих в Москве, Ленинграде и других городах страны, в том числе Валерий Друзин, Михаил Скуратов, Георгий Куницын, Александр Шмаков, Борис Костюковский, Франц Таурин, Светлана Кузнецова, Анатолий Преловский, Геннадий Николаев. Возглавляет группу секретарь правления Союза писателей СССР Олег Шестинский.

16 сентября. Вслед за изданным в прошлом году «Житием протопопа Аввакума» нынче в серии «Литературные памятники Сибири» вышел в свет том с двумя романами В. Зазубрина, «Два мира» и «Горы», и в ближайшее время надеемся увидеть роман М. Загоскина «Магистр», рассказал директор Восточно-Сибирского книжного издательства Ю. Бурыкин. В другой серии — «Полярная звезда», посвященной декабристам, к читателям пришел том сочинений М. Фонвизина, и ожидаем в этом году первый том В. Раевского. Запущена также серия современной публицистики «Широкие горизонты Сибири».

2 октября. Съёмки шестисерийного телевизионного художественного фильма по сценарию И. Дворецкого «Солнечный ветер» проходят в Прибайкалье. Картина расскажет о судьбе молодой ученой, занимающейся исследованиями на стыке гелиофизики, физиологии и медицины. Режиссер-постановщик фильма — Р. Горяев, в ролях — А. Каменкова, Н. Еременко-младший, В. Сергеев, Н. Ургант, Л. Марков, М. Булгакова, М. Глузский, Л. Виротайнен, Л. Гриценко и другие. Съёмки уже прошли в Иркутске и продолжатся в Листвянке и Мондах на солнечных станциях Сибирского института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн АН СССР.

6 ноября. Премия Ленинского комсомола присуждена решением бюро ЦК ВЛКСМ иркутянину Валерию Хайрюзову за повести «Непредвиденная посадка» и «Опекун». Профессия молодого писателя — летчик гражданской авиации, он командир экипажа самолета АН-26.

7 декабря. Встреча с писателем Валентином Распутиным журналистов газет, радио и телевидения Иркутска состоялась в конференц-зале «Восточно-Сибирской правды». Свое выступление он посвятил памяти Василия Шукшина, поделился мыслями о роли и месте художника в жизни народа, в формировании нравственного облика нашего современника. Во встрече приняли участие народный артист РСФСР Виталий Венгер и артист Александр Шаланов, прочитавшие рассказы Шукшина.

28 декабря. «Не нам ли, радуясь и мучаясь, писать всю правду до конца?» — это строчки из сборника иркутского поэта Сергея Иоффе «Отзвук», выпущенного Восточно-Сибирским книжным издательством в серии «Сибирская лира». В него вошли новые стихи и ранее опубликованные. А у молодого поэта из Ангарска Анатолия Кобенкова в наступающем году выходит книга «Я однажды лежал на зеленой траве».

1981 год

11 февраля. Новая встреча с творчеством Александра Вампилова на сцене областного драматического театра имени Н. Охлопкова — спектакль по пьесе

«Провинциальные анекдоты» поставил заслуженный деятель искусств БССР С. Казимировский, художественное и музыкальное оформление М. Курченко и Л. Мацуева. В нем заняты народный артист РСФСР В. Венгер, заслуженные артисты РСФСР Т. Хрулева, В. Егунов, А. Крюков, артисты Б. Деркач, Т. Панасюк и другие.

27 февраля. «Мир глазами поэта» — так называется открывшаяся в Иркутске фотовыставка известного поэта и пробующего себя в прозе и кино Евгения Евтушенко. «Я жаден до людей», — написал он в одном из своих стихотворений, и это подтверждает фотоэкспозиция, в которой более 250 портретов и этюдов, снятых в странах и городах — Кубе, Вьетнаме, Австралии, США, Лондоне, Ленинграде, на БАМе, в Грузии и так далее.

4 марта. Сколько бы ни приезжал поэт Евгений Евтушенко в родные места, земляки всегда принимают его радушно, а помещения, где он читает свои стихи, всегда переполнены. Так произошло и на его творческом вечере, названном «Тридцать лет в поэзии» и состоявшемся в Иркутском Дворце спорта. Собравшиеся стали первыми слушателями целого ряда новых стихов гостя — «Завещание Симонова», «Саможалость», «Анонимщикам» и других.

8 марта. Удостоена премии Комитета государственной безопасности СССР повесть «Час выбора» иркутского писателя, ответственного секретаря областной писательской организации Анатолия Шастина.

15 мая. «Иркутский рассказ» — сборник под таким названием выпущен Восточно-Сибирским книжным издательством. Он оформлен художником А. Аносовым и в него вошли лучшие рассказы В. Распутина, Д. Сергеева, Г. Машкина, А. Гурулева, А. Зверева, Б. Лапина.

23 мая. Творческий вечер композитора-песенника, друга А. Вампилова и других участников иркутской писательской «стенки» Валерия Стукова состоялся в Доме актера областного центра. Автор исполнил песни на стихи А. Ахматовой, Н. Заболоцкого, Н. Рубцова, Е. Евтушенко, А. Жигулина, С. Иоффе.

28 июня. На 88-м году ушел из жизни один из старейших писателей Сибири, член Союза писателей СССР, поэт-улигершин А.А. Тороев. Он создал более 150 произведений — народных сказок, легенд и эпосов бурятского народа, в том числе в Великую Отечественную войну поэмы «Советский герой», «Защита Москвы», «Сталинград», «Тулаев-батор», «Генерал Балдынов».

15 августа. У книг, как и у людей, своя судьба. Не очень благосклонной она была к роману «Магистр» уроженца Прибайкалья, писателя и общественного деятеля М.В. Загоскина. Написанный в начале 60-х годов прошлого века и впервые опубликованный без подписи автора в 1876 году в Петербурге, он с тех пор ни разу не переиздавался. И только сейчас, спустя более ста лет, «Магистр» вновь увидел свет. Роман вышел в серии «Литературные памятники Сибири», издающейся в Иркутске.

9 сентября. Совещание литературных критиков Восточной Сибири и Дальнего Востока открывается сегодня в Иркутске. В повестке — состояние литературного процесса и литературной критики в обширном регионе страны от Урала до Тихого океана. В совещании примут участие критики из Москвы, Новосибирска и других городов, работники редакций и авторы журналов «Сибирские огни», «Дальний Восток», «Байкал», альманахов «Ангара» и «Енисей». С докладом выступит доктор филологических наук, профессор Иркутского университета В.Трушкин.

27 ноября. Литературный праздник прошел в Доме культуры прибайкальского села Узкий Луг. Он посвящен памяти родившегося здесь полтора века назад

ученого, писателя и общественного деятеля Михаила Васильевича Загоскина. В Восточно-Сибирском книжном издательстве в этом году увидело свет собрание сочинений замечательного земляка. Его именем названа одна из улиц села.

1982 год

30 марта. Дому литераторов в Иркутске постановлением Совета Министров РСФСР присвоено имя советского писателя П. Петрова.

22 апреля. Клуб «Лира» работает в Иркутском доме литераторов. Прошли авторские вечера Ростислава Филиппова «Сибирские ямбы», Станислава Китайского «Поле сражения» и другие. Состоялись также поэтические вечера одного стихотворения, вечер встречи с альманахом «Ангара», в котором участвовали его редакция и авторы.

22 июля. Закончился жизненный путь поэта Иннокентия Луговского. Начиная журналистом в Забайкалье, а затем в «Восточно-Сибирской правде». В годы Великой Отечественной войны служил корреспондентом редакции газеты Забайкальского фронта «На боевом посту». Автор многих стихотворных сборников — от «Праздника колхозной радости» и «Просеки» в 1930-е годы до «Эхо» в прошлом году.

8 сентября. «Урожайным» стало нынешнее лето для молодых писателей города Ангарска. В литературном объединении, удостоенном премии Иркутского комсомола имени Иосифа Уткина, занимаются около 50 поэтов, прозаиков, драматургов. Нынче вышли из печати произведения многих из них. Инженер производственного объединения «Ангарскнефтеоргсинтез» Алла Конова делала первые шаги в литературу как автор научной фантастики, а теперь вышел в свет ее роман «Воспоминание о чистой речке», посвященный молодым современникам. Высокую оценку получили стихи машиниста ТЭЦ-1 Владимира Старшова, роман шопера Леонида Неруко, пьесы слесаря Юрия Князева.

12 ноября. Вышла в свет книга стихов поэтессы Елены Жилкиной «Земные дни». Это ее восьмой сборник вслед за «Верностью» (1944 год), «Сердце не забывает» (1958), «Паруса» (1963), «Сентябрь» (1966), «Островок» (1969), «Родные ветры» (1972), «После вьюги» (1980 год).

1983 год

5 февраля. Традиционная, 10-я по счету конференция «Молодость, творчество, современность» открылась сегодня в Иркутске. Ее организаторы — областной комитет комсомола и отделения творческих союзов. Более 300 молодых художников, поэтов, писателей, артистов, архитекторов, музыкантов, кинодокументалистов, журналистов Прибайкалья представили на обсуждение свои работы. Участниками предыдущих конференций были писатель Валентин Распутин, драматург Александр Вампилов, многие известные актеры, живописцы, зодчие.

28 февраля. Вышел в кинопрокат области фильм «Прощание» по повести Валентина Распутина «Прощание с Матерой». Режиссеры — Э. Климов, Л. Шепитько. В ролях С. Станюта, Л. Дуров, А. Петренко, М. Булгакова и другие.

28 апреля. Мемориальная доска чешскому писателю Ярославу Гашеку уста-

новлена на здании Иркутского Дворца труда. Она напомнила жителям и гостям города, что литератор-интернационалист прибыл сюда в 1920 году в составе 5-й Красной армии. Кроме Дворца труда, где находился политотдел армии, Гашек часто бывал в городском Совете. В качестве депутата он участвовал в восстановлении разрушенного Гражданской войной народного хозяйства, и благодарные сибиряки одну из улиц в центре Иркутска назвали его именем. На угловом здании этой улицы также установлена памятная доска.

28 мая. В Иркутском областном драматическом театре состоялась премьера спектакля по пьесе В. Гуркина «Любовь и голуби».

4 октября. Литературными вечерами и выставками отмечена 110-я годовщина со дня рождения Вячеслава Шишкова в селениях, расположенных вдоль реки Нижняя Тунгуска на севере области. В начале века известный писатель совершил по ней путешествие, записывая старинные песни и былины. Впечатления от близкого знакомства с этим краем легли в основу романа «Угрюм-река». В районном центре Ербогачен открыт мемориальный музей писателя.

1984 год

14 января. Первыми зрителями нового художественного фильма «Детский сад», снятого по сценарию Евгения Евтушенко, стали сегодня сибиряки — жители главного города Прибайкалья. Известный поэт выступает на этот раз и как режиссер-постановщик. Действие киноленты происходит в годы Великой Отечественной войны в глубоком тылу. Главную роль в фильме, большая часть которого снималась в городах Иркутске и Зиме, исполнил московский школьник Сережа Гусак.

22 января. Имена драматургов нового поколения — М. Ворфоломеева, Г. Михасенко, Р. Солнцева представлены на афише пришедшего на землю Прибайкалья большого праздника театрального искусства — заключительного показа спектаклей Всероссийского фестиваля «Героическое освоение Сибири и Дальнего Востока». Кроме местных коллективов, на сценических площадках Иркутска и Братска выступят театры Москвы, Воронежа, Куйбышева, Горького, Свердловска и других городов.

25 февраля. «Нас в гости позвал Усть-Илим» — так называется литературный праздник, открывшийся сегодня в молодом сибирском городе. Строители, энергетики, лесохимики встретились с писателями Иркутска, которые привезли книгу «Усть-Илим продолжается». Ее авторы — не только профессиональные поэты и прозаики, но и те, чьими руками создан гигант индустрии на Ангаре. Книга с автографами ее создателей будет передана в музей трудовой славы предприятий.

26 февраля. Спектаклем «Остров Тэнга» по пьесе Г. Михасенко закрыл сезон Иркутский театр юного зрителя. Режиссер В. Кокорин, музыка В. Соколова.

10 марта. Скончался писатель, журналист, участник Великой Отечественной войны Владимир Козловский, автор романов «Верность», «Братство по крови» и других прозаических произведений.

29 апреля. За работу с молодыми авторами художественная редакция Восточно-Сибирского книжного издательства удостоена премии Иркутского комсомола имени И. Уткина.

3 октября. К выпуску новой серии книг — «Писатель и Сибирь» — присту-

пило Восточно-Сибирское книжное издательство. Первый сборник «Большая стройка» уже вышел в свет. Он рассказывает о легендарных Иркутской и Братской ГЭС, промышленных комплексах, выросших в тайге. Авторы книги — писатели Г. Машкин, Ю. Скоп и В. Шугаев — не понаслышке знают Сибирь, можно сказать, с первого колышка исходили край новостроек.

28 ноября. Указом Президиума Верховного Совета СССР за заслуги в развитии советской литературы и в связи с 50-летием образования Союза писателей СССР большая группа писателей страны награждена орденами, в том числе В. Распутин — орденом Ленина, А. Преловский — Трудового Красного Знамени, И. Дворецкий, А. Кузнецова, Ю. Скоп — Дружбы народов, М. Ворфоломев, А. Шагин, В. Шугаев — орденом «Знак Почета».

1985 год

18 мая. Завершением работы над книгой о делах и людях родного коллектива отметило 50-летие творческое объединение «Парус» Иркутского авиационного завода. Здесь начинал путь в литературу Василий Федоров, другие поэты и писатели. Члены объединения часто выступают в цехах предприятия, в подшефных школах и сельхозпредприятиях. В Восточно-Сибирском книжном издательстве готовятся сборники и отдельные книги начинающих литераторов.

2 июня. С возложения цветов к могилам декабристов начался сегодня в Прибайкалье Всесоюзный пушкинский праздник. В нынешний год 160-летия восстания на Сенатской площади он впервые проходит «во глубине сибирских руд» — местах ссылки товарищей по духу великого поэта. Праздник открылся в полдень на летней эстраде Центрального парка культуры и отдыха Иркутска, а вечером переместится в областной Дворец профсоюзов. Кроме иркутских писателей, в нем принимают участие прибывшие из Москвы и Ленинграда гости — прозаик Людмила Лебединская и поэты Булат Окуджава, Сергей Давыдов, Олег Хлебников. Завтра юбилейные торжества пройдут в старинных селах Урик и Олонки, бережно хранящих память о современниках Пушкина. Затем участники праздника совершат поездку по молодым городам области.

14 октября. Полувековой путь писательской организации Прибайкалья прослеживает выставка, открывшаяся сегодня в Иркутском доме литераторов. В экспозиции — копия протокола конференции писателей Восточно-Сибирского края, состоявшейся в городе на Ангаре вскоре после первого Всесоюзного съезда. С тех пор сотни прозаических произведений, поэтических сборников, художественно-документальных книг вышли из-под пера литераторов разных поколений. Росту талантов помогают проводимые по инициативе областной писательской организации конференции «Молодость, творчество, современность».

20 октября. Большим творческим вечером с участием известных прозаиков и поэтов открылись сегодня в областном центре на Ангаре традиционные Дни советской литературы «Байкальский меридиан». Праздник книги в Иркутской области нынче особый — ровно 50 лет назад состоялась первая конференция литераторов Восточной Сибири. От нее ведут историю писательские организации также Красноярского края, Бурятской АССР, Читинской области. В гости к иркутянам приехали коллеги из соседних регионов, а также из Москвы, Ленинграда, Киева, Минска. Литературный десант возглавляет секретарь правления СП СССР, главный редактор журнала «Юность» Андрей Дементьев.

31 октября. Неиссякаемый интерес к жизненному подвигу декабристов подтвердила новая постановка Иркутского театра юного зрителя «Записки Варвары Шаховской». В ее основу положена литературная композиция писателя Марка Сергеева, повествующая о драматических судьбах одного из участников восстания на Сенатской площади Петра Муханова и его возлюбленной, последовавшей за женихом в далекую Сибирь.

12 ноября. Жителям Саянска — самого молодого города Прибайкалья — посвятили книгу «Черты созидания» иркутские литераторы. Она вышла в свет в серии «Писатель и Сибирь». Авторы сборника — молодые прозаики и поэты — делятся с читателями тем, что знают не понаслышке. Многие из них начинали свою трудовую биографию на крупнейших стройках области, в том числе возводили жилые дома Саянска и корпуса Зиминского химического завода.

15 ноября. Памятная доска установлена на доме в Иркутске, где в молодые годы жил известный поэт, лауреат Государственной премии Василий Федоров (1918-1984). Автор поэм «Седьмое небо» и «Женитьба Дон-Жуана» начинал трудовой путь мастером авиационного завода, в его многотиражной газете публиковал первые стихи, был одним из организаторов местного литературного объединения «Парус».

1986 год

31 июля. Имя поэта Иосифа Уткина присвоено Иркутской областной юношеской библиотеке.

16 августа. Первый библиографический указатель по творчеству писателя Валентина Распутина издала областная научная библиотека имени И. Молчанова-Сибирского. В алфавитном списке более 300 названий его повестей, рассказов, очерков, статей, репортажей, интервью.

1987 год

3 февраля. В здании, построенном на одной из центральных улиц Иркутска, сегодня справила новоселье областная библиотека имени И. Уткина. В ней есть гостиная и музыкальный салон, где намечено проводить тематические вечера, викторины, встречи с писателями — авторами книг для детей и юношества.

7 февраля. На просторах от Урала до Камчатки работает 52 драматических и музыкальных театра, 20 кукольных и восемь ТЮЗов. Как сделать контакты творческих коллективов со зрителями более тесными, обогатить сцену произведениями, достойными времени, — об этом шел разговор на совещании театральных работников Сибири и Дальнего Востока, состоявшемся в Иркутске. «Театры Сибири и Дальнего Востока пока недостаточно активно работают с местными авторами, — считает драматург М. Ворфоломеев. — Я и мой коллега В. Гуркин предлагали свои пьесы городскому театру в Черемхово, но безрезультатно».

26 февраля. На развешанных по Иркутску афишах красуется бойкий, готовый во весь голос заявить о себе петушок — эмблема смотра новых талантов земли Прибайкалья. Сегодня в областном центре начала работу традиционная конференция «Молодость, творчество, современность». Эта встреча 11-я по счету, —

рассказал секретарь обкома комсомола О. Власенко. Предыдущие открыли немало имен в литературе и искусстве. Среди них писатель Валентин Распутин, драматург Александр Вампилов, лауреаты премии Ленинского комсомола Валерий Хайрюзов и Александр Муравьев. Нынче обсуждаются работы около 300 молодых художников, артистов, зодчих, музыкантов, поэтов, писателей, журналистов, кино- и фотомастеров.

15 марта. «Никогда еще, если иметь в виду последние десятилетия, писатель в своих взглядах на потребности Отечества так близко не сходил с официальной точкой зрения, как теперь. То, что долго тревожило литературу, стало фактом признания и выправления, за человеком признано право самостоятельного мышления и действия», — сказал в беседе с корреспондентом ТАСС писатель Валентин Распутин. Этому известному художнику слова, родившемуся и живущему в Сибири, сегодня исполняется 50 лет.

26 мая. Сценическую жизнь обрел один из первоначальных вариантов пьесы Александра Вампилова «Провинциальные анекдоты». Премьера спектакля «Воронья роща» — так называется прежде неизвестная рукопись писателя — состоялась сегодня в Иркутском областном драматическом театре имени Н. Охлопкова. Новую работу решено включить в афишу вампиловских дней, посвященных 50-летию со дня рождения драматурга, которое будет широко отмечаться осенью этого года.

2 июня. Всесоюзный праздник поэзии пришел сегодня на прибайкальскую землю. Историки и литературоведы из Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Якутска, Читы собрались в Иркутске, где открылась научная конференция «Пушкин, декабристы, Сибирь». Страницы жизни на каторге и в ссылке первых русских революционеров воскрешают первые тома научно-художественной серии «Полярная звезда», увидевшие свет в местном книжном издательстве. Участники праздника обсудят эскизные проекты будущего мемориала декабристов в Иркутске, побывают в селах Олонки, где жил поэт и друг Пушкина В. Раевский, и Урике, хранящем память о М. Лунине, Никите и Александре Муравьевых.

15 июня. Срочную поправку в афиши начинающих 17 июня в Москве гастролей Иркутского ТЮЗа внесли его организаторы. Театру с берегов Ангары присвоено имя замечательного драматурга Александра Вампилова, 50-летие со дня рождения которого отмечается в этом году. Автор пьес, спектакли по которым идут на многих сценических площадках в стране и за рубежом, благоговейно любил театр. «Здесь в тяжелом воздухе интриг и администрирования носятся все же и надежда и поэзия», — читаем в одном из его писем конца 60-х годов. Сейчас в репертуаре ТЮЗа две комедии рано ушедшего из жизни писателя-земляка — «Прощание в июне» и «Предместье» («Старший сын»).

6 августа. «Экология и мир, экология и литература» — тема встречи советских и японских писателей, завершившейся в Иркутске и на Байкале. Литераторы двух стран, уделив наибольшее внимание защите природы от промышленных выбросов, сохранению в чистоте водных источников в различных регионах планеты, объявили о начале Байкальского движения. Для подготовки его программы создан оргкомитет, в который с советской стороны вошли писатели Валентин Распутин и Зорий Балаян, с японской — известный прозаик Вахэй Татэмацу и литературовед, переводчик Нобукки Накамото. Очередную встречу решено провести в будущем году на озере Севан в Армянской ССР, затем планируется встреча на берегах озера Бива в Японии.

14 октября. В короткий срок преобразился рабочий поселок Кутулик. Здесь создан культурно-мемориальный комплекс, посвященный драматургу Александру Вампилову. «Райцентр, похожий на все райцентры России, но на всю Россию все-таки один-единственный», — так отзывался он о своей «малой» родине. С помощью шефов, в первую очередь строителей Ангарска, за год с небольшим в поселке возведены школа с плавательным бассейном, актовым и спортивным залами, современная гостиница, стадион, новые жилые дома. Также реконструирован железнодорожный вокзал, приведен в порядок дом, где жила семья Вампиловых и где открыт музей.

19 октября. Праздник искусств пришел на землю Прибайкалья — 50-летию со дня рождения замечательного драматурга Александра Вампилова посвящена открывшаяся сегодня в Иркутске неделя театральных вечеров, книжных выставок, читательских конференций, кинопросмотров с участием гостей из Москвы, Свердловска, Новосибирска. Два спектакля — «Прощание в июне» и «Предметье» — в репертуаре Иркутского театра юного зрителя, носящего имя писателя. На подмостках областного драматического театра обрел сценическую жизнь один из первоначальных вариантов его «Провинциальных анекдотов». Театр-студия народной драмы покажет «Утиную охоту». Праздник состоится и в поселке Кутулик, где прошли детство и школьные годы Вампилова.

24 октября. Именем драматурга Александра Вампилова названа главная улица нового микрорайона Иркутска — Первомайского. Торцевую стену одного из обозреваемых с разных точек жилых домов украсил его большой портрет. Состоялся митинг, на котором выступили руководители города, представители общест-венности, коллеги писателя.

1988 год

14 марта. Вслед за мастерами кино, театрального и изобразительного искусства к творчеству Валентина Распутина обратились музыканты. Прочтением повести «Пожар» навеяно произведение для органа московского композитора Кирилла Волкова, впервые исполненное сегодня на родине писателя-сибиряка. «Новая соната в двух частях, как и ее литературная первооснова, глубоко пронизана народными корнями, — рассказал в эксклюзивном интервью ТАСС органист, заслуженный артист РСФСР Г. Гродберг. — Приятно, что это сочинение вызвало большой интерес у иркутских слушателей».

29 марта. Со встреч в коллективах предприятий, научно-исследовательских и творческих организаций областного центра начались сегодня в Прибайкалье Дни журнала «Наш современник». «Основной акцент мы делаем на прямой контакт с читателями, знакомство с жизнью сибиряков», — рассказали их организаторы. Кроме Иркутска, они пройдут в Ангарске и Шелехове. Во встречах с сибиряками участвуют известные прозаики и поэты.

17 августа. С посещения памятных мест, связанных с творчеством замечательного драматурга, сегодня в Иркутске начались Дни литературы, посвященные Александру Вампилову. В областном центре Прибайкалья теперь есть улица его имени. Мемориальная доска установлена на доме, где он жил. Парадный вход театра юного зрителя венчают слова «имени Александра Вампилова». На приглашение участвовать в литературном празднике откликнулись писатели из Бурятии, Читинской и Кемеровской областей.

25 сентября. «Спасти Ангару!» — карманного формата книга с таким названием появилась сегодня в киосках «Союзпечати» Иркутска и других городов Прибайкалья. Экспресс-издание появилось по инициативе писателей и журналистов в связи с тревожной экологической обстановкой в бассейне этой сибирской реки. Она перегорожена плотинами гидроэлектростанций, с каждым годом увеличиваются сбросы в реку стоков промышленных и сельскохозяйственных предприятий, ее пойму обезображивает непомерная добыча песка и гравия, а дно рукотворных морей засорено гниющим лесом.

3 октября. «Волненью давнему парнишки доступна полностью душа, как вспомню запах первой книжки...» — эти слова Александра Твардовского точнее всего отражают настроение участников открывшегося сегодня в Иркутске совещания детских писателей Сибири и Дальнего Востока. Ровно 30 лет назад по инициативе правления Союза писателей РСФСР состоялся первый семинар литераторов, живущих к востоку от Урала и пишущих для ребят. На нынешнюю встречу собрались детские писатели, представляющие не только признанные центры духовной жизни обширного региона, но и молодые города Братск, Ангарск и другие.

12 октября. Еще не начал очередной сезон Иркутский областной драматический театр имени Н. Охлопкова, а поклонников Мельпомены уже пригласил в гости открывшийся здесь музей. С деятельностью старейшей в Сибири труппы связаны имена К. Марджанова, К. Зубова, других выдающихся мастеров сцены. Первой советской пьесой, включенной в репертуар, была «Мистерия-Буфф» в постановке Н. Охлопкова. Здесь в качестве актера пробовал свои силы будущий кинорежиссер Л. Гайдай, первые шаги делали драматурги И. Дворецкий, А. Вампилов и другие.

3 ноября. Группа творческих работников Иркутска, в том числе писатель Валентин Распутин, академик Академии художеств СССР Анатолий Алексеев, народный артист России Виталий Венгер, обратились к председателю исполкома областного Совета народных депутатов Юрию Ножикову с открытым письмом по поводу продолжающейся добычи песчано-гравийной смеси в акватории реки Ангары — на этот раз на ее островах. «Река без островов, отмелей, перекатов, протоков, релок и заводей — все равно, что человек без органов чувств», — говорится в письме.

1989

28 марта. Имя замечательного драматурга-сибиряка Александра Вампилова присвоено самому крупному пассажирскому теплоходу на Байкале. Прошлой осенью завершилась многомесячная операция по доставке нового судна, построенного черноморскими корабелями, к месту эксплуатации. Оно преодолело путь по Волге, Северному Ледовитому океану, реке Лене. Свой первый выход на байкальские просторы «Александр Вампилов» совершит с открытием нынешней навигации. Ему предстоит заменить устаревшие суда на популярной туристской линии вдоль живописного берега озера — от истока Ангары до бухты Песчаной и острова Ольхон.

3 апреля. На афише Иркутского драматического театра имени Николая Охлопкова появилось новое имя. Поклонникам старейшей сибирской труппы впервые показана комедия «Наплыв». Ее автор — молодой драматург из Ангарска Юрий

Князев. Им уже написано шесть пьес, одна из которых идет на сцене местного народного театра, а другая — «Коттедж» — переведена на английский язык и будет поставлена в США.

20 августа. Поистине «в пароходы, в строчки и в другие долгие дела» воплотился рано ушедший из жизни замечательный советский драматург. Традиционные дни памяти Александра Вампилова завершились сегодня в Прибайкалье. На этот раз главной ареной литературного праздника стал впервые вышедший на просторы Байкала экскурсионно-прогулочный теплоход, названный его именем. Писатели Владимир Жемчужников, Ким Балков, Станислав Китайский и другие, близко знавшие Вампилова, рассказали о том, как трудно складывалась судьба этого человека, как уже после трагической гибели драматурга театры широко осуществили постановки его произведений.

30 сентября. Премьерой спектакля по повести писателя Валентина Распутина «Прощание с Матерой» открыл 140-й сезон Иркутский драматический театр имени Н. Охлопкова. «Это современное, пророческое сочинение, продолжающее традиции русской прозы, и мы постараемся оправдать доверие писателя», — рассказал постановщик спектакля главный режиссер театра Эдуард Симонян.

1990 год

7 января. 20-летие отметил клуб любителей книги областного центра Прибайкалья. В его «послужном списке» — многочисленные встречи с авторами, знатоками литературы, активными читателями. Каждому участнику юбилейного заседания бессменный руководитель клуба писатель Марк Сергеев подарил томик своей новой книги «Жизнь и злоключения Абрама Петрова — Арапа Петра Великого».

26 января. Счет стипендиатам Советского фонда культуры открыт в Прибайкалье. Ими стали иркутский поэт Владимир Кайков и художник из города Шелехова Николай Вершинин. Первый завершает работу над книгой, которая выйдет в издательстве «Современник», второй готовится к участию в очередной зональной выставке «Сибирь».

27 февраля. «Наш Байкал» — под таким названием вышла сегодня в Иркутске новая газета. К ее изданию приступил Фонд Байкала, а среди авторов первого номера — писатель В. Распутин, ученый Г. Галазий, заместитель председателя Центрального духовного управления буддистов в СССР Э. Цыбикжапов, активисты движения в защиту уникального озера, выдвинутые кандидатами в народные депутаты Российской Федерации и местных Советов.

6 июля. Всероссийский праздник юных поэтов и любителей книги завершился сегодня в Прибайкалье. На этот раз 15-й по счету творческий смотр литературно одаренных ребят проходил в местах, связанных с теми, кто начинал в России «сеять разумное, доброе, вечное», — декабристами. Обзоры художественных произведений опальных просветителей и революционеров, собственные сочинения школьников по достоинству оценило жюри, в составе которого известные ученые, писатели, литературоведы.

16 августа. Завершена очередная встреча писателей — участников Байкальского движения. Вслед за состоявшимся три года назад широким обсуждением планетарных проблем защиты природы от промышленных выбросов, сохранения

в чистоте водных источников — вначале на озере Байкал, а затем Севане (Армения), японском Бива, на этот раз литераторы вместе с учеными собрались в Монголии на озере Хубсугул. В составе советской делегации член-корреспондент АН СССР Г. Галазий, писатели В. Распутин, В. Крупин, З. Балаян, Т. Каипбергенов, А. Алимжанов. Они вручили хозяевам экземпляры впервые изданного силами в основном ученых Иркутска Атласа Хубсугула.

1991 год

1 ноября. Через два-три месяца в Иркутске отдельной книгой выйдет в свет неизвестный роман Владимира Высоцкого «Черная свеча», работать над которым он начал незадолго до смерти в соавторстве с сибиряком Леонидом Мончинским. Встреча с Высоцким у них произошла в 1976 году на золотых приисках в Бодайбо, куда поэта и певца пригласил известный организатор старательского дела Вадим Туманов. «Книгу писали урывками — иногда неделю, иногда ночь, часто перебивались», — рассказал Мончинский. Объявила о предстоящем выходе в свет «Черной свечи» областная газета «Советская молодежь».

14 ноября. Без излишней помпы, по-деловому началась сегодня в областном центре Прибайкалья традиционная конференция «Молодость, творчество, современность».

Впечатляет количеством «улов» ее писательского «цеха» — около 50 работ поступило на обсуждение. Не потеряла интереса к судьбе будущих талантов областная организация Союза российской молодежи. Вместе с соответствующей комиссией городского Совета она взяла на себя значительную часть расходов на проведение конференции.

АЛЕКСАНДР ЛАПТЕВ

Про всякого дурака своя песня

(отклик на повесть Н. Вяткина «Музыка воробьёв»)

В третьем номере журнала «Сибирь» за этот год опубликована повесть Николая Вяткина «Музыка воробьёв».

Я не буду разбирать её всю, потому что не знаю ни Алишера, которому собственный сын *«выбил все передние зубы одним махом»*, ни соседку Николая — *«Бабу-ягу в потрёпанной шубейке и валенках с калошами, и вот уже совсем рядом её лицо с волосатыми родинками на щеках и длинным, в синих прожилках носом, который оставляет на стекле витрины след»*, ни бывшего одноклассника *«Лёху-Пуделя — огромного, в тулупе, мужика с перегаром и мутными фарами на чёрном небритом лице»*. Ни других персонажей довольно длинной и занудной повести. Я их всех пропускаю, потому что не привык писать о том, чего не видел. Отмечу лишь тот уничижительный тон, который автор позволяет себе при описании всех тех, кто ему не симпатичен. Таких персонажей довольно много в повести, среди прочих зачем-то упомянут известный путешественник Фёдор Конюхов: *«поп — как положено, и борода лопатой...»*. Это и некая учительница биологии, *«такая женщина уверенная, высокая, в очках с золотой оправой»*, у которой *«внезапно открылся талант»* и она *«оды нашему городку пишет»*, и *«книжки выпускает на свои деньги и раздаёт всем со счастливым лицом»*. Подарила книжку и Николаю, а когда он стал читать, то его *«такая тоска взяла от этой серой деятельности»*. Вяткин не упускает возможности сказать несколько похвальных слов и о *«начальнице культуры нашей»*, некоей Ларисе Гололаевой *«с соломенной копной, красным припудренным носом и ледяными глазками — она как-то лично была заинтересована, чтобы ансамблик наш семейный не процветал. Удалось же ей выступления наши по садикам заморозить телефонными звоночками...»*. («Ледяные глазки» в устах автора повести ещё можно как-то объяснить, но как он понял, что начальница культуры была лично заинтересована в том, чтобы гнобить «ансамблик»? Не есть ли это та самая предвзятость, которая губит любое дело?).

Не буду продолжать этот скорбный список неполноценных людей и вредителей. Вяткину впору посочувствовать — в какой тяжёлой атмосфере он жил в Иркутске! Стоило ли ему покидать свой родной Алзатай и принимать все эти муки?

Но меня живо заинтересовало то, как он изобразил лично меня на страницах своего опуса! На страницах 40 и 41 он пишет о том, как в *«конце тысячелетия»* зашёл в *«Клуб литераторов, в наш особняк со львами на фронтонах»*. Там его встретила *«Людмила, секретарша в тёмном платье с кружевами»*. Ещё он там видел некоего Неупокоева — *«...вот уж точно мефистофелевский тип»*. Лицо которого — *«жёлтое и морщинистое, с усами и бородкой, тронутыми сединой, было удовлетворённым... Рот у него был пуст, без зубов, только коричневые»*

осколки в дёснах, и когда он смеялся, было жутковато глядеть в эту пустоту...». — (Ещё одна похвальная характеристика собрата по перу; брат этот не дал денег займы Вяткину, сославшись на некий «американский принцип». И вот Николай Вяткин, четверть века спустя, сообщает нам об этом, наводя таким образом историческую справедливость).

Но вот герой повести (а это сам Н. Вяткин) заходит в кабинет к председателю и застаёт там «фантаста Никиту Сапожкова — спортивного сложения человека с интеллектом на лице и каким-то значком на лацкане пиджака».

Я благодарен Николаю за то, что он не снабдил меня «бородой лопатой» и «мутными фарами на чёрном небритом лице». Но и всё же хочу попенять на некую легковесность тона. Всё-таки, я был (и остаюсь по сей день) достаточно серьёзным человеком, и снабжать меня столь несерьёзной фамилией, а также небрежно писать про «какой-то значок на лацкане пиджака» — это не по-писательски. И уж заодно поправлю его утверждение о том, что я фантаст. К настоящему времени я издал 10 полновесных книг, из которых семь — сугубо реалистические, и только три сборника фантастики. Фантастом меня называют лишь те, кто не читал моих книг. Это извинительно обывателю, но не члену союза писателей, не человеку, взявшемуся писать документальную повесть.

Но дело не в фантастике. Юмор в том, что «в конце тысячелетия» я не мог сидеть в кабинете председателя Правления иркутской писательской организации. В это время председателем был А.Г. Румянцев, а меня выбрали председателем 22 мая 2001 года. Кроме того, в Доме литераторов не было никакой секретарши Людмилы, ни в тёмном платье с кружевами, ни без оногo. Скажу больше — в штатах писательской организации вообще не было секретарши. На вахте у нас круглосуточно сидели бабушки-пенсионерки, они работали сутки через трое — четыре бабульки пенсионного возраста. Не думаю, что Коля Вяткин стал бы ими интересоваться. Быть может, он спутал наш дом литераторов с домом литераторов имени Марка Сергеева, что на улице Дзержинского, и где, если мне не изменяет память, работала секретаршей некая Людмила? Чем чёрт не шутит? С пьяных глаз всё может показаться.

Я не буду тут разбирать всю повесть — она не стоит того. Упомяну лишь некоторые весьма характерные эпизоды. В частности то, как автор с неким Окунем, Шпалой и Алишером поедает собаку.

«— Да ладно, на хрен, специально выращивали. Чистенькое мяско! — Сказал Бывалый Окунь, мелко постукивая сапогом в оленьей шкуре, и сыпанул в чан соли». (стр. 58).

«Шарик молоденький, — сказал Окунь и хитро щербато заулыбался» (стр. 59).

Во как! Выходит, что собаку специально откармливали, чтобы потом её съесть.

Забегая вперёд скажу, что этот несчастный Шарик — единственный персонаж повести, которого мне искренне жаль. Он пал жертвою людской алчности и бездушия. И даже человек, пишущий возвышенные стихи, особо не противился поеданию несчастного животного, доверившегося человеку. «А вышло, что я съел собаку... Шарика», — простодушно сообщает автор читателям своей повести.

Так и хочется воскликнуть: o sancta simplicitas!

На странице 75 снова откуда ни возьмись появляется «ведьма рыжая» секретарша Людмила (слог-то какой!), которую он, будучи в пьяном виде, насмерть перепугал; она решила, что он хочет её изнасиловать. Дело было ночью. Вяткин залез на второй этаж писательского особняка и проник внутрь через разбитое окно.

На странице 76 Вяткин пишет о том, как его разбирали на писательском собрании и как председатель Сапожков на него *«наседал»*, он *«так обстоятельно подготавлился, хотел процесс показательный устроить новорусскому хулигану»*, но дело у него не заладилось, и всё закончилось пьянкой, потому что некий спонсор, господин Трапезников, присутствовавший на собрании, пообещал всем банкет, если они не станут голосовать за исключение Вяткина из союза писателей.

Речь в данном случае снова обо мне, это, оказывается, я подсобрал факты из всей жизни Вяткина и метал гром и молнии. А когда замаячила дармовая выпивка, сразу всё свернул — ко всеобщей радости. Все принципы и распри были позабыты ради литра сорокаградусной сволочи.

И снова я в полном недоумении — что это за бред? Так и хочется воскликнуть вслед за Лермонтовым: «С кого они портеры пишут, где разговоры эти слышат?».

Авторитетно заявляю, что за все пять лет своего руководства писательской организацией я ни разу даже не поставил вопрос об исключении кого-либо из писательской организации. Хотя поводов было предостаточно! В эти годы у нас произошёл раскол — из нашего союза вышел Румянцев А.Г., а с ним Балковы отец и сын, а также поэт из Шелехово Виктор Соколов. Дело было громкое и мутное, меня уговаривали инициировать процесс исключения сепаратистов, Устав нашей организации это позволял и прямо требовал. Но даже тогда я этого не сделал. Что уж говорить о шалопae, к которому никто всерьёз не относился, и которому хватило бы грозного окрика и хорошего пенделя под зад (впрочем, до этого не дошло; рукоприкладство я не приветствовал и всячески пресекал).

Коля Вяткин плохо знает формальную сторону всех этих собраний. Повестка любого собрания предварительно обсуждается на заседании Правления и протоколируется. И если уж она принята, то ничто не может отвратить собрания от протокола, вопрос об исключении (или приёме), обязательно озвучивается и голосуется в начале собрания, потом происходит формальное голосование и принятие решения. Таков порядок — не мной придуманный, утвердившийся и окостеневший за много-много лет. Но ничего такого в отношении Вяткина не было. И всё то, что Вяткин мне приписал — тщательную подготовку, изучение фактов его жизни — всё это вздор и ерунда. Я и сейчас не знаю его биографии. Известно мне лишь то, что написано в аннотациях его книг, что он родился в Алзамае, потом переехал в Иркутск, потом в Сергиев Посад, а где он теперь и что с ним — одному богу известно (или чёрту). Вот ещё незадача — заниматься всякой ерундой! Будто у меня других дел не было!

О недостойном поведении Вяткина мы говорили на собрании, это было. Мы и должны были это сделать, хотя бы в воспитательных целях, уж коли в детстве папа с мамой ему не объяснили, что такое хорошо и что такое плохо. Но исключать его никто не собирался. Ведь мы в эти же годы приняли его в нашу писательскую организацию (в 2001 году), писали ему рекомендации, тайно голосовали, потом хлопотали в Москве, чтобы там сильно не задерживали утверждение нашего решения. Какой же резон был его тут же исключать?

Попутно отмечу здесь то, что известно всем, кроме Вяткина. А именно: я абсолютный трезвенник! Я даже пива не пью, не говоря о более крепких напитках. Об этом знают все писатели, и справедливо обижаются на меня, что я такой не компанейский человек. Я крайне редко участвую в банкетах и фуршетах (это уж когда нельзя отказаться, когда высокие гости и этого прямо требует этикет, но и тогда я не пью вино, а пробавляюсь минеральной водичкой!) И то, что Вяткин приписал

нам всем (мне в первую голову, потому что я был начальником всей честной компании и вёл собрание) такое позорное малодушие — забвение своих принципов ради пошлой пьянки на дармовой счёт — это очередная ложь. И кстати сказать, по нашим правилам на наших собраниях не могли присутствовать посторонние лица, тем более, какие-то субъекты в малиновых пиджаках, тем более — брать слово и что-то нам предлагать. Этого не могло быть и никогда не было.

В общем, куда ни кинь — всюду клин! Зачем Вяткину понадобилось ворошить дела давно минувших дней, о которых он имеет очень смутное понятие и о которых все мы почти уже забыли — мне непонятно. Может, он хотел таким образом реабилитироваться? Или ему надоело писать стихи, и он решил переквалифицироваться в прозаики? Но я должен заметить здесь, что дело это не такое простое, как кажется со стороны. Особенно, когда речь идёт об автобиографической прозе, и когда автор пишет о реальных событиях и о реальных людях — о тех, кто уже не может ему ответить. Я пока что могу ответить и делаю это — не ради себя, а ради своих товарищей и ради истины! И ещё ради того, чтобы таким вот писакам неповадно было гадить и плевать в тот колодец, из которого они так долго и жадно пили.

Ещё раз напомним Николаю Вяткину, что мы приняли его в свою писательскую организацию в 2001 году. Я лично как председатель правления способствовал его приёму, а после хлопотал перед мэрией о выделении его семье отдельной благоустроенной квартиры, подписывал официальное ходатайство в городскую администрацию. Два руководителя нашей писательской организации — А.Г. Румянцев и В.В. Козлов издали в своих частных издательствах «Письмена» и ООО «Сибирь» две книги стихов Н. Вяткина (1994 и 1997 гг.). Почему бы Николаю не сказать об этом на страницах своей повести, не поблагодарить старших товарищей за такую ощутимую помощь? Я помогал Вяткину потому, что мы оба были молоды, и я многое списывал на его глупость, которая со временем пройдёт (я на это надеялся). В 1991 году Вяткин стал лауреатом областной литературной конференции «Молодость. Творчество. Современность». У него были впереди годы мирной жизни и были все возможности для плодотворной работы над собой, для поэтического творчества. О том, как он воспользовался этими возможностями, мы можем в какой-то мере судить по его повести, в которой на удивление мало говорится о поэзии, о вдохновении, о чистых светлых чувствах, о том, как он создавал поэтические шедевры. Зато там есть подробный рассказ о том, как он пил и гулял, как поедал с собутыльниками несчастного «Шарика», как до смерти перепугал молодую женщину и много чего ещё — не симпатичного и странного. Удивительно, как он сам этого не замечает.

И вот печальный итог — Николай уже не Николай, а Николай Юрьевич, и ему не 25 лет, а 55. Я читаю его биографию и вижу, что за тридцать лет творческой деятельности он издал всего три поэтических сборника суммарным объёмом в 200 страниц. Первые две книги я уже упоминал. А третью и последнюю книгу стихов он издал в далёком уже 2007 году.

И это всё? Куда же девался его талант? Книг его я что-то не наблюдаю в библиотеках и книжных магазинах. Как поэта его мало кто знает. Литературными премиями не отмечен (или тщательно их скрывает). Чем он все эти годы занимался — я не знаю. Да и знать не хочу — после всего, что он нагородил в своей так называемой повести. Лучшее для него теперь было бы извиниться за свои продел-

ки. Память о себе он оставил весьма своеобразную. Ему отказывались пожимать руки (и даже сидеть рядом) такие авторитетные писатели, как Евгений Адамович Суворов и Анатолий Змиевский (последний при мне грозился набить ему морду). Евгений Суворов был прекрасный стилист и друг А. Вампилова, он славился ещё и тем, что очень благосклонно относился к молодым писателям, всячески опекал их, помогал им чем мог (светлая ему память!). И вдруг — такая резкая отповедь молодому поэту, свидетелем которой я был.

Но... довольно уже. Мне совсем не доставляет удовольствия это копание в грязном белье. Гораздо приятнее писать о высоком и прекрасном. Но иногда приходится приниматься и за грязную работу. Делаю ради это ради истины и справедливости. Ради нашего писательского братства.

Нас всех есть за что критиковать. Это правда. Но делать это нужно не так, как сделал Николай Вяткин.

23 июля 2023 г.

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВА

КАНДИДАТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК,
КАНДИДАТ КУЛЬТУРОЛОГИИ, ПЕДАГОГ-ПСИХОЛОГ

Осторожно, детская литература!

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГИ Е.М. ХОХРЯКОВА*

Современная детская литература вызывает большую тревогу. В течение тридцати лет детская книга теряет нравственное начало, ценности красоты, стремление к высшему, художественные достоинства, чем всегда сильна была русская культура. Редкая книга сегодня дотягивает до уровня любой детской книги советского времени. Книга сегодня таит опасность разрушения психического, нравственного здоровья детей, их реального представления о мире, связи с родной средой, эстетического вкуса, русской речи. Вместе с литературным языком, способным открыть ребенку мир с необычной, яркой стороны, разрушается мировосприятие, дававшее многие века народу жизненные силы. Сегодня единственным защитником ребенка, экспертом детской книги остается любящий родитель, да совестливый библиотекарь. Других защитников нет. Все остальные участники книжного процесса имеют либо коммерческий интерес, либо безразличны к тому, что несет в себе детская книга.

Ребенок-читатель беззащитен перед литературой, несущей разлад в его душу, в отношения с родителями, с учителями, с обществом в целом. Деструкция, транслируемая словом, мыслью, образом, ситуацией, сюжетом и даже пейзажем, воспринимается детьми неосознанно, интуитивно, а потому глубинно и навсегда. Это и формирует жизненную программу каждого из них, будущую модель поведения, общения, закладывает оценку себя, жизни, мира. В силу возрастных особенностей действует природный механизм внушения. Издавна устные произведения для детей — потешки, считалки, колыбельные песни, сказки, загадки, созданные, сохраненные, отобранные народным сознанием в течение долгого времени, — отражали реальную картину мира, хранили и передавали код жизни. В сказочном мире злу противостоит добро, торжествует справедливость, а смелый, находчивый, помогающий другим герой всегда получает награду. Сказка излагала основы логики, развивала мышление, открывала законы мироустройства, общения людей, связи в живой и неживой природе. Была первым учебником. Но сегодня детская литература утратила накопленную веками мудрость, а иногда и просто здравый

---

*Хохряков Е.М. *Девочка по имени Кошмар*. — Иркутск, 2017.

Хохряков Е.М. *Боцман Сарма*. — Иркутск, 2017. — 54 с.

Хохряков Е.М. *Приключения Серёги и его друзей*. — Иркутск, 2017. — 218 с.

Хохряков Е. *Звезда упала на ладонь : повесть*. — Иркутск, 2018. — 234 с.

Хохряков Е. *Битва за крепость, или Золото адмирала : повесть*. — Иркутск, 2018. — 168 с.

Хохряков Е. *Путешествие Тяпы и Ляпы*. — Иркутск, 2018. — 58 с.

Хохряков Е. *Шах и Машка*. — Иркутск, 2018. — 82 с.

Хохряков Е. *Про храброго совенка Вову*. — Иркутск, 2018. — 34 с.

Хохряков Е. *Тайна земляничной поляны : сказка*. — Иркутск, 2018. — 68 с.

Хохряков Е. *Случай в Лентайкино*. — Иркутск, 2018. — 72 с.

Хохряков Е.М. *Жили-были Бим и Барсик. Маленькая повесть о настоящих друзьях*. — Иркутск, 2019. — 72 с.

Хохряков Е.М. *Зимние дни Бима и Барсика. Маленькая повесть о настоящих друзьях*. — Иркутск, 2020. — 64 с.

смысл. Она стала продуктом изощренной изобретательности с одной сиюминутной целью — обратить на себя внимание.

Многочисленные книги Е.М. Хохрякова имеют серьезные литературные недостатки, которые тем более нежелательны, что книги предназначены для ребенка, не обладающего критическим мышлением. Первое, что бросается в глаза при чтении произведений Е.М. Хохрякова, — их вторичность. То, что написано автором, оставляет ощущение где-то прочитанного, давно знакомого. Некоторые фрагменты, образы, реплики героев открыто дублируют известные. Сюжеты, коллизии, характеры персонажей взяты из книг зарубежных, советских, в том числе иркутских писателей. С. Лагерлеф, А. Гайдар, М. Сергеев — список можно продолжить. Этим объясняется продуктивность писателя, обилие написанных им за короткий период книг. Использование чужих идей, сюжетных схем лишает повести, рассказы, сказки Е.М. Хохрякова качества оригинальности.

Повесть «Девочка по имени Кошмар» представляет искаженные человеческие отношения, что может неблагоприятно повлиять на психическое и нравственное здоровье ребенка-читателя. Главные герои повести, бабушка и дедушка, постоянно обзывают котенка, ставшего их питомцем, насмехаются над ним. Негативная оценка маленького существа — сквозной мотив произведения. От своих хозяев котенок слышит упреки, выговоры, ругань, в наказание его запирают в чулан. В повести все перевернуто: взрослые инфантильны, эгоистичны, а котенок мудр, терпелив, отвечает добром и сочувствием на зло. Текст передает как норму коммуникативные нарушения: агрессивность, нетерпимость, нечуткость людей. При этом подопечным является очень слабое существо, нуждающееся в заботе и душевном тепле. Деформации в отношениях человека с миром через авторскую позицию принимаются читателем как правильные. С точки зрения педагога такая повесть небезопасна для психического и нравственного здоровья ребенка.

В повести «Боцман Сарма», основанной на сибирском краевом материале, присутствуют искажения законов природы, обитания живых существ. В характерах персонажей, их взаимоотношениях, репликах часто отсутствует логика. Это обнаруживает неосведомленность, или, возможно, небрежное, непродуманное отношение писателя к тому, о чем он пишет. И это важно, поскольку произведение предназначено для юного читателя, активно познающего мир, особенности природы своего края, образа жизни человека. Вот примеры нелогичностей. Боцман ловит рыбу, чтобы учить ее не попадаться на крючок. Зачем тогда ее ловить? Далее в повести даны пространные технологичные описания, как рыбачить. Еще пример. Боцман учит нерпенка плавать со спасательным кругом, а нерпенок плавать не умеет. При этом нерпенок на коряге уплыл от матери. Следующий пример. Отсутствует связь предметных образов: парусник (с. 26), лодка с мотором (с. 31), яхта (с. 37) присутствуют в повести как один и тот же объект. Станным оказывается и перевоспитание браконьера Шито-Крыто лесными зверями. Его отпускают с таким объяснением: «Иначе мы станем, как он». За что Боцман зверей хвалит. Странно и знакомство Боцмана с рекой Леной в конце пути по ней. И вряд ли помогут укрепить любовь к родному краю высказывания главного героя: «Красота! Да уж больно знакомо все», «Все это я уже видел, везде побывал. <...> А так — скука!» (о Байкале) (с. 43); «И <...> поморщился. Показалась ему Лена узкой да мелкой, неприглядной <...>» (с. 45). Мотив пресыщенности, скуки и поиска развлечений выведен главным к концу повести. Нелогичности в сюжете, в характерах персонажей, их поведении, словах, описаниях природы вызывают постоянные вопросы, возражения.

В образах персонажей отсутствует единство качеств, соответствующих возрасту, профессии, кругозору. Образы невыразительные, вялые, в большинстве случаев они не убедительны и психологически не достоверны, а в некоторых случаях и противоречивы. Так мама из повести «Жили-были Бим и Барсик» говорит с близкими ей людьми «ехидно» (слово автора) и одновременно с этим добра, справедлива. В детском сознании такая несогласованность формирует тревожный, непредсказуемый образ мира, который скорее дезориентирует, чем помогает понять окружающее. Психология персонажей-детей, восприятие ими мира, поведение, мысли имитируются. Автор додумывает образ ребенка по какой-то расхожей модели, а не чувствует его таким, какой он есть в жизни. Отсюда искусственность детских характеров, их неубедительность.

В произведениях Е.М. Хохрякова бедная речь нагружена большим количеством речевых штампов, стертых разговорных метафор, канцеляризмов, просторечий, иногда соединенных в одном предложении, высказывании. Образность, художественность в текстах отсутствует. Попытки автора украсить речь надуманы. Некоторые примеры лексики из повести «Жили-были Бим и Барсик»: «малохольный» (повторяется в тексте много раз), «бестолочь». Слова разных стилей стоят рядом: «сногшибательная и многообещающая»; «собакен», «собаченция». Такие слова не отражают характер персонажей, ситуацию, а свидетельствуют, скорее, о том, что автор не чувствует обусловленность речи индивидуальной психологией, миропониманием, действиями персонажа. Используется в текстах и взрослая лексика, штампы речи, понятные только взрослым. Автор не учитывает стилистические ограничения в использовании слов, а также особенности их восприятия детьми. В текстах встречаются грамматические, синтаксические ошибки. Часто предложения перегружены причастными, деепричастными оборотами, придаточными предложениями, трудными для понимания ребенка. Например. «Обуреваемые ленью маленькие жители деревушки теперь из кожи вон лезли, но стремились что-нибудь придумать такое, чтобы это облегчило их ленивую жизнь» (с. 30) (из повести «Случай в Лентяйкино»). Кроме сложности конструкции данного предложения, а также ошибки «чтобы это» вместо правильного «что облегчило», в содержании присутствует несовместимое сочетание лени и энергичного действия, стремления что-то делать («обуреваемые», «из кожи вон лезли», «стремились» — ленивые жители). Отсутствие внимания к слову, тексту, тщательной работы с формой выражения своей мысли и развития событий свидетельствуют о низком уровне ответственности автора перед маленькими читателями.

Произведения Е.М. Хохрякова не отличаются новизной. Сюжетные линии, герои, ситуации взяты из других произведений. И это, вероятно, осознанный творческий прием. Художественность в произведениях отсутствует. А потому под сомнение ставится и сама литературность, потому что только художественное начало, образность, многомерность словесного текста придают ему высокий статус. Нравственность в произведениях номинальна, она декларируется автором в названии. При этом сюжетные ситуации заурядны, отражают бытовую, повседневную этику. Произведения отличаются непоследовательностью, и даже противоречивостью в изображении событий, действий и образов людей, описаний природы, связей между ними. Такое повествование может скорее поколебать нравственное чувство ребенка, его эстетический вкус, языковую интуицию, чувство красоты русской речи, чем укрепить и возвысить их.

Детский писатель причастен к построению будущего. А потому обостренное чувство ответственности перед маленькими читателями — необходимое качество. Книга для детей — это ответ писателя своей совести, своей стране, людям. Любовь к ребенку, уважение к его внутреннему миру, к становлению человека подскажут автору нужные слова. А светлое слово обязательно отразится светом в детской душе, побуждая ее к добру, красоте, созиданию.

СВЕТЛАНА ВОЛКОВА

Член Союза писателей России

Защитить сказку

В обзорах литературы для детей все чаще слышатся разговоры о семейном чтении, о том, как важно возродить эту прекрасную и почти забытую традицию. В современных изданиях эта рубрика то и дело мелькает. Вот недавно вышедшая в Иркутске книжная серия для чтения всей семьёй, автор Евгений Хохряков. Аннотации не скупаются на слова, отмечая её достоинства. Книжек в серии ни много ни мало тринадцать, из них я прочла пять. Думаю, что это достаточно, чтобы судить о книгах всей серии. Любопытно проследить, как отвечают они своему назначению вызвать интерес у больших и маленьких, объединить их. На титульном листе всех тринадцати книжек написано «сказка». Сказка по определению корифеев этого жанра — лучший способ для самовыражения, он идеален для раскрытия любой темы.

Как же служит этому жанру перо Евгения Хохрякова? Чаще всего в книжках его серии фигурируют персонажи: щенок Тяпа, кошка Ляпа, гусёнок, мышонок, дети. Содержание сборников делится на «истории» и «приключения». Назвать их так по правде трудновато: очень уж буднично все происходящее. Герои поливают огород, строят летний домик, ходят на рыбалку, увещевают лесных мышей, чтобы не портили грядки. Очевидно сознавая это, автор повсюду добавляет толику драматизма. Действующие лица то и дело «теряются». Потерялись в своё время щенок Тяпа и кошка Ляпа, заблудился мышонок Кыш, пал жертвой любви к конфетам пёсик Барсик. Но все они, конечно, нашлись, иначе не кочевать им из серии в серию. Стараясь расширить темы для разговора с читателем, автор привлекает настоящие истории — ту классику, которую читает своим братьям меньшим мальчик Вова. Здесь и Снежная королева, и Доктор Айболит, и Сказка о золотой рыбке. Бесконечные аллюзии рассыпаны по страницам: пёс Бим назван в честь собаки «из одной печальной книжки». Кот Бармалей не зря носит такое громкое имя, автор поясняет, что он очень страшный, но «очень добрый в душе».

Что же добавляют к сюжетам историй эти широко используемые литературные реминисценции? Может быть глубокие мысли, присущие первоисточникам? Ничего подобного. Золотую рыбку, пойманную на рыбалке, щенок Тяпа просит, чтобы появился у него новый ошейник, а доктором Айболитом заделалась кошка Ляпа, взявшаяся лечить щенка.

Компилятивный характер повествований только раздосадует взрослого участника семейного чтения и мало что даст маленькому. Поистине редкий случай, когда сказка только мешает!

ВОЛКОВА Светлана Львовна. Член Союза писателей России. Награждена Почетным знаком «За достижения в культуре» (2002 г.), Королевской грамотой Дании за участие в юбилейных конкурсах и торжествах, посвященных 200-летию Х.К. Андерсена (2005 г.). Лауреат премии П.П. Ершова (2014 г.) за книгу «Под Рождественской звездой», лауреат Премии губернатора Иркутской области в области культуры и искусства за книги «Сказки мышонка Сухарика» (2006 г.), и за достижения в области культуры и искусства по направлению «Литературные произведения» (2016 г.)

Как ни свободен в своей тематике и стилистике жанр сказки, но есть и у него свои непреложные законы. Настоящая сказка почти всегда метафорична. Хотя нет-нет и проговаривается тем самым намёком для добрых молодцев. Так какой же «намёк» дают теперешним молодцам прочитанные книжки? Трудно назвать уроком настойчиво-нравоучительные высказывания их автора, единственный смысл которых «надо дружить!»! Дружить, конечно, надо, но разворачивать повествование в пяти детских книжках ради одной-единственной максимы! «Надо дружить, а не командовать!» — наставляет щенок (Истории Тяпы и Ляпы). «Есть ли еще большее счастье, чем иметь друзей!» — восклицает мышонок (Главный секрет Тяпы и Ляпы). Начинается сборник опять-таки с размышлений того же рода: «Вот мы с тобой дружим, да? Надо чтобы и человек был такой, с которым можно было бы дружить долго-долго». Такого человека, видимо, не нашлось, но зато с героями все в порядке. «Никуда не денется их дружба!» — уверяет автор.

Какому имеющему маломальский опыт общения ребёнку будут интересны эти умильные любования «дружбами»? Ведь в наше изменившееся время эта тема и для ребенка, и для взрослого даёт много поводов для размышлений.

Только обидно-снисходительное отношение к детской литературе позволяет создавать такие облегченные варианты бесед с юным читателем.

Не в похвалу текстам и торопливое, небрежное отношение автора к собственному повествованию. Щенок Тяпа просит у Золотой рыбки новый ошейник и «чтобы хозяйка перестала быть грустной», а грустит она потому, что «муж уехал в другой город». Рыбка ошейник подарила, а про мужа, видимо, забыла. И как, скажите пожалуйста, не спутать персонажей одной серии, если в их компании чуть ли не половина носит имя Вова?

Узость тематики, однообразие и повторяемость сюжетных ходов сводят на нет немногочисленные достоинства историй, теплоту в изображении братьев наших меньших, точно подмеченные характеры четвероногих героев.

Может быть все «истории» и «приключения» скрасит стиль повествования и на помощь автору придет формула «не что, а как»? Ведь автор пишет в жанре сказки.

Увы! Того воздуха поэзии, которым дышит сказка и из которого соткана её словесная ткань, в книжках серии нет. Отсюда, то и дело торчат в тексте как занозы канцеляризм и штампы. Автор не ищет единственного нужного слова. Зачем? Вокруг множество заготовок. Бери и укладывай их, как в конструкторе Lego. Вот и разгуливают по страницам «собаки плотного телосложения» и до глубины души поражают героев «непредвиденные реакции на их действия». Иногда фразы построены откровенно безграмотно: «Ребята молча наблюдали за сценой успокоения Кощея».

В нашем случае поговорка «чем бы дитя ни тешилось» не годится. Ни взрослому, который читает, ни ребёнку, который слушает. Скороспелые, небрежно написанные сказки не принесут удовольствия, не приохотят к чтению.

Но это лишь малый вред от такого семейного чтения, есть в серии, предлагаемой издательством, и такой сборник приключений, который лучше не открывать. Опасно. Называется он «Волшебные приключения Даши и её друзей».

Здесь действуют девочка Даша и ее игрушки. В распоряжении персонажей чудеса современной цивилизации — интернет и планшет. Есть, где разгуляться! И вот в комнате на диване, рядом с продвинутыми игрушками показывается гость из сказки — змей Горыныч. Он наслышан о находчивости и креативности ма-

леньких хозяев и просит помочь найти его брата Кощея Бессмертного. Игрушки, конечно, напуганы. И зря! Горыныч, во-первых, уменьшен в размерах, всего-то с крокодила. А, во-вторых, как следует из его исповеди, «оклеветан». Он-де безвредный, мирный змей, это забияки — богатыри постоянно норовят подраться.

«Ну, я его в землю по колени вобью, ну он мне одну голову отрубит. Скука. Вот и замирились». От скуки, видимо, богатыри постоянно «машут сабельками». А Микула Селянинович прямо обвинен в трусости: огонь из пасти Горыныча ему «привиделся с перепугу».

Что это? Желание приобщиться к жрецам давно устаревшего постмодернизма?

Проникнувшие сочувствием к Чудищу игрушки охотно помогают Горынычу в поисках Кощея. Но постоянно нажимают «не на те кнопки». Так в компании игрушек появляется девочка Даша. А за ней и пропавший Кощей. Но и он оказывается довольно милым, хотя и глупым старикашкой. И что же? Все до одного симпатизируют Кощею. Ведь «его облик никак не вязался с образом злобного существа». Да и вообще, друзья (речь идет об игрушках) отличались «исключительной добротой». У девочки Даши к Кощею множество вопросов.

— Правда, что Василиса Премудрая ваша родная дочь?

— Правда, — зачем-то врет Кощей. — Ушла в Киев-град, да и пропала. Нисколько об отце не думает.

Вот тебе раз, новая пропажа. К поискам подключается Баба-Яга.

Василису премудрую она по-своему называет Васькой. Баба-Яга успокаивает компанию:

— Нашлась Васька. Ее какой-то царевич Елисей соблазнить хотел.

А Кощейшка успел свое слово молвить:

— Васька Премудрая покручинилась чуть, да и домой пошли они.

Вот так — чудесный, из поколения в поколение передаваемый образ Василисы Премудрой, недолго думая, испачкали грязными компьютерными чернилами. А ведь такого светлого женского образа нет больше ни в одном фольклоре. Богатырши, воительницы есть. Василиса же устроительница, спасительница, сама — мудрая русская сказка. Какой представится она ребенку, если он в первый раз прочел о ней в книжке «Волшебные приключения Даши и ее друзей»?!

А королевич Елисей? Пушкин, горячо любивший своих героев, точно бы вызвал автора на дуэль за то, что он вывел Елисея трусом и пошляком.

А кто вступится за ставших жертвой бездумной болтовни богатырей? Опять-таки, вдруг маленький читатель услышал о них в первый раз?

На обложке сборника «Волшебные приключения Даши» есть рисунок. Спелое яблочко на серебряном блюде. Это одна из самых поэтичных русских сказок. «Катись, катись яблочко наливное по серебряному блюдечку, покажи мне и города и поля, покажи мне леса и моря. Покажи мне гор высоту и небес красоту, всю родимую Русь-матушку».

Даже такая высокая поэзия не остановила руку, приспособившую сказку для своих сомнительных измышлений! Мало того! Герои приключений, вкупе с автором, разглагольствуют о том, как-де писатель-сказочник, в глаза не видевший интернета, мог предвидеть его появление, придумав яблочко на блюдечке. Автору не мешало бы знать, что писатель-сказочник ничего не придумывал. «Наливное яблочко» — народная сказка. Откровенный стеб, на котором изъясняются персонажи приключений, только усиливает желание оградить детей от такого рода семейного чтения и защитить другую нашу великую ценность — русскую сказку.

АЛЕКСАНДР КЛИНДУХОВ

«Сейчас совсем иное измеренье...»

Голуби

Голуби стали ко мне прилетать
И за окошком садиться,
Словно я самая смертная тать.
Вот бестолковая птица!

Только летают они всё равно
И не пугаются вовсе.
В дом не пушу, хоть болею давно,
И приближается осень.

Ну а пока буду лето гулять
И поливать огороды.
Но за окном снова гули гулят.
Мало им вечной свободы.

Голуби, надо-то что от меня?
Я не могу допроситься.
Те же слетелись, весь мир заслоня.
Вот бестолковая птица.

КЛИНДУХОВ Александр Фёдорович родился 23 июля 1956 года в рабочем поселке Калинино, Калининского района, Горьковской области. В 1978 году окончил Кировский политехнический институт. С 1978 года по 1980 год служил в армии под Владивостоком и на Камчатке. Работал в тресте «Кировсельэлектроcетъстрой» на должности инженера, в Кировской механизированной колонне № 24 инженером и мастером по строительству высоковольтных линий, начальником отдела охраны труда и техники безопасности. Десять лет являлся участником областного литературного клуба «Молодость». Стихи публиковались в «Литературной газете», журналах «Наш современник», «Роман-журнал XXI век», «Молодая гвардия», «Смена», «Нижегородская провинция» (Саров), «Луч» (Ижевск), «Подъем» (Воронеж), «Сибирь» (Иркутск), «Сура» (Пенза), «День и ночь» (Красноярск), «Ротонда» (Киров), «Двина» (Архангельск), «Другие берега» (Италия), «Нива» (Казахстан), «Новая Немига литературная» (Белоруссия). Является автором повести «В Петропавловске-Камчатском полночь» опубликованной в журнале «Роман-журнал XXI век» в 2013 году. О творчестве поэта был снят фильм «Свободные перемещения. Александр Клиндухов». Автор нескольких книг. Член Союза писателей России. Живёт в городе Кирове.

Брат

Всё заросло растеньями. Тогда
Внизу блестела чёрная вода,
Как нефть, что разливается из скважин.
А я стоял на склоне, наверху.
Склон тот был гол, как птичка на ветру,
Что родилась. Мне этот день был важен.

Меня фотографировал мой брат.
Я этому тогда был очень рад
И улыбался, что сводило скулы.
Мой брат был старше на пятнадцать лет.
Он офицер, а значит пистолет
Уже имел. Дрожите, вражки шкуры!

Я был одет в сандальки «Скорород»,
В носочки, и смотрел я брату в рот.
Брат выставлял степенно диафрагму.
Мне было семь, а брату двадцать два.
Внизу блестела чёрная вода.
Всю жизнь мечтал ту фотку вставить в рамку.

Но не пришлось. И брата нет давно.
Закончилось то детское кино,
Что я смотрел во все глаза... Рыдая,
Сейчас сижу и думаю о том,
Как здорово построить было б дом,
Чтоб сын всплакнул, могилу зарывая.

Предсказание

Помню лето, день, дождик накрапывал,
Мы шатались по парку гурьбой
И болтали, а дождь звуки скрадывал...
Это шастанье звали гульбой.

Как гуляли — сейчас не гуляется,
Только помню цыганок галдѣж,
Что пристали, и как полагается:
«Погадаю, с кем счастье найдѣшь?»

Ну а мы: «Отцепись!» — говорили им,
Словно выпили море вина,
И качались, как белые лилии...
«Ты утонешь!» — сказала одна.

Все смеялись над сверхпредсказанием, —
Нас тогда ещё ждал жизни путь.
А сейчас до воды лишь касание,
Но никак не могу утонуть!

* * *

Конечен путь. Наш путь конечен. И крыть-то вроде бы и нечем. Мы от него не убежим. Но день ещё в разгаре полном И ждём, когда нахлынут волны. Но тихий час. Такой режим.	Катался с горки, стриг «под чубчик» Меня отец: «Давай, голубчик, Садись!» Средь дымных папирос
А я смотрю себе в окошко, Как будто два гриба на ложку, В районе этом в детстве рос:	Стоял на улице, стеснялся... Вид парикмахерской остался Лишь только в снах... И видит Бог, Хотя лежу в больнице этой, Вновь остаётся без ответа: «Канадка или полубокс?»

* * *

Вас всех нет, и я к вам скоро, И зачем мне этот город, Что исчезнет позади. Поплыву я к вам, небесным, Поднимусь к горам отвесным, Мама, мама, подсади!	Что увозит бесконечно, И искрится Путь наш Млечный, — Как тяжёл последний воз.
Только мама не услышит. Смерть мне в спину часто дышит, Словно старый паровоз,	Ты, зима, не лезь мне в душу, Не гони на город стужу, Мы продержимся чуток. Будут жарить батареи, И не вздёрнут нас на рей За признанья между строк.

* * *

...без отзыва утешно я пою...

А. С. Пушкин

Есть молодости страсть, поэзией она
Зовётся, и в те дни и годы, воспаряя
К бескрайним небесам, я жил в подобье сна,
Боготворив строку, пришедшую из рая.

Но короток сезон поэзии золотой.
Старуха-смерть давно застыла у порога
И просит показать ей левую ладонь,
Где Богом нам с небес прочерчена дорога.

И вот настал конец. Ты болен, нелюдим.
Но, вспоминая вновь свои молодые годы,
Без отзыва поёшь, как вечный пилигрим,
Забыв совсем про свет своей прощальной коды.

* * *

И звёзды не вечны...

Перси Биши Шелли

Как прав снова Шелли, что звёзды не вечны,
Сгорают они, что огни быстротечны,
Мелькают в далёкой пучине небес
С соседними звёздами даже и без.

Но маленький мальчик мечтает о звёздах,
О яблоках ранних, о радостных вёснах,
Не зная, что нас поглотит навсегда
Большая, родная до боли, звезда.

И всё растворится в ночном полумраке:
Рождение, смерть, его детские страхи,
Что жизнь проживёт он не так, как хотел...
Не бойся, мой мальчик, то вечный удел.

Детский хор

Мне этот лес не нравится совсем!
За неимением подходящих тем
Пишу про лес, что стынет в отдалении,
И ждёт меня, но я совсем не жду
С ним встречи в этом нынешнем году,
Он мне не нужен даже из-за лени.

Да, я ленюсь, хоть мне немало лет,
Давно разряжен старый пистолет,
Что я носил с собой для обороны.
На всякий случай я его храню,
Как рыцарь свою ржавую броню,
Доспехи, что привёз я из Вероны.

Всё я наврал, в Вероне не был я.
Разбита моя быстрая ладья,
В которой путешествовал бывало.
Но был в Париже, только Сакре-Кёр
Не видел, его чёрт с собой упёр.
Я группу ждал, на лавке изнывая.

Прошло с тех пор почти что сорок лет.
Не нужен Сакре-Кёр, ни пистолет,
Ни лес, что стынет в некоем отдалении.
Но лес камчатский мил мне до сих пор,
Ещё милее мне тот детский хор,
В котором пел, и ввёл в стихотворенье.

* * *

Я помню тот лесок за маленькой плотиной,
А ниже — родничок и лестницу наверх,
И скрежет об иглу виниловых пластинок,
Тряпичный абажур... То был двадцатый век.

Ну, а сейчас совсем иное измеренье,
Хотя лесок ещё не вырублен ничуть.
Плотина есть, родник и то стихотворенье,
Что только родилось, и, видно, в этом суть.

АЛЕКСЕЙ ГОЛОВКО

Хранители уникального озера: Байкальский музей

Почти каждый гость Иркутска, особенно при первом посещении, не отказывает себе в удовольствии посетить ближайший доступный пункт побережья Байкала — поселок Листвянка. Там, вблизи причала Рогатка, от которого ходит паром в Порт Байкал, располагается Байкальский музей Сибирского отделения Российской академии наук. Байкал иногда называют «русским Галапагосом», имея в виду подобие его биологического видового разнообразия Галапагосским островам в Тихом океане. Посетитель музея видит у входа реликвию глубоководных исследований озера — аппарат «Пайсис», а бронзовая мемориальная доска запечатлела наименования организаций и имена частных лиц, оказавших помощь в создании экспозиций музея. Следуя дальше в потоке посетителей, он увидит вначале залы с некоторыми старыми экспонатами из первоначальной коллекции музея, а также новыми стендами и диорамами с графическим и анимационным сопровождением, которые по уровню исполнения сделали бы честь столичным музеям. Конечно, тот, кто посетил аквариум Скриппс в Сан-Диего (США), или музей истории природы в Денвере с его лентой «путешествия во времени» — исторических пейзажей Земли начиная с миллиона лет до нашей эры, скажет, что подобного уровня Байкальский музей пока не достиг. Но с учетом планов расширения музея, имеющих у коллектива его сотрудников, мы и следующие поколения увидим еще много нового.

Мне хотелось бы рассказать о трех личностях, внесших наибольший вклад в создание музея. В их судьбах есть общее — приехав на озеро уже профессионально подготовленными специалистами, они были очарованы красотой и уникальностью озера и посвятили ему всю дальнейшую жизнь. Их биографии достаточно полно опубликованы в «Иркипедии» (Интернет), они хорошо известны на иркутской земле и за ее пределами.

Николай Павлович Ладейщиков — учёный-байкаловед, климатолог и географ, бессменный руководитель лаборатории метеорологии и климата Лимнологического института СО РАН. Когда в конце 50-х годов был поставлен вопрос о создании в Листвянке научного музея при Лимнологическом институте, то оказалось, что среди иркутских лимнологов только Ладейщиков имеет образование по музееведению. Он смог увлечь этой идеей всех сотрудников — от лаборантов до докторов наук. Готовые материалы ложились на стол Ладейщикова, и он сводил их в единый тематико-экспозиционный план. В 1960 году план был блестяще защищен и утвержден в Президиуме АН СССР. Сам же Николай Павлович практически на год переселился в Москву, где бок о бок трудился с художниками, макетчиками музейной мастерской, занимался организационно-хозяйственными и финансовыми

ми делами. В 1961 году тематико-экспозиционный план воплотился в экспозицию Байкальского музея, который спустя годы стал известен во всем мире. За эту работу Н.П. Ладейщиков был удостоен малой золотой медали им. М.В. Ломоносова.

Н.П. Ладейщиков

Круг интересов Николая Павловича был исключительно широк и выходил за рамки чисто академической деятельности — он увлекался спортом, поэзией, музыкой, написал и издал книгу повестей и рассказов «Встречи на Байкале», был очень интересным собеседником. Мне довелось познакомиться с ним как однокласснику его дочери Елены, и на заседаниях руководимого им межинститутского семинара «Ритмика и прогнозы природных явлений». Это отражено в следующем стихотворении:

*Николай Павлович Ладейщиков —
Патриарх, музееведенья святейшество!
Путеводною звездой сияла
Ваша книга «Встречи на Байкале».*

*Помню лето шестьдесят шестого,
Нашу встречу поздно, в полвторого,
И в рассказе Вашем — ночь на горном пике,
Где крутые и опасные тропинки.*

*Раструб отгремевшего вулкана,
Каменная осьпь в никуда...
Это там Оленев шел — и канул
Со своей любовью навсегда.*

*И слеза студентки, юной Томи
Жжет скалу, страницы книги жжет.
Молодые, не сидите дома.
Вам Байкал подарит слов полет.*

*И когда к нему придете молча,
Приглушив кипение крови,
Даже шторм свистящий, серый, волчий
Не подавит волшебства любви.*

*Ведь Байкал таков, что неизбежно
Втянет сердце синевой глубин.
Это — взор, в котором скрыта нежность,
Что не может камень погубить.*

Николай Павлович разработал интересную тему «Музей и экология», нашел ученых и практиков, кто смог внести свой оригинальный вклад в эту обширную программу, сам подготовил лекции для младших коллег-музейщиков и для широкой публики.

Оказавшись впервые в Лимнологическом музее в Листвянке в 1965 году школьником, я увидел интересную экспозицию и услышал впервые увлекательную лекцию экскурсовода Валентины Ивановны Галкиной, о которой следует рассказать особо. После окончания Иркутского госуниверситета она увлеклась исследованием фауны Байкала и проводила много времени в экспедициях, собирая образцы. Экспозиция музея создавалась на ее глазах, а в экскурсоводы вначале она попала случайно. В музей пришла группа людей, которые попросили рассказать об экспонатах. Валентина Галкина, которая увлекалась всем, что связано с Байкалом, очень бойко и интересно все им рассказала. Когда экскурсия закончилась, к ней подошел один из слушателей и поинтересовался, где можно пообедать. Она назвала одно из местных кафе и сказала, что может позвонить туда договориться, а в ответ услышала: «Спасибо. Я академик Мелентьев, я сам могу договориться». Она чуть не лишилась дара речи, только и смогла вымолвить: «Хорошо, что вы мне это только сейчас сказали, а то бы на экскурсии язык к небу прирос». За годы работы в музее она видела много известных людей. На ее экскурсиях бывали и президенты разных стран, и бизнесмены, и представители искусства, и другие знаменитости. Одна из самых незабываемых встреч была с кубинским лидером Фиделем Кастро. Я несколько раз слушал рассказ Валентины Ивановны и видел, как она реагирует на интерес публики. Если он велик, она рассказывает эмоционально и увлеченно, вставляя интересные подробности, а если видит, что интерес мал, сокращает повествование. Есть у нее любимые экспонаты, к которым она обычно подходит. Взяв в руку колбочку с миниатюрными рачками размером с маковое зерно, он говорит о том, что это — главный очиститель вод Байкала, рачок эпишура. А подойдя к массивному латунному батометру для забора пробы воды, смятому чудовищным давлением на полторакилометровой глубине, она удивляется вместе с публикой тому, как в этих условиях прекрасно существует живородящая рыба голомянка, почти прозрачная от жира.

В.И. Галкина ведет экскурсию

К 80-летию юбилею Галкиной была выпущена книга о ней в серии «Просветители. Байкальская история», где опубликовано мое стихотворение:

*Валентина Ивановна Галкина —
гид на все времена, и не жалко нам
в сотый раз её лекции следовать
и глубины Байкала исследовать.*

*Опускаемся в самую впадину,
тьму крошечную, где ненаглядная
голомянка, от жира прозрачная,
оживляет ущелья мрачные.*

*Но и в этих суровых глубинах
есть заветные жизни картины!*

*И о них рассказала всем Галкина,
никогда вспоминать их не жалко нам.*

*Столь внимательно беспрецедентно
её слушали президенты.
Экспедиций, находок примеры
удивляли вождей и премьеров.*

*Нету столько икринок у омуля,
сколько слышала детского гомона.
И сейчас она держится царственно,
и её откровения дарственны.*

В 1993 году было образовано новое научное учреждение Байкальский музей СО РАН, директором которого был назначен Владимир Абрамович Фиалков. Я познакомился с ним в научно-образовательных круизах по Байкалу, в которых удалось гармонично сочетать лекции и береговые экскурсии, тематические фильмы о природе озера, сбор природных образцов вместе с учеными. В одной из групп участвовал директор музея природной истории в Боулдере (США) Патрик Коци-олек, увлеченный собиранием и изучением диатомовых водорослей в различных водоемах мира. Приезжал американский астронавт Оуэн Гэрриотт, любовавшийся на «голубое око планеты Земля» с борта космической станции Скайлэб и увидевший его впервые вблизи.

Владимир Абрамович в 1956 году в Харькове начал ходить в морской клуб, в секцию легких водолазов. По окончании курса в течение года работал инструктором легководолазного дела. Будучи студентом-заочником Ленинградского гидрологического института, по приглашению профессора М.М. Кожова в 1963 приехал на Байкал, работал водолазом.

В следующем году вновь приехал в Иркутск, поступил в Иркутский госуниверситет, который окончил в 1969 по специальности «Инженер-гидролог». В 1973 по конкурсу был принят в Лимнологический институт СО РАН, где проработал до 1993, занимая последовательно должности от младшего научного сотрудника до заместителя директора по науке. В 1982 защитил кандидатскую диссертацию и получил ученую степень кандидата географических наук. В глубоководных работах есть своя поэзия, которую я попытался отразить в стихотворении, посвященном Владимиру Абрамовичу:

*Приехав и нырнув, он полюбил глубины,
что холодны и вечны, но их жизнь
разнообразна, эндемична, осетринна
и омулева... Пайсис погружался вниз.*

*Но даже там, во впадине глубокой,
есть голомянка, прыгают рачки.
Теперь за ними наблюдает око
подводной камеры, и не нужны сачки.*

*Фиалков руку положил на пульс Байкала!
Все видят нерпу на Ушканьих через Сеть,
толчки сейсмические видят в точных шкалах,
коллекции теперь доступны все.*

*Байкалу повезло, что есть Фиалков!
Хранит любя его полвека он.
Пред ним почтительно смолкают чайки
и дендропарка птичий перезвон.*

По инициативе и под непосредственным руководством В.А. Фиалкова проводились научные исследования по комплексной программе «Глубоководные ис-

следования, палеолимнология и геодинамика Байкала с применением подводных обитаемых аппаратов «ПАЙСИС». Он — участник погружения, в котором человек впервые увидел дно глубочайшей впадины уникального озера. Под водой ученый провел в общей сложности более 4 тысяч часов.

Эти сведения о Владимире Абрамовиче вряд ли смогут передать обаяние этого человека, которое я испытывал в общении с ним в образовательных путешествиях на теплоходах. Его огромный опыт морских путешествий дал возможность проводить эти туры по оптимальному маршруту, в котором утренние проходы судна от пункта к пункту, пешеходные высадки на берег, лекции в кают-компании переплетались искусно, давая пользу и наслаждение участникам. И, что особенно важно, не нанося ущерба морю и берегу. Он часто говорил о благородной миссии Байкальского музея — сбор и систематизация коллекций байкальских видов растительного и животного царств и приведение этого материала в форму, доступную для изучения. В ходе путешествий некоторые участники получали возможность практического сбора образцов — например, гербариев для Биолого-почвенного факультета Иркутского госуниверситета. А Патрику Коциолеку, директору музея природной истории штата Колорадо, он помог нырнуть и собрать образцы диатомовых водорослей, которые Патрик собирает для изучения по всему миру. Еще один пункт, который Фиалков затрагивал в общении, — необходимость создания при музее большого аквариума. Он говорил: «меня замучили школьники на экскурсиях вопросом — зачем вы убили этих рыб и рачков, поместили их в банки, а не оставили живыми?» И он приложил максимум усилий для создания живой экспозиции музея.

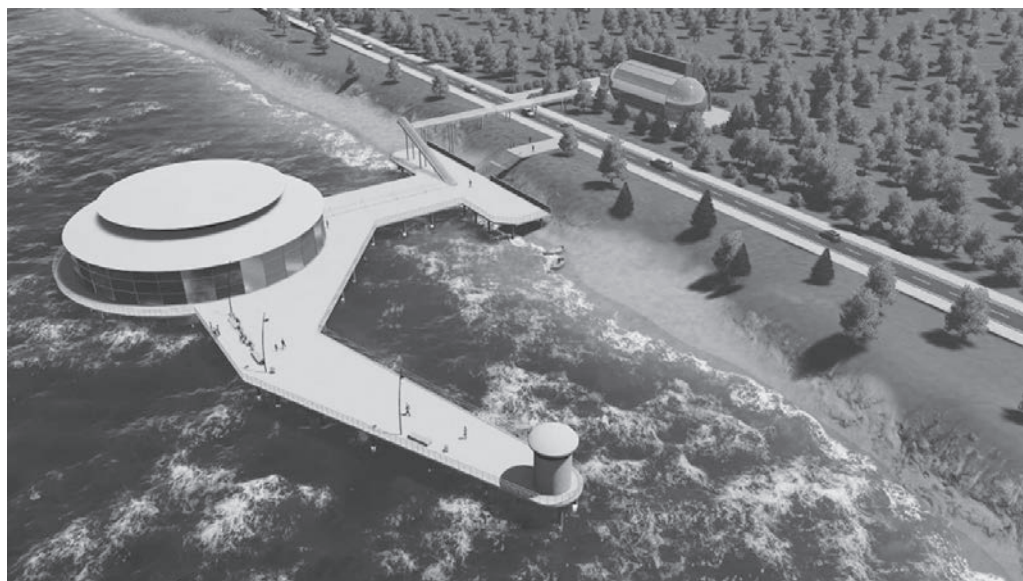

В.А. Фиалков

Под его руководством существенно расширилась деятельность музея, был создан Экологический образовательный центр, организована Байкальская экологическая школа, компьютеризированы почти все рабочие и служебные помещения, расширено международное сотрудничество. Новые формы приобрела выставочная деятельность, стали проводиться научно-образовательные экскурсии по Байкалу.

При непосредственном участии Владимира Абрамовича появляются новые видеофильмы о природе Байкала. В.А. Фиалков — инициатор проекта реконструкции Байкальского музея и создания большеобъемных аквариумов. Создан дендрологический парк, в котором представлено разнообразие прибайкальских ландшафтов, редких и исчезающих видов растений. Новые разделы музея, интерактивная экспозиция «Батискаф», имитирующая погружение на дно озера Байкал, привезенный из Калининграда глубоководный обитаемый аппарат «Пайсис», экспозиция «История происхождения жизни в процессе абиотических изменений на Земле», постоянно действующие научные семинары, конференции и курсы обучения гидов-экскурсоводов стали основой для разработки В.А. Фиалковым реконструкции Байкальского музея в крупнейший в стране культурно- и научно-просветительский комплекс международного уровня. Реконструкция предполагает строительство

национального музея-аквариума площадью до 30 тыс.м² на прилегающем к музею мелководье озера Байкал. Увеличение только аквариумных залов до 10,0 тыс. м², с 35 аквариумами, общим объемом 4154 м³ и подводным залом в 250 м² позволит привлекать более 1 млн. посетителей в год. Международный центр водных ресурсов с конференц-залом на 800 мест, офисами и другими служебными помещениями общей площадью 3630 м² позволит ежегодно проводить до 20 конгрессов и совещаний российского и международного масштаба. Музей превратится в Национальный Байкальский музей естественной истории, с новыми современными экспозициями, экологическим образовательным центром и Мировым центром водных ресурсов, оборудованными по последнему слову техники. Создание центра коллективного пользования, включающего аквариумную установку, дендропарк и систему удалённого мониторинга поможет существенно углубить фундаментальные исследования озера Байкал и его экосистемы.

Эскиз проекта нового музея

Такая большая работа по плечу коллективу музея, который собрал вокруг себя В.А.Фялков. Это доктора наук Ольга Тимофеевна Русинек и Василий Васильевич Смирнов, кандидаты наук Наталья Евгеньевна Вотякова, Юрий Иванович Мельников, Анна Альбертовна Этингова, Елена Николаевна Кузеванова и многие другие. В книге, посвященной Владимиру Абрамовичу, воспоминаниями поделились многие, среди них — академик И.В. Бычков, директор Иркутского научного центра СО РАН К.А. Апарцин, академик М.А. Грачев, председатель СО РАН академик В.Н. Пармон и другие, кто помогал В.А. Фялкову в его подвижнической деятельности с целью создать музей таким, каким он стал, и с перспективой на будущее.

КСЕНИЯ НЕВОЛИНА

Я варю в кастрюльке чудо

Объявление

К нам забрался чей-то кот!
Молочко пьёт, не компот.
Полосатенький живот,
Хитрая мордашка,
Рыжий хвост,
Довольный вид.
Спит, играет, снова спит.
Лапки мягкие!
Урчит!!
Не отдам!!!

Наташка.

НЕВОЛИНА Ксения Викторовна. Родилась в 1977 году в Иркутске. В 1999 году окончила Иркутский государственный лингвистический университет. В 2007 году защитила кандидатскую диссертацию по специальности «Германские языки», получила степень кандидата филологических наук. В 2019 году прошла профессиональную переподготовку в Учебном центре русского языка МГУ. В настоящее время преподаёт русский язык как иностранный в ИГМУ. Пишет стихи, песни, рассказы. Автор сборника стихов для детей «Я варю в кастрюльке чудо» (2022). Публиковалась в журналах «Колокольчик», «Метрономик», газете «Юность Севера». Победитель областного конкурса «Лучшая книга года — 2022» в номинации «Лучшее издание для детей и юношества. Поэзия». Является постоянным автором детского литературного журнала «Колокольчик» (Якутия). Живёт в Иркутске.

Зимнябрь

Снег кружится: Дул узоры он
Вжух да вжух. Всю ночь,
Словно с неба Осень прогоняя
Белый пух. Прочь,

Под ногами: Превращал
Скрип да скрип. Худой ноябрь
Дед Мороз В кружевной,
Совсем охрип: Седой зимнябрь.

Носоведение

Разве просто
Быть слоном? —
Задаюсь вопросом.
Умываться утром, днем
Длинным руконосом!
Нужно им и пить, и есть,
И трубить отважно.
В общем, этот руконос
Очень-очень важный.
Ну а птицы... Как они? —
Вот еще вопросик.
Один рот плюс две руки
Будет клювоносик.
У людей еще сложнее:
Этими носами
Можно делать кучу дел!
Посудите сами:
Можно нос повесить свой,
Можно с ним остаться,
А еще клевать, сопеть,
По ветру держаться.
Хорошо бы им дышать!
Воротить не нужно!
Водить за нос не давать
Лучше бы послушно.
И расквасить больно можно
На катке, к примеру.
Тыкать им берутся тоже,
Утереть за дело.
Вот проснулась утром я:
Нос забит, не дышит.
Мама говорит: «Пройдет!
Держи носик выше!»

Чудесный рецепт

Я варю в кастрюльке ЧУДО!	Что, боишься? А я смелый!
Даже, может, ЧУДЕСА!	Полетим! Побольше три!»
В ход пошли такие блюда:	Мы к летучести хотели
Суп, варенье, колбаса.	Капнуть скорости ещё,
Вот добавлю шоколада —	Только сколько ни глядели,
Сразу станет лучше вкус.	Не нашли нигде её.
Чуть-чуть маминной помады	Заглянул на кухню папа,
И немного ярких бус,	Удивился: «Ну и ну!
Чтоб оно красивым было	Я по этому рецепту
И сияло изнутри.	Лет уж тридцать не варю!»
Брат принес из ванной мыло	Дал нам книжку. В ней компоты.
И сказал: «Его натри,	Торт там есть и майонез.
Чтоб летать оно умело,	Нет у взрослых отчего-то
Как от мыла пузыри.	Лишь рецепта для чудес.

Зачем репейнику колючки?

У меня растут колючки
Вовсе не для красоты.
Мне нужны вот эти штучки,
Чтоб исполнились мечты:
Вот найду себе я друга
И колючкой зацеплюсь.
И верхом на его брюках
На край света заберусь —
По зелёному по морю,
Через дырку
За забор.
Там, наверно, брюкополе!
Только брюки и простор!
Брюки,
Брюки,
Брюки,
БРЮКИ
Всех цветов!
И там и тут!
...Вот зачем колючки-руки
У репейника растут.

Чудеса на парашютах

Парашюты?
Парашюты!
Улетают в небеса!

Я на этих парашютах
    Отправляю чудеса:
Вам — хорошую погоду,
    Вам — счастливый, звонкий смех,
Без ухабов вам дорогу,
    Вам на Север — свежий снег.
А тебе отправлю много
Всяких-разных я чудес:
    Полосатых, сладких, долгих
        И зелёных, как наш лес,
До мурашек ароматных,
    И пушистых, и в росе,
Тёплых, нежных, шоколадных.
    Это всё тебе! Тебе!
И привет от старой сказки!
    И улыбку до ушей!
Не пропала чтоб напрасно —
    Надевай её скорей!

Улыбается троллейбус

Улыбается троллейбус —
Машет весело рогами.
Старый тополь возле дома
Пахнет солнцем и смолой.
Мяч футбольный, будто глобус,
Закрутился под ногами.
Я на речке
    И ныряю
        Прямо в лето
            С головой!

Едем-едем в самоваре

Едем-едем в самоваре,
А в трамвае чай мы варим.
Если вдруг трамвай звенит —
Значит чай уже кипит!

Раз взлетели в небо грабли.
Эти грабли были цапли.
В камыше теперь живут,
Рыбу ловят, гнёзда вьют.

На Луне живет ботинок.
Просит каши.

Одинок.
Кто ТУДА его забросил?
КТО его туда забросил?
Этот кто-то очень длинный,
Право-ного-безботинный,
Внутри-очень-витаминный,
Рукоильный.
Я б не смог.

Май простудился

Хлоп —
    Хлоп —
        Хлопя
Снежные летят.
Снег —
    Снег
        Мокрый —
Дождь и снегопад!
Шлёп —
    Шлёп —
        Шлёпают
Туфли в снежной луже.
Кажется,
что май сегодня
Чуточку простужен.

Осенняя сказка

Кто живет на ветке тонкой
И под листиком сухим?
А на клумбе? А за ёлкой?
А под небом голубым?

Это Осени детишки:
Рыжик, Лужик, Холодок
И Багряночка-малышка,
Хмурый Хмур и Ветерок.

Рыжик прыгает по листьям,
А Багряночка летит.
Хмур рисует тучи кистью.
Ветерок весь день шумит.

По дорогам бродит Лужик.
В дом стучится Холодок:

Он замёрз и он простужен,
А еще насквозь промок.

Солнце выйдет на денёчек
Из-за серых, хмурых туч:
Дует легкий ветерочек,
Лист деревьев стал летуч.

Он парит багряный, рыжий.
Осень шепчет малышам:
«Забирайтесь-ка повыше,
Покажу я сказку вам».

Шум листвы и ветров,
Напевы реки и загадки.
И жизни секрет
Между строк, между слов...
И леса пушистые лапки!

Когда дождик льёт и льёт

Скоро буду я купаться!	А в лесу промокший леший
Круг на полке лето ждёт!	Смастерил надёжный плот.
Только как с ним повстречаться?	Лучше водным быть, не пешим,
Всю неделю дождик льёт.	Когда дождик льёт и льёт.

В небе расплескалась речка —	Вот и я стал сомневаться
Стая рыб по ней плывёт.	В том, что лето к нам придёт.
Хорошо б залезть на печку,	В лужах, что ли, мне купаться,
Когда дождик льёт и льёт!	Если дождик льёт и льёт?

Парад на кухне

Сегодня на кухне —
Военный парад.
Участников вам
Я представить так рад:
Вот скачет горошек
На ложке верхом,
Стартует котлета,
Под ней — пюредром.
Равнение на вилку!
Открыть шире рот!
Сейчас залетит
Туда хлеб-самолет!

Идет на посадку!
Вниманье!
Отбой!
Эх, лайнер ушел
В аэропорт
Запасной.
А вот
По брусчатке
Белесой стола
Шагает конфета,
Мундиром шурша.
Начищен до блеска
Парадный мундир.
Вдруг счастья салют
Кухню всю озарил.
Парад завершен.
Разойтись
По домам!
Сны сладко смотреть
Пора вам,
Да и нам.

Дедушки Байкала край

Шепчет мне волна: «Останься!	Заберись на гору смело,
Погости еще денек!	Красотою там дыши,
Отдохни да искупайся,	Наслаждайся и почувствуй
С чабрецом попей чаек.	Ветер и полет души.
Небом звездным полюбайся —	А не сможешь задержаться —
Как расшито оно ярко!	Через годик приезжай
За погоду не волнуйся —	В наш чарующий и щедрый
Будет солнце, будет жарко.	Дедушки Байкала край!»

Сугробы на носу

Выпал снег в октябре
Хлопьями пушистыми.
И укрылась вся земля
Холмами серебристыми.
Воздух стал от снега белый,
Люди и дома.
И пока была я в школе,
Здесь прошла зима.
Мы живем теперь, как будто
В сказочном лесу.
Тут растут сугробы даже
На моем носу.

Песенка для мамы

Растопило солнце
Синий зимний лед.
Март стучит в оконце,
И капель поет.
Топают по лужам
Сапоги мои.
А в руках для мамы
Первые цветы.

Испекли мы с папой
Вместе торт вчера.
И большой восьмеркой
Торт украсил я.
Вкусно будет! Честно!
Потому что мы
Положили в тесто
Килограмм любви.

У меня на полке
Есть еще секрет:
Рисовал я долго
Мамочки портрет.
Как проснется только,
Я ей подарю.
И шепну тихонько:
«Я тебя люблю!»

ВЛАДИМИР КРУПИН

Райские цветы

Всегда помню выражение: Цветы — это остатки рая на земле. И верю этому. Представьте жизнь нашу без цветов. Цветы для меня — часть жизни, и, может быть, лучшая часть. С детства. Особенно полевые и луговые. И лесные. Вот веснушки земли — золотые одуванчики, вот капельки неба — васильки во ржи и солнышки с белыми лучиками — ромашки. А полыхание иван-чая на опушках, на вырубках, и весеннее одуряющее запахом цветение дикой черёмухи. И в палисаднике, под окнами, всегда были цветы. Мальвы, астры, золотые шары. Ходишь по улицам нашего села, как по выставке цветоводства. И у дома культуры и у всех учреждений и, конечно, у школы, везде клумбы.

И отец, он же лесничий, всё время в лесу, всегда-всегда приносил маме цветы. А сёстры, их венки из ромашек и васильков. И домашние цветы, возглавляемые разлапистым фикусом ростом под потолок, — всё было с нами.

После такого начала жизни как было не заботиться о цветах в последующую жизнь. И вот, уже скоро полвека, цветы с нами в Богоспасаемом Никольском на наших трёх сотках. Конечно, хорошо бы побольше земельки, но и трёх хватает для радости присутствия красоты в нашей жизни.

Приехал после двухнедельного перерыва, не было возможности приехать, с чувством вины перед растениями. Дождя не было, как они пережили разлуку? Как мучались их корешки в сохнувшей, безкровной* земле. С тревогой вхожу в калитку, озираю участок. Ничего, держатся наши посадки. Ещё даже голубенькие и белые крокусы — первые после льда и снега малыши сохранились. А сейчас поздняя весна, уже пионы вовсю. Конечно, безобманные тюльпаны, жаль только, краток их век. Под ногами, никто не сеял, голубенькие пролески, остренькие листики ландышей, чашечки их будут попозже. А сирени, о! душа у моей жены сиреневая. И вот — вижу безобманное ликование цвета. Звоню, докладываю: «Цветут! Как? У бани вся сиреневая, такие кисти тяжелые, вся тёмно-сиреневая, парадная. Другая, мохнатая, за старой яблоней, все ветви будто в больших сиреневых шмелях. Третья, у изгороди, такая нежная, нежно-сиреневая с розоватостью. О, а что говорить, жаль, не видишь — сирень у веранды! Да, белая, но не просто белая, а просто воздушно-белая, облачная. Невесомая. Ох, да кто же на них тут любовался, когда нас не было? Ангелы, не иначе. Да, и птицы. Ну, конечно же, и пчёл!».

Поливаю растения, такие молчаливые, говорящие только красотой и запахом, но разве мало. Куда лучше? Поливаю и идущие им на смену, ещё пока сидящие в бутонах георгины, о, кто это, такой красивый на тонкой ножке, нарциссик, здравствуй! А это что за нарушители порядка цветения? Куда вы в такую рань, любимые мои флоксикки? А, это вы только один стебелёк выслали на разведку, главное ваше время, предосеннее, впереди. С вашим незабываемым немножко грустным

*В авторской орфографии.

долгим запахом. А вы, гортензии, что ж не торопитесь показывать свои красивые шапочки? Ну, колокольчики-то тут как тут, называют на всю ограду. Хризантемы царственные, царящие над просторной клумбой, как без вас. Сразу озвучили наш садик романсом: «Отцвели уж давно хризантемы в саду, а любовь всё живёт в моём сердце больном». Живёт!

Вот и лилейники выстроились в рядочек, а за ними возвышаются гордые, без запаха, мол, мы и так хороши, гладиолусы. Уже и клематис вывешивает большие звёзды голубых соцветий. А куст рододендрона, прямо как букет из земли вырвался, расцвёл, и надолго расцвёл. Ну как не остановить на нём взгляд, как не постоять рядом, как не погладить эти скромные милые цветочки.

Поднимаешь взгляд — яблони! Мелкие бело-красные лепестки на веточках, обещающие сладость белого налива августа и, в конце сентября, царственной антоновки. Яблоням передают привет цветущие за церковной оградой рябина и столбики каштанов. И соседская груша, перевесившая к нам ветви, засыпающая пространство под собой снегом мелкого цветения. И — восторг — вознесённый над колодцем огромный куст жасмина, вот-вот подарит белым пламенем цветения и всё побеждающим своим запахом. Цветут и кусты смородины, черной и красной. Тоже радость. Малина нахально обижает околзаборную крапиву. Крыжовник ещё весь мелкий и зелёный, а уже колетса.

Отдельный рассказ о растениях самосева. Например: мы не сажали маки. Почему? Попросту — боялись наркоманов, которые шарили по участкам в поисках мака. Но вот, то ли наркоманы образумились, то ли вымерли, уже вдруг, сами собой, и откуда взялись, полощут на ветерке своими крылышками алые, бледно-фиолетовые, бело-желтые маки. Ненадолго их хватит, но и на том спасибо. А вот эти два дубика — это подарок с небес, не иначе. Я давно привёз желуди из Оптиной пустыни, прорастил их, посадил, любовался. Но жена вычитала в жизнеописании Лермонтова, что было поверье: когда ствол посаженного дуба будет размером с шею хозяина, хозяин погибнет. Но я же не Лермонтов, но жена и мама её, моя тёща, желая мне долгой жизни, не стали дожидаться взросления оптинских деревьев и куда-то их пересадили, а куда, не сказали. И вот, в утешение мне, им на замену растут юные дубы. И до размеров моей шеи им тянуться — не дотянуться.

Розы! Разве есть розы лучше наших? Есть? Не может быть. Может? Ну и отлично: нет предела совершенству красоты, как всему живому. Розы, за заботу о них, платят золотом красоты. Эти радуги оттенков цвета, эти узоры, завитки лепестков, эта неприступность колючей защиты восхищает, поражает воображение. Вспоминается библейское: «Даже Соломон во всей своей красе» не достигает до красоты, Богом сотворённой.

Да, значит, таков рай — всесветное сияние очарованием света и цвета, благоуханного воздуха и тихой радости, заполняющей сознание и сердце. Особенно ощущаемой в начале вечера, когда всё полил, сидишь на крыльце своего дома и, кажется, вместе с цветами умиротворённо вздыхаешь.

О, а что ж я забыл сказать о цветах на нашем городском балконе? На нём негде повернуться: целая оранжерея. Да вот печаль: кормим голубей, прямо с ладошки клюют, а вот, видно, мало им этого, щиплют листики цветов. Понять их можно: кругом асфальт, другие балконы застеклены, а зелени хочется, ну а цветам какво? В раю, уверен, никто никого не обижает. Это же рай.

А здесь, с нами остатки рая живут ещё в блёстках воспоминаний о радостях детства: с мамой за ягодами, с папой на реку, с друзьями у костра. А частые яркие

звёзды в тёмных ночах новолуния, и тёплые лужи после летнего дождя, и лунный свет зимней ночи, и это, опять же, цветы под окном.

Нам ли быть печальными на этой земле, нам ли? Так отрадно здесь. А у Бога будет ещё лучше.

От начала к началу

Откуда вышла, куда шла и куда идёт ЛИТЕРАТУРА

То, что все последние столетия Россию терзают тяжелейшие испытания, показывает и её живучесть, другие бы не сохранились, и главное то, что будущее за ней. То есть, вроде бы, они и выжили в веках (Америка, Испания, Германия, Франция), но уже влияния на мировую историю почти не имеют. Ещё, поддерживая себя награбленным золотом, пыжались командовать. Это бесполезно. История слушает не богатых, а верящих в Бога. И то, что число русских святых увеличивается, как раз показывает то, что Россия идёт единственно верным в истории путём — путём Христа.

Всё началось с перевода Священного Писания в конце Ветхозаветных времён. Семьдесят переводчиков, строка к строке, слово к слову переводили его с древнееврейского на греческий. Это Септуагинта, по которой, слава Богу, и ныне живёт Православие. Но была и Вульгата, перевод на латынь, основа для Богослужения западной Церкви.

Так вот, из Вульгаты, по дьявольскому плану, исчезло Христологическое толкование всего содержания Писания. Исчезли многие или были переформатированы тексты, которые говорили о приходе в мир Сына Божия, и которые полностью сбылись. Именно этим ценен Ветхий Завет. Но Богу не поверили иудеи, объявили Иисуса Христа ложным мессией и стали ждать, и до сих пор ждут своего.

Разницу в подходе к событиям истории легко усвоить из прочтения «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона. Считают у нас или, вернее, заставляют верить в то, что русская литература началась со «Слова о полку Игореве». Нет, труд митрополита Илариона был свершен на сто лет раньше. Главное в нём — противостояние иудейской религии и веры православной. То есть столкновение неверия во Христа с готовностью умереть за Него. И уже христианская кончина первых русских святых, Бориса и Глеба, доказала это. Как раз их Житие обозначило главное направление русской письменности: она духовна, она славит образ жизни на Руси как служение Богу, благодарение Ему за великий дар жизни и за все благодеяния Его.

Переход от русской литературы устного периода к письменному был у нас необычайно лёгким, потому что и былины, и сказки, и народные песни, обрядовая поэзия, пословицы, загадки, потешки, баюкалки были глубоко нравственными, учили праведной жизни. То есть мы, «не знающие закона», жили по закону. И русских тысячу лет назад не надо было насильно загонять в днепровскую купель, они шли в неё с радостью. Но не радовало это падшего денница. И он, изгнанный с Небес архистратигом Михаилом, увлёк с собою отпавших от Бога ангелов, а на земле взялся за своё дело: доказать, что можно жить без Бога. Что Бога вообще нет, а есть только он — падший денница.

И началась Новозаветная история: схватка света и тьмы, Христа и велиара. И сколько же мы прошли нападений на Церковь, на Веру, сколько встрясок. Все они были нам на пользу. Одно то, что сейчас уже никого не надо убеждать, что Бог есть. Но ведь это же только начало. «И бесы веруют». Надо не только верить в Бога, но надо верить Богу, его заповедям. А как верить? Очень просто, исполняя их. В этом и есть главное послушание. А послушание делает нас сильными.

Мы же молимся ежедневно: «Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли». А как это может быть? Когда будем безгрешны. Но как, это же трудно? Мы же не ангелы. Но мы, говорит Писание, немногим от них отличны. Сотворены, как и ангелы, «по образу и подобию Божию», мы и похожи друг на друга, только вот слабоваты душой.

У русской письменности с первых шагов открылось огромное поле деятельности — учить людей жить по Заповедям. Учили по Псалтыри, по Писанию, по Житиям святых. По Поучению Мономаха. И это поле стремительно расширялось. Но враг нашего спасения не дремал. Писатели древности сеяли пшеницу, а сатана всевал плевелы, сорняки. Которые цвели, обольщали, разрастались, захватывали сердца и души, глушили пшеничные колосья. Плевелы доселе правят бал на книжном рынке. Они обязательно получают своё заслуженное, по слову Писания, они сберегаются на день Суда и огня геенского.

Конечно, зараза в русскую литературу, в культуру, в образ жизненного поведения пришла с запада, конечно. Ну а кто виноват? Сами! Сами же обращались не к солнцу востока, а к западу преисподней. Расхлебенили, как говорится, открыли настежь российские ворота, как тут в них не хлынуть всякому обезбоженному отребью. Так что сами хороши.

Величие русского языка (ну как же не верить Ломоносову!) доказано превосходством русской литературы, так нет, надо учить французский. Приняли Православие, так чего, казалось, топтаться на вытоптанной античности? В ней и было всего, что триада Сократа, Аристотеля, Платона, ибо они, в отличие от язычников, говорили о Единобожии. Но и о человеке. (Хотя, например, «Антигона» Софокла несёт в себе христианские мотивы, Антигона слушается не градоначальника, а исполняет волю богов.)

Эту триаду реанимировали в средние века, нельзя было и шагу ступить, чтобы их не упомнить. Назвали это Возрождением. Какое возрождение? Возрождалось язычество на новом уровне. Безбожники Дидро, Руссо, Аламбер, особенно Вольтер владели умами. Прикармливали их (как же — Европа), особенно Екатерина, конечно, Вторая. Но её увлечение развеял, вечная ему память, архимандрит Платон (Левшин). Безбожные, кощунственные разглагольствования Аламбера, присутствие которого при дворце щедро оплачивалось из царской казны, он посрамил, пресек цитатой из Псалтири: «Рече безумец в сердце своем: несть Бог». Безумцу вскоре пришлось покинуть Россию.

И вообще, всегда так: когда кто-то не любящий Россию, ненавидящий её, называющий её рашкой, а русских ватниками, короедами исчезает из России, воздух в ней становится чище. А враги наши могут дышать только отравленным ими воздухом.

Спасительны для России были сочинения Державина, Крылова, Жуковского, особенно Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Достоевского, Гончарова, Островского, вслед идущих Кольцова, Никитина, Майкова, Сурикова... Это была могучая поддержка святителям Тихону Задонскому, Феофану Затворнику, Игнатию Брян-

чанинову... Уверен, молились за них и преподобные Сергей Радонежский, Серафим Саровский...

Но не отставал во все времена и губитель рода человеческого. Выпустил на свет теорию эволюции. То-то заплясали бесы: не Бог нас сотворил, от обезьян мы. Тут и подход к фашизму. Как? Очень доказательно. Чем и как мы познаём мир? Джон Локк: чувствами. Но чувства могут обманывать. Мне холодно, тебе жарко. Разумом? Кант, Гегель. Но разум у всех разный. А что им управляет? Шопенгауэр: воля. Ницше тоже в той струе. То есть: если мы от инфузории-туфельки дошли до обезьяны, до человека, стали такие умные, надо идти дальше, к сверхчеловеку. Вот и фашизм. В Европе унтерменши, а славяне недочеловеки, хватит им бала-лайки и водки. А если что они и сотворили, так это не совсем русские, а татары, немцы, эфиопы, шотландцы. Выучили же голландцы Петра Первого, а французы и немецкий еврей Ленина.

И литература пошатнулась: Белинский, Писарев, Добролюбов, Чернышевский, — вот кого тащили в красный угол. Невероятен был авторитет Льва Толстого. Не писателя, вещателя, свергателя трона, кощунника редчайшего. Да и никто его не изгонял из Церкви, просто в наказание лишили причастия «до покаяния». Как же, покается он, такой гигант и перед кем? Ему Сам Господь не икона («Не надо мне ни камня, ни креста на могиле», вот я какой), сам от Православия отошёл.

Да, две бородищи, карлмарксовская и левтолстовская, заслонили все варианты выбора путей в жизни, кроме того: первое, чтобы идти за «Призраком коммунизма, который бродит по Европе» («Манифест» Маркса) и, второе, свергнуть самодержавие и посягать на Небеса.

Достоевский, Пушкинская речь, «всечеловечность русских». И что нам от этой всечеловечности. Да, всех по-христиански прощаем, надеемся на их приход ко Христу, но они-то нас за людей не считают. Учат бомбы в царей бросать. Очень передовой метод борьбы за человека. И кто слушал святого праведного Иоанна Кронштадтского, а ведь он криком кричал о покаянии, о вреде учения Толстого.

Но тут в атаку на Россию пошли уже бороды другие, революционные. Некогда было Ленину, Троцкому, Дзержинскому, Свердлову, тому же Бухарину, бороды отращивать, клинышков на подбородках хватало. Не бородкой же мыслил Троцкий, заявляя: «Революция делается для того, чтобы воры и проститутки стали философами и поэтами». А мы-то думали! А как издевались эти малобородые, прежде всего, именно над русскими.

Но пришёл и на них каратель. Безбородый, но усатый.

Начало XX века — в литературе якобы серебряный век. Какой серебряный, на железо не тянет. Только и есть, что Гумилёв, Северянин, Есенин да Блок, остальное — разврат, цинизм, пляска на «пароходе современности», потом обслуживание большевиков (Придворов — Демьян Бедный: «Что с попом, кулаком вся беседа — в брюхо толстое штыком мироеда»), а потом нытьё в «Вехах» пассажиров философского парохода: «Мы так не хотели».

Потом 20-е, 30-е годы, изгнание всего русского, сплошной троцкизм. Просьбы Хрущёва увеличивать нормы на расстреливаемых. В литературе склоки, оканье Горького («Если враг не сдаётся»).... В жизни усекновение церковных глав, казни и ссылки священников. И как только ещё выжили, как?

Господь во вразумление попустил Великую Отечественную войну. Она вернула Патриаршество, родила Победу и литературу защиты Отечества: Ананьев, Астафьев, Бондарев, Бакланов, Василь Быков, Воробьёв, Кондратьев, Евгений

Носов, Виктор Некрасов. Родила поэзию, дала тексты для песен: Твардовский («Тёркин»), Исаковский («Пусть он землю бережёт родную, а любовь Катюша сбережёт»), Исаев «Суд памяти», Фатьянов («Соловьи»), Старшинов, Друнина, Горбовский, Костров, Симонов («... в бой провожая нас, русская женщина по-русски три раза меня обняла»).

А потом эстафету военной литературы приняла вначале очерковая (Валентин Овечкин, Иван Васильев, Леонид Иванов, Владимир Ситников...), а вслед за ними очищающим валом поднимающейся волны хлынула деревенская проза: Акулов, Абрамов, Астафьев, Белов, Екимов, Лихонос, Личутин, Потанин, Распутин, Солюхин (по алфавиту, ибо каждый из них заслуживает первого места). Они, даже и невоцерковлённые, кто-то и не причащался, но все, любя Россию (Лобанов, Палиевский, Кожин, Ланщиков, Олег Михайлов, Селезнёв, Семанов...), видели её спасение на путях Православия.

И только так. Чем плохи великие личности Будда, Конфуций, Магомет? Именно великие. Каждый из них сумел увлечь за собой огромное количество поклонников, заставив поверить только в его учение. Но! они же были живыми людьми, прошедшими земной путь и растворившимися в бегущем времени. Может быть, и надолго, но не навсегда. А Иисус Христос — это Сын Божий, Бог-Слово, родившийся от Духа Святаго и Марии Девы и вочеловечившийся. И своей земной кончиной на Голгофском Кресте посрамивший смерть и отринувший её. И взшедший на небеса к Отцу Небесному. И теперь вся наша жизнь — это ожидание Его Второго пришествия. «И паки грядущего со славою судити живым и мертвым, Его же Царствию не будет конца». Принадлежать Православию — наше главное счастье.

Если эти доводы не убедили, давайте вернёмся к античности. Чего, вроде бы, в ней не хватало, всё есть: Олимпиады, искусство словесности, театр, трагедии, драмы, раздолье словопрений софистов, архитектура Акрополя, фаяомский портрет, Фидий, ристалища... Что же не выжила эта античность? Ответ один — была обезбожена. Были боги с маленькой буквы. Жили на Олимпе, но однажды явилась туда Душенька Богдановича, которая «во всех нарядах хороша», да так хороша, что все боги влюбились в неё и меж собой перессорились. И это боги? А литература дохристианского периода? Одиссеи и Илиады? Походы за золотым руном? А оно на что? На спасение души? Да нет, на обогащение. Любая наша былина перевесит все красоты гекзаметров античности, ибо она обязательно воспеваает защиту родной земли.

Вера в могущество человека губила человека. Хотя многие века пелось славословие именно человеку. Самомнение и гордыня зашкаливали. Докатилось и до XX. «Человек — это звучит гордо», — возгласил Максим Горький. (Хотя, скажем в скобках, тот же Горький написал, как малый воробышек говорит человеку: «Человек, человек, у тебя две ножки, хоть и очень ты велик, едят тебя мошки. А я маленький совсем, зато мошек сам я ем»). Гордо-то гордо звучит, но это тупик. Жизнь-то и любого гордого конечна. «Сократ, цари приговорили тебя к смерти». — «А их к смерти приговорила природа». Хоть так, хоть так — финал. В жизни людей накапливался страх перед Аидом, Тартаром.

Но уже начинали слышать и слушать ветхозаветных пророков: жизнь на земле не заканчивается, есть её основное содержание — потусторонний мир. И мир этот более реален, нежели реальность, что есть Единый Бог — Создатель всего живого. Ветхий Завет для нас ценен только тем, что главное в нём — ожидание

Сына Божия, Христа, и обязательного грядущего ответа за поступки в земной жизни.

В предсказанное время пришёл на Землю Христос — незакатное солнце взошло над нами. Но разве смирится с этим древнее зло — сатана. Ему же обидно: с такой лёгкостью пленил души, а тут между ним и людьми встала преграда — Господь. Тогда он, по примеру змия — падшей денницы, стал всевать в людей, кроме гордыни, ещё и зависть, а она успешно ссорила людей и государства. Если бы они ополчились на врага рода человеческого — виновника их несчастий, были бы спасены. Нет, они видели врага в таких же людях, как они сами. Вот и всё. Тут тебе и революции, тут тебе и войны.

А почему? «Потому, что люди мира сего более возлюбили тьму, нежели свет». Опять же, почему? «Потому, что дела их были злы». Видели спасение не в духовном, а в телесном. Вот это и есть главное зло в человеке против себя прежде всего.

Не нам знать, «когда закроет вечность время» (Державин), но помнить об этом — первейшая обязанность служителей Слова. Помнить, как помнили его служители в начале письменности. В начале. А потом? Оглядываешься: Боже мой, сколько же они поработали лукавому.

Но веришь, что не зря прошли века и века письменности. Начатая служением Богу, она много раз, иногда надолго, уходила в обслуживание сатанинского растления жизни. Более обслуживала воспевание страсти, а не любви. Опомившись, возвращалась. Но силён враг, опять хватался за вожжи колесницы рода человеческого, заворачивал её на протоптанные дороги, ведущие к гибели.

Последний такой разворот свершился на наших глазах одновременно и в конце столетия и тысячелетия. Это все должны помнить: как заплясали бесы в неистовом счастье попирая всё святое, делать разврат нормой жизни, кланяться наживе, как победно хрипел приведённый к власти пьяница, не имевший за душой ничего, кроме тщеславия. Как лепились к нему антирусские, антиправославные писаки, угодливо требовавшие «раздавить гадину», то есть патриотическое движение.

И где они теперь, эти писаки? Да даже и неважно, где они — живы, не живы — важно, где их книги? А уже нигде, в дыре забвения. Умиralи либеральные книги раньше авторов. Разве может быть долгожителем книга, написанная озлоблением, а не любовью? Тенденция убивает художественность.

Русские писатели усвоили православную мудрость: Господь дал человеку не только свободу выбора, но и предопределил каждому его назначение. Понимая, что своими силами мы никогда не спасёмся, то есть без веры в Бога не спасёмся, мы и идём к Нему. И чем ближе к Нему, тем мы свободнее. И знаем, что литература, не ведущая к Богу, бесполезна.

На западе уже нет сколько-нибудь приличной литературы. Была бы, знали бы. А по сути вся лучшая у них литература была глубоко антикатолической и антипротестантской. Данте, Рабле, Сервантес, Гёте, все они ополчились на фальшивость западного христианства. «Дорогая супруга, так хочется изменить тебе, ты не возражаешь?» — «Нет, дорогой. Только ты купи индульгенцию и иди спокойно». У Достоевского: «Француженка только и ждёт того, чтобы выйти замуж и немедленно начать изменять мужу». Рушится Богом установленная семья — гибнет общество.

И любые надежды на то, что людей спасёт наука, бесполезны. Да, так. Наука всё узнала: и молекулярность и нейтронность, и то, что даже у малой блохи есть свои блОхи, и расстояние до планет и звёзд исчислила, всё узнала, а откуда всё

появилось — вот этого наука не узнала. И не узнает. Не может смириться и признать, что всё от Бога. А Он вечен и безконечен, и в нём познаваемо только то, что Он непознаваем. Господа учёные, был День Творения? Ну как же не был, если мир сотворен, и мы в нём живём. Так Кто же этот день устроил?

Нет, мы, русские писатели, живы, живее всех живых. Мы знаем, что с научным познанием мира покончено, остаётся духовное. Его мы осваиваем и внедряем в умы. Идя к будущему литературы, мы идём к её началу. Давно пора.

ВАЛЕРИЙ СКРИПКО

Всё праведное просит правоты

Кто он, герой сибирской поэзии?

1

Вспоминаю знаменитое выражение Евгения Евтушенко «поэт в России — больше, чем поэт» — из его поэмы «Братская ГЭС». Мы, участники литобъединения города Братска, в конце шестидесятых годов прошлого века собирались в редакции городской газеты «Красное знамя», обсуждали поэму, и постепенно начинали осмысливать всю «громадность» положения поэта в культурном пространстве нашей большой страны! Это должен быть летописец и пророк, вдохновитель на великие дела, и по своим моральным качествам — духовный лидер общества.

Некоторых героев поэмы Евтушенко мы знали лично. Благодаря магии поэзии, из обычных сослуживцев и знакомых они превратились в яркие литературные образы известных жителей города, строителей ГЭС. В их облике, в их труде было много героического! С почтением и робостью смотрели мы в сторону столицы, где родилась поэма, посвящённая нашему сибирскому краю. Удивлялись, как понимал наши проблемы автор, который сформировался как поэт именно в Москве, куда переехал подростком. В Сибири он родился, прожил всего несколько военных лет на станции Зима в Иркутской области, но быстро стал осознавать себя сибиряком. В одном из стихотворений он так и заявил: «Я сибирской породы, ел я хлеб с черемшой и рекою паромы тянул как большой!»

У многих из нас, местных авторов, которые уже вступили в пору зрелости, опыт общения с сибирской природой был несравненно богаче, чем у столичного поэта Евтушенко. Могу смело утверждать, что мы исходили тайгу вдоль и поперёк, гораздо больше юного москвича съели той же черемши с хлебом, но писали стихи иначе, наверно, потому, что были какими-то другими сибиряками. Конечно, много значит масштаб таланта, но здесь я имею в виду морально-нравственные установки поэта, направленность творчества. Кого он хочет удивить или утешить?

В наших поэтических опытах не было московского щегольского набора эстрадных приёмов в поэзии, когда автор хочет поразить читателя потоком необычных образов, парадоксальных словосочетаний, умением выстраивать поэтическое произведение как пьесу на сцене с нарастанием эмоционального напряжения, со всеми театральными приёмами и эффектами.

Мы были другими, потому что крме витаминов от чудодейственной черемши с хлебом, мы еще десятилетиями впитывали в себя всю благодатную атмосферу общения с земляками, испытывали сильное влияние наших местных стариков,

предки которых часто оказывались староверами, своих отцов, недавно пришедших с великой войны. И жизненный уклад, который сформировался за многие столетия под воздействием православных традиций, в Сибири не располагал к жестокому азарту творческого соперничества, к беспощадной битве гордынь и тщеславий, свойственных столичной культурной среде!

Вся эта духовная «чернота» пришла к нам, в Сибирь, позже, в «рыночные» времена.

Я еще раз понял правоту своих наблюдений, когда прочитал в журнале «Сибирь» стихотворение одного молодого поэта-земляка, **Дмитрия Полеонного**, жителя того самого города под названием Зима, где в военное время провёл детство «великий признанный поэт». Молодой человек описывает встречу в родной Зиме с этой столичной знаменитостью уже в наше перестроечное время, и по описанию видно, что смотрит он на московского поэта глазами того сибиряка, который родился и вырос, сформировался как поэт в здешних местах. Вот каким предстаёт в стихах сибирского поэта «столичная знаменитость»:

*И понял я, что был поэт
Когда-то, в прошлом, может быть.
И что давно поэта нет,
А есть любитель удивить.
А есть любитель петь и пить,
Красивых женщин обнимать.
А я-то, что душой кривить,
Хотел вблизи его узнать!*

(журнал «Сибирь», № 3, 2018 г.)

Стихи модных столичных авторов, рассчитанные на эффект от устного чтения, легко отличить от произведений сибирских поэтов. Все помнят, как в свои поэтические строки «ввинчивал» технические термины и всякие жаргонные словечки архитектор по образованию поэт Андрей Вознесенский. «Когда потребует поэта к священной жертве... стадион» писал он, переиначивая пушкинские строки. Но на стадионе под яркими бликами фотовспышек корреспондентов уже ничего «священного» разглядеть было нельзя. Это был светский «пир» прозападной части столичной интеллигенции, которая бросалась на всё модное, яркое и удивляющее своей формальной новизной. Столичная «тусовка» возжелала интеллектуальной свободы от всего российского прошлого, от социальных обязательств перед обществом.

2

Но, к счастью, в регионах не вошли в моду шумные эстрадные представления поэтов, которые были больше похожи на ярмарки тщеславия. Здесь была другая тональность выступлений. Здесь еще ценилась, как непревзойдённый образец, классическая гармония стихов пушкинской поры, их неподдельное благородство и грусть! Мы узнаем своего земляка по такому трепетному отношению к духовному чуду в нашей жизни, именуемому поэзией, какое есть в стихотворении **Юрия Баранова** «Поэзия»:

*Она звучала непрерывно,
В дожде, в зелёной тишине.
Была мелодией призывной
И занавескою в окне.
Она была мостом державным,
Что сокращает путь во тьме,
Мечом и барабаном славным
И горем при большом уме.*

(журнал «Сибирь», № 3, 2018 г.)

Возможно, поэт **Юрий Баранов** услышал эту «призывную мелодию» сквозь рёв реактивных двигателей, когда служил в военной авиации. В Сибири почти все так начинали заниматься литературой: один пришёл в писательское сообщество из геологии, другой — из охотников-промысловиков, третий — из речников. А кто-то вместе с крылатым Пегасом спустился на сибирскую землю в лётной форме прямо с облаков. Сменившие профессию геологи, охотники и лётчики обогатили нашу российскую поэзию и прозу удивительным эмоциональным разнообразием своих впечатлений. Героев поэм сибирских авторов отличает простота и естественность людей, которые жили в гармонии с природой! Верно подметил наш земляк, писатель **Василий Забелло**, сравнивая героев поэмы, написанной столичной знаменитостью **Евгением Евтушенко** и сибирским поэтом **Анатолием Горбуновым**: «для инженера-гидростроителя Карцева, что у Евтушенко, характерна застольная горделивая поза, которая видна, даже когда его пытаются в застенках Гулага, совершенно чужая, не характерная для труженика, воина, для простого русского человека».

(журнал «Сибирь», № 2, 2022 г.)

Эта «горделивость» литераторов-космополитов уже, как плесень, незаметно заползала в нашу литературу. У столичной читающей публики, у редакторов, издателей не было «моды» на нашу сибирскую простоту. Не было запроса на произведения с «потайной грустью, с незлобивой иронией», как характеризует поэму **Анатолия Горбунова** «Деревня» его друг, поэт Василий Забелло. Наоборот, имел место обратный процесс: некоторые столичные литераторы уже не могли писать без иронии, причём злобной и беспощадной. Формировался особый столичный, почти «светский» образ жизни со своим стилем поведения, своим жаргоном, с плохо скрываемым презрительным взглядом на «провинцию», на официальную идеологию.

О жизненной позиции таких поэтов-одиночек очень точно сказала в одной из критических рецензий поэт Марина Цветаева, обращаясь к поэту О. Мандельштаму. (Тому самому, которого нынешняя либеральная литературная тусовка превратила в поэта, якобы «оказавшего самое большое влияние на нашу российскую поэзию».)

«Если бы Вы были моим мужем... Мандельштам... Вы бы взяли винтовку и пошли сражаться. У Красной Армии был бы свой поэт, у Вас — чистая совесть, у Вашего народа еще одно право на существование в мире, на одну гордость больше и на одну низость меньше. Ибо, утверждаю, будь в Армии (любой), Вы бы этой книги не написали. Это взгляд со стороны, живописный, эстетский». (1)

Лучше не скажешь. «Эстетствующие» поэты-одиночки не были «своими» для большинства нашей читающей публики. Такие поэты, как капризного ребёнка,

пестовали свой индивидуализм. У «эстетствующих» не было своей Армии, но были свои «роты» и даже «батальоны» явных и тайных сторонников, имевших богатых спонсоров и большое влияние в нашей стране и в мире.

Вот в каком неблагоприятном духовном климате в стране продолжали писать стихи наши сибирские поэты.

3

В самом начале двухтысячных годов у меня была еще какая-то надежда на реформаторский потенциал жизни в российском государстве с новыми идеологическими установками, с рыночной экономикой. В шестом номере журнал «Сибирь» за 2002 год опубликовал мою статью под названием «Проснётся ли трибун и бунтарь?» Мне почему-то казалось, что наступило благодатное время для новаторов и реформаторов в российской литературе. Благодатное, потому что «свобода творчества» произносилось правящими в стране либералами как один из главных принципов их культурной политики. К сожалению, очень скоро все литераторы поняли, что всякая «новизна», в той же поэзии, получит одобрение правящей элиты только в том случае, если автор «свой» по мировоззрению.

Через несколько лет такого либерального «пиршества» многие читатели и зрители тоже осознали: это ведь российские эгоцентристы любят себя, пишут для себя, награждают самих себя! Нынче их «пир»! И реформаторство им нужно вовсе не для поиска новых духовных откровений, а для того, чтобы развлекать публику превращением в абсурд привычных понятий и традиционных форм в искусстве и литературе. *(Они когда-то и социализм со всеми его благами «кроили под себя», и нынче пытаются «сформатировать» российский капитализм только для своих потребностей и забав.*

При этом, с начала девяностых годов они зорко следят за тем, чтобы никто из литераторов, сторонников традиционных духовных ценностей, образно говоря, «не поднял голову», не увлек за собой души читателей. Это сделать оказалось очень просто. Таких авторов не печатают, их объединения обычно лишены финансирования, и влачат жалкое существование.)

Это было характерно и для творческой атмосферы Прибайкалья. Мы были слишком разные, поэты-традиционалисты и патриоты и либералы-индивидуалисты. Первые считали, что «любить себя и мучиться собою» — это «общий перед миром грех» (**Зоя Горенко**. Журнал «Сибирь», № 2, 2022 г.), вторые были заняты только собой и своими поэтическими фантазиями. Это была не поэзия, страдающая и через страдания дарующая счастье, а ПОЭТИЗМ, изобретённый в благополучной Европе чехом Карелом Тейге еще в двадцатых годах прошлого века. Новым термином называли не искусство, а образ жизни, где писание стихов превращается в нечто вроде медитации индийских йогов. Это *«поэтическое наполнение человеческого существования»*. *Поэтисты не признают несчастье, трагедию воспринимают как атавизм, не свойственный новой эпохе, на пороге которой стоит человек... Здесь наступает конец христианской и аскетической диктатуре души. Исчезает трагичность, этот эстетический садизм. Наступает физическая и психическая эйфория.* (2)

«Поэтизм», по сути, пришёл на смену традиционной поэзии во всех странах, где начало складываться общество потребления. Его приверженцы появились во

многих российских мегаполисах... Однако, у нас на душу населения приходится слишком мало национального продукта, чтобы «заплыть жиром» и окончательно впасть в «поэтизм», то есть в бездумную эйфорию.

Первые пятнадцать лет двухтысячных годов прошли как-то удивительно быстро, но этот исторический период со всей очевидностью показал: эгоцентристы всех мастей, несмотря на владение всеми издательствами и средствами массовой информации, не смогли завоевать над постсоветской «толпой» той власти, о которой мечтали, и поэтому были вынуждены умерить свой пыл! Поддержка читателей и зрителей оказалась не такой горячей, как они хотели. Судя по всему, у нас так и не созрели социальные условия для того, чтобы либералы-космополиты установили своё безраздельное господство в идеологической и культурной сфере. Значительная часть нашего населения, то есть потенциальных читателей и любителей поэзии, снова вспомнила о традиционных ценностях.

4

И проснулся «трибун и бунтарь», о необходимости которого я писал в журнале «Сибирь» в начале двухтысячных годов, — это был сибирский поэт **Владимир Скиф**. В 2014 году он издал новаторский сборник «Скифотворения», в 2018 подарил читателям еще более новаторскую книгу «Заброшенный сад». Как собрание звуковых и графических «скифотворений». В сборнике даже форма стихов, расположение строк на странице напоминали изобразительные находки футуристов начала двадцатого века. Например, «графическое» стихотворение о времени, которое, как полотенце на гвоздике, капает минутами, и внешне выглядело как полотенце. А еще есть удивительное произведение, где строчки напечатаны в форме креста:

Жизнь прекрасна и опасна где сияние ХРИСТА видит пред собою паства у Соборного Креста есть в народе ощущение в день Святого Рождества паства вымолит прощенье и останется жива.

Было впечатление, что все предыдущие годы «перестройки» Владимир Скиф копил духовные силы для творческого прорыва в будущее! В девяностые годы жить было тошно и писать тоже. Даже сам могучий Байкал, видя пьяные «рыла» наших «рыночников» на своих берегах в шашлычном дыму, не выдержал и пришёл за помощью к своему другу-поэту Скифу.

*Байкал влажно утыкается в мою ладонь,
Ища сердечной защиты.
Почему-то у меня и у Байкала
Нет стало честных врагов
И милосердных Друзей.*

Стих датирован 1991 годом. И вновь опубликован в 2020. Поэт и великое сибирское море это длинное лихолетье выдержали, перетерпели. И отдыхают от него вместе! В характере Байкала теперь меньше той «ветреной свободы», которую подметил в нём когда-то поэт. Древний «старик» Байкал — посуровел, стал еще мудрее. А вокруг, в сибирской стороне, приметы возвращения духовной России к самой себе. Снова жарки горят как «совесть Прибайкалья» и «доносится мелодия Рубцова».

В новое время поэт пришёл с прекрасными художественными образами событий и лиц из прошлого и настоящего. Пришёл и щедро поделился с нами всем, что бережно хранила его огромная память поэта и большое сердце.

*И предавался я злословью,
Смеялся, ощущая боль.
Всё дело было за любовью,
СПАСАТЬ — её земная роль.*

Есть в новом взлёте поэта Скифа некий высший Божий промысел. После мрачной сумятицы и смуты девяностых годов пришло время «собирать камни». «Всё правильное строится украдкой, всё праведное просит правоты», — утверждает он в одном из своих стихов. Последняя строчка точно характеризует смысл духовного порыва самой здоровой части нашей творческой российской интеллигенции ко всему традиционному, подлинному, отвечающему смыслу праведности, которое дал нам Иисус Христос в Новом Завете. Среди разгула эгоизма вспомнилось русским людям это старинное слово: праведность и всё, что с ним связано.

В своё время Иисус Христос обвинял фарисеев в том, что они стремятся к внешнему, показному благочестию. Такой же, во многом фарисейской, оказалась и предложенная нашим согражданам в 90-е годы российская демократия со всеми её атрибутами и соблюдением определённых норм и правил. Никого в этом торгашеском «эдеме» не интересует твой внутренний мир. Надо только быть, а точнее, казаться толерантным!

Праведность Христа требует правоты внутренней. Счастлив человек, когда он «ведает», как надо праведно, то есть правильно, по-божески жить, справедливо жить. Для сибиряка это значит соблюдать все нравственные нормы не по-фарисейски, а от души, по внутренней потребности своей совести, молиться в храме, любить свой край и его людей.

Именно на таком душевном «замесе» поэт Скиф создаёт целую книгу стихов о Байкале под названием «Он места в космосе искал». В книге будет одна памятная строка: «меня спасла классическая лира и мой Байкал». Лучше о судьбе поэта и не скажешь. Духовная основа наша — в пушкинской поэзии, такой же чистой, как воды Байкала. И кто верен этой основе, тот способен обогатить нашу культуру новыми достижениями.

Друг моей молодости, известный сибирский бард, рассказывал, что, собираясь на свои вечеринки в их большом городе, местные поэты — поклонники Бродского и прочих космополитов — слушали новые стихи своих приятелей и, если кто-то читал написанное в традициях великой русской поэзии, презрительно скривив губы, говорили: «литинститут». На сборищах эгоцентристов это было ругательным словом! Там приветствовалась всякая «заумь», связанная с личными переживаниями. В какие только крайности не бросала этих поэтов самая губительная страсть — гордыня. Там она расцветала пышным цветом. Каких только «чудиков» не было в нашей сибирской литературе со времени запуска Братской ГЭС! Разметали их без следа «ветра перемен», и, за редким исключением, никто не пытается найти и прочитать их сборники.

Но, к счастью, остались писатели и поэты, которые привыкли жить вместе со всеми земляками духовно одной семьёй. В их числе поэт **Анатолий Лисица**. Всю жизнь он трудился, то на Братской ГЭС, то за письменным столом. Мало кто из нас, участников шумных литературных встреч, знали о нём. А он по-сибир-

ски уверенно шёл к своей цели, издал десятки книг, стал членом международного пушкинского общества. До сих пор в его стихотворных подборках главной является неизбывная военная тема. И обязательно — думы о нашей многострадальной родине.

«Человечество не вымирает, потому что есть Отечество!» — написал автор сборника «скифотворений» **Владимир Скиф**. Здесь же автор спрашивает:

*Из какого материала вылепить
сверхнежность и сверхлюбовь,
чтобы протуберанцы души согрели мою Родину?*

Каждый день жизни настоящего поэта — это материал для любви. Чем дольше живёшь, тем сильнее любишь ближнего и жалеешь его. Сибирский поэт **Василий Скробот** так и заявил:

*...а я Россию сделаю добрее
И как поэт, и как её слуга.*

Василий Александрович вернулся в Братск в 1971 году, за прошедшие полвека пережил все преобразования родного края, руководствуясь главной жизненной установкой:

*Меня природа радует и кров,
Беречь стараюсь совесть непременно.*

(журнал «Сибирь», № 1, 2023 г.)

А через совесть в душу приходит Господь и помогает многим моим землякам-литераторам не сбиться на какой-нибудь модный «постмодерн»! Они остались верны традициям великой русской литературы, потому что у них есть большие литературные темы, которые постоянно тревожат сердце: это наше великое военное прошлое, это православное по своей сути сострадание к своим согражданам, которым жизнь на нашей суровой земле даётся очень трудно. Все они едины в любви к Родине. Поэт из Братска **Юрий Розовский** написал просто и сердечно:

*И это кредо русского поэта —
как женщину любить свою страну.
И ничего не требовать за это,
И ничего не ставить ей в вину.*

5

Патриотом России всегда был наш сибирский поэт **Денис Цветков**. В журнале «Сибирь» поэт Владимир Скиф рассказывает историю его жизни и творчества (№ 3, 2022 г.). Денис Цветков прожил так долго, что был свидетелем почти всех значительных событий минувшего века! Заслуженный ветеран войны, он, тем не менее, пострадал за резкую критику в адрес «кастовых писателей». В отместку стихи Цветкова не печатали двадцать семь лет. Не могли помочь опальному поэту-фронтовику даже партийные органы.

Помню Цветкова на одной из встреч с писателями Иркутской области. Он весь светился духовной энергией. Это был наш соотечественник, хороший семьянин, во время войны — отличный снайпер, а поэт с очень трагической судьбой, по-

тому что защищать Россию от внешних врагов на поле боя Силы Небесные его научили, а как бороться с недругами внутри российского общества — никто не объяснил. И вот шёл по дороге поэтических строчек наш добрый, доверчивый лирический герой — пел свою песню любви, но только этой любовью и счастлив! На него смотрят косо в издательствах, других структурах, где делят премии и дают гранты.

Лирический герой такого поэта храбро воюет, громко заявляет о своей любви к родине, в общем, подобно герою известной советской песни: проходит, как хозяин необъятной родины своей. Но хозяин он только в песне и стихах. Сам же поэт — создатель лирического героя, не попавший в касту избранных в реальной действительности, словно бедный родственник.

— Ты мог бы стать большим поэтом, но ты родиться опоздал! — говорил ему другой поэт, Василий Фёдоров. На что Цветков отвечал:

*Пусть я не вовремя родился,
судить об этом не берусь.
А всё ж, родившись, пригодился,
Не запятнал родную Русь!*

Да, не только наш сибиряк «опоздал»! С началом двадцатого века и Сергей Есенин в столице смотрелся каким-то «аборигеном», духовно чужим для городской литературной тусовки, которая воспринимала Россию как место временного проживания. Каким-то древним старообрядцем смотрелся в столице народный поэт Николай Клюев.

Считаю самой большой виной руководства культурой советского времени варварское отношение ко многим исконно-народным русским поэтам. «Недополучили» они той любви и внимания читателей, которых заслуживали. Каждый из них яркая, целая вселенная! Но создать своего героя, как что-то художественно завершенное, на долгий исторический период, они не смогли из-за того, что не было общественной поддержки, не было народного «эха», которое требуется в таких случаях. Жизненно важная поддержка сама по себе не возникнет! Её надо создавать специально с помощью СМИ, учебных программ, созидательной работы литературных критиков. Кто-то лукавый пробует нам внушить, что демократия в России даёт возможность всем проявить себя. Либеральная революция, подражая большевикам, «взяла» под свой контроль не только почту, телеграф, коммерческие банки, но и учебные программы, издательства и многие СМИ. Везде еще царит идеология «ЭГО»!

Авторы из Сибири, как и в советское время, сегодня в своих стихах продолжают признаваться в любви к древним традициям, к духовным ценностям православной России. Прочитаешь стихотворные подборки в толстых журналах за последние несколько лет, и такое ощущение, что не было у нас, в России, никакой смены общественного строя, и не появилось множество новых читателей с практическим «рыночным» мышлением и набором своих примитивных развлечений от кино до книжной продукции. Эта категория сограждан часто вызывает у сибирских поэтов только ироническую улыбку.

Ну, как без неё можно читать учебник «Поэзия», изданный в 2016 году, где на полном серьёзе, говоря о тематических предпочтениях либеральных литераторов, пишут, что для Сергея Гандлевского это «тема отвращения к себе», «для Юлия Гуголева — тема еды» (3).

Как тут не вспомнить стих Мандельштама, написанный, правда, по другому поводу: «вы живёте, под ногами не чуя страны».

Поэт из Ангарска **Валерий Дмитриевский** написал:

*Не повезло с народом вам, правители.
Мещане, быдло, смерды, батраки.
Косой работать, топором ли, шпателем,
А вороги нагрянут — встанет рать...
Народ и состоит из обывателей,
Которых вы привыкли презирать.*

(Сибирь, № 2, 2022 г.)

6

Теперь, через многие годы, с великой грустью осознаём: рядом с нами выросли, творили, удивляли характером неповторимые поэты, которых нашей литературе очень не хватает. Как писал один из таких самородков, родом из Ангарска, **Иннокентий Новокрещённых**: «потом меня не будет, я исчезну, оставлю горстку строк взамен себя» (журнал «Сибирь», № 4, 2022 г.). Хорошо еще, что несколько удачных памятных строк поэт сумеет оставить взамен себя, а не одну «горстку» пепла вместо себя. Сколько их, талантливых авторов, принесло по «горсточке», по «крупнице» стихов в сокровищницу нашей поэзии и кануло в Лету.

Но и за этот вклад им великое спасибо! Эти «крупницы» превращались в песни, будоражили других начинающих писать смельчаков удачно найденными образами. «Удивительно мощное эхо! Очевидно — такая эпоха! — очень точно сказал о нашей сибирской литературе поэт из Омска **Леонид Мартынов**. Сибирский климат очень благоприятствовал появлению талантливых поэтесс. На севере Иркутской области выросла, как поэт всесоюзного уровня, **Светлана Кузнецова**. Поэзия как молодое вино «бродила» в душах выпускниц гуманитарных вузов. Десятки «звёздочек» вспыхивали и быстро гасли на поэтическом небосклоне Приангарья.

«Удивительно мощное эхо» поэзии разбудило вдохновение представительниц прекрасного пола уже наших, рыночных времён. Появились такие яркие профессиональные поэты, как **Наталья Камышова**, **Валентина Сидоренко** и еще несколько имён. Все, кто добился успеха у читателя, отличаются неповторимым характером, напоминающим нам по своим проявлениям великую Марину Цветаеву.

Кажется, совсем недавно жил и трудился среди нас замечательный своей добротой и весёлым характером, большой (и ростом тоже) поэт **Ростислав Филиппов**, и, если бы не тяжёлая болезнь и смерть, возможно сравнялся бы он по популярности с хвалёными московскими знаменитостями. При нём поэзия Приангарья вышла на новый уровень. Стыдно было писать плохо по соседству с таким земляком, который оставил нам такие стихи!

*Да, сибиряк — душа живая —
Хранит с суровым прошлым связь,
Беду и радость принимая
С достоинством, не суетясь.*

*И как судьба ни распалась,
Как ни рубила, как ни жгла.
Но крепость духа оставалась.
Она в традицию вошла.*

(журнал «Сибирь», № 6, 2022 г.)

Через лихолетье прошли, сохранив свой большой творческий потенциал, только сибирские поэты с самым несгибаемым, сильным характером. А сила эта, как правило, опиралась на могучий талант. Надо было только правильно им распорядиться. И они выстояли, выстрадали право оставаться в обойме самых лучших поэтов России, и в двухтысячные годы вышли на новый, более высокий уровень своего творчества.

Яркий пример — поэт **Василий Козлов**. Многие годы он посвятил издательскому делу и редакционной работе в журнале «Сибирь». На этом посту надо было быть настоящим православным человеком и стойким бойцом, чтобы сохранить народные традиции журнала среди разгула чуждого сибирякам «западного» эгоцентризма.

Василию Васильевичу хватило творческого потенциала еще и на новые достижения в поэтическом творчестве. Силу таланта можно легко определить по смелости, с которой поэт выбирает темы для стихов. Скромный, неуверенный в себе автор осваивать сложные жанры не будет, глубокую драматургию в повествовании не осилит.

Василию Козлову в поэзии подвластно всё: захочет рассказать историю жизни двух иркутских женщин, которые «живут, как две сестры», и одной интонацией, одним небольшим пересказом их быта в нескольких строчках, скажет душе чуткого читателя так много, что кажется, это не стихотворение, а фильм Никиты Михалкова «Пять вечеров».

Лирический герой Василия Козлова ничего не боится в этой жизни:

*Пусть же стая волков обступает в кольцо,
Но, надеясь и веря,
Я смерти в чужое лицо
Посмотрю со спокойствием зверя!*

Очень важно, что эта смелость проистекает не от физической мощи, которой наш сибиряк не обижен, а от духовной силы, которую дал ему Господь.

*«Тот, кто Бога, воскресшего в сердце, несёт,
Никого, ничего не боится»*

Вспоминаю героев стихов Василия Козлова прежних лет. Они запомнились живущими с упоением молодости среди природы Прибайкалья, которая сама по себе сплошная поэзия! Теперь лирического героя чаще можно видеть в православном храме. Долголетие похоже на авторский договор с Небом! Надо в стихах «отрабатывать» всё обещанное Богу! Никто, кроме самого поэта, его приобретённый жизненный опыт не превратит в поэтические образы для будущих поколений.

Приложение:

1. Ляпон, М.В. Язык писателя. Лингвистический эксперимент под контролем творческой интуиции / М.В. Ляпон. — М. : Издательский дом ЯСК, 2020. — С. 228.
2. Проблемы синестезии и поэтика авангарда. — М. : [б.и.], 2020. — С. 213.
3. Поэзия : учебник. — М. : ОГ— И, 2016. — С. 74.

*г. Минусинск,
июль, 2023 г.*

Сумочка к ребру

СВЕТЛАНА СУПРУНОВА

КАЛИНИНГРАД

Ничего без меня

Мной чадят Карфагены! Мной Трои горят!
Мной давно пооплавлены крылья Икара!
Мне Сальери давно нацедил в кружку яд.
Я пропала...

Светлана Леонтьева

Я собою всегда подогрею рагу,
Напеку, как оладий, куплетов.
Вы со мной не шутите, собою сожгу
Поэтесс и бездарных поэтов!

Мною звёзды горят, я ночами не сплю,
Регулирую температуру,
Я как пить дать собой обожгу, опалю
Нашу бедную литературу!

Всё в окошко гляжу, как смотрю сериал,
Мной коптится строка, словно сало.
Вон Сальери (я спешно готовлю бокал).
Что ж он мимо прошёл? Я пропала.

Называя женскими именами

Завесы разошлись от крика,
К стакану тянется рука.
Прощай, Россия-Анжелика,
Мария-Родина — пока!
Крепчает бормота-цикута
На доньшках невымытых чаш;
Поставь свечу, Сибирь-Анюта,
За образ уходящий наш.

Александр Хабаров

Когда стихи, когда новеллы
Усердно пишешь дотемна,
Как в тему рюмки Изабеллы
И Василиса-ветчина!

Нет, не пустяк закуска наша,
Такая скудная на вид,
С лучком, селёdochка-Наташа
На блюдецe розовом лежит.

Потом чудачества, затеи...
Увижу где-то вдалеке
Оазис сладкой Галатеи
И Галатею на песке.

Всё чушь, пирушка как пирушка,
Я потянусь на лунный свет.
Прощай, Матрёна-комнатушка,
Варвара-улица, привет!

И вот иду, расправил плечи,
В оазис сказочный хочу;
Калитку распахнув, «До встречи!» —
Канаве-Глории кричу.

Как-то рвано и дыряво

Тяжело душе в ночи бессветной,
Жутко на отшибе бытия.
Как рулон бумаги туалетной,
Рвано убывает жизнь моя.

Лев Котюков

Где-то там моя шальная слава,
И в кармане старом ни гроша.
На душе то мокро, то дыряво,
Вот такая странная душа.

Сравниваю с горестью заметной
Всякие предметы бытия.
Как рулон бумаги туалетной —
Рукопись бесценная моя.

А сосед вчера проснулся рано
И в трусах в уборную бегом.
Как-то рвано, скажем, очень рвано
Уходил в безвестность первый том.

ВЛАДИМИР СКИФ

Россия и я

Стрекозы звенят у виска —
И носятся напропалую.
Склоняюсь к воде родника,
Как будто
        Россию
                целую.

Михаил Пляцковский

Меня пол-России поёт.
Я знаю: известность —
                                отрава,
Поскольку везде достаёт
Меня моя шумная слава.

Меня хорошо издают,
Шедевры звучат на экране.
Певцы, словно птички, снуют
В кафе, в кабаре, в ресторане.

Я сам свои песни пою
И к массам иду на сближенье.
Склоняюсь к лесному ручью —
И вижу своё отраженье.

Прибрежный цветок беребя,
Со славой своей не балую.
В ручье я целую себя,
А значит
        Россию
                целую!

Тираж дыхания

...Через толщу реликтовой флоры,
головой прошивая пласты,
как я рвался за светом, который
нарождался внутри темноты.

Завершив череду превращений,
перемену подобий и тел,
сотворения сумрачный гений
безглагольно сказаться хотел...

*Геннадий Русаков,
сб. стихов «Длина дыхания»*

Я взошёл из реликтовой флоры,
из тритона, удава, хвоща,

расслоился и вывернул горы,
обезьяньим хвостом трепеща.

Среди тварей, как я, бессловесных,
мезозойской тропой скакал
и питался корою древесной
и кабаньего мяса алкал.

Так, пройдя череду превращений,
и уже не предвидя преград,
через вытяжку жаберной щели
я дыхательный нёс аппарат.

Амфибрахий, анапест и дактиль
сквозь дырявое горло текли...
Надо мною кружил птеродактиль
и цвели катаклизмы земли.

Наблюдая камней громыханье,
я вдыхал наслоенье пластов,
тиражом измеряя дыханье
и объёмом печатных листов.

Охота на рябчиков

Словно рябчики утром раненько
листья с веток слетают. Денёк...

...И рябец коротким свистом
в голубичнике поёт...

Михаил Рябиков

Ешь ананасы, рябчиков жуй...

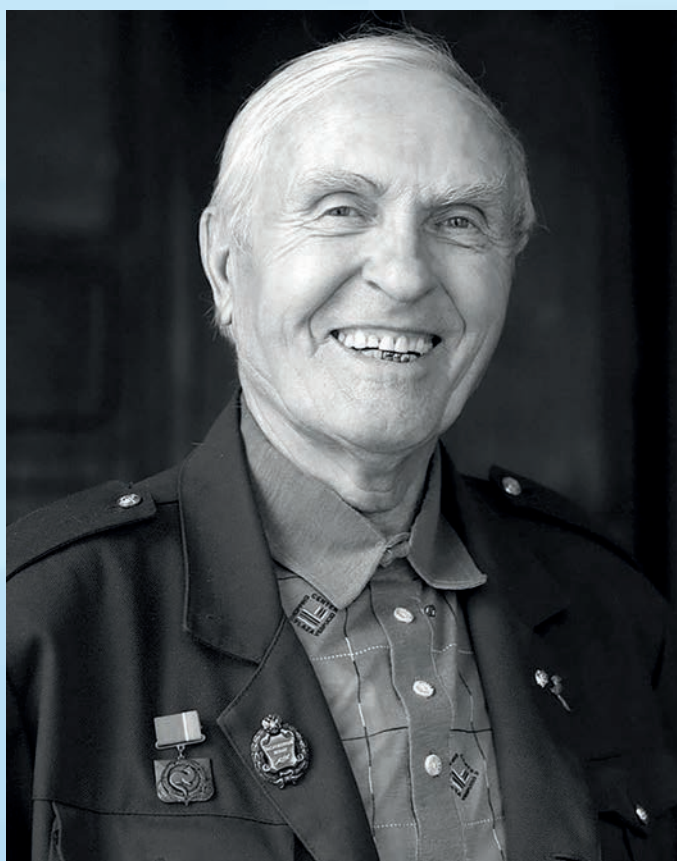
Владимир Маяковский

Я до рябчиков охотник.
Сбив куржак, за ним — кухту,
Стихотворец и высотник,
Я за рябчиком иду.

Из меня хороший стряпчий.
А ружьё дулетом бьёт...
Вот идёшь и смотришь: рябчик
В голубичнике поёт.

Подойдёшь к нему, взглядишься —
Почки любит он клевать...
Настреляешь — и садишься
Убиенных воспевать.

У «буржуйки» в день ненастный
Отоспишься, как буржуй.
И, хоть нету ананасов,
Сваришь рябчика — и жуй!

Семён Климович Устинов, писатель, кандидат биологических наук

90 лет

со дня рождения писателя
УСТИНОВА СЕМЁНА КЛИМОВИЧА

